

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2016

№ 1 (147)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2016

№ 1 (147)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, профессор (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

Члены редколлегии

Б. Н. Лозовский,
докт. филол. наук, доц.

М. М. Ковалева,
докт. филол. наук, проф.

В. Ф. Олешко,
докт. филос. наук, проф.

И. В. Зиновьев,
докт. филос. наук, доц.

Э. В. Чепкина,
докт. филол. наук, доц.

И. А. Ершова,
канд. филос. наук, доцент

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

А. П. Чудинов,
докт. филол. наук, проф.

Н. Б. Кириллова,
докт. культурологии, проф.

Т. А. Галеева,
канд. искусствоведения, доц.

Т. Ю. Быстрова,
докт. филос. наук, доц.

Г. Е. Зборовский,
докт. филос. наук, проф.

Р. Коул, проф. (США)

В. Батмаз, проф. (Турция)

Лей Юцзе, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Асташова Ю. С., Стровский Д. Л.* Специфика современного информационного вещания на региональном телевидении: на примере «Canal Sur» (Андалусия, Испания) и «ОТВ» (Екатеринбург, Россия)..... 6
- Горина Е. В.* Особенности текстовых категорий в дискурсе Интернета 18
- Огнев К. К., Акопов А. З.* Российский исторический телесериал: между искусством и массовой культурой 22
- Олешко В. Ф., Тарханова Е. В.* Творческая реализация журналиста в деловых изданиях..... 30
- Белоцерковская Я. С.* Специфика публикаций на тему культуры в условиях развития интернет-технологий..... 40
- Ветошкина И. А., Голоусова Е. С.* Освещение экстремальных ситуаций зарубежными СМИ (на примере *New York Times, El Pais, La Stampa* и других изданий)..... 48
- Свечков Д. Ф.* Влияние СМИ на поведение потребителей банковских услуг в условиях российского финансово-экономического кризиса 2014–2015 гг. 53

Восточный меридиан

- Батжаргал Д.* Эпос как ведущее направление стихотворной литературы Монголии (на примере творчества для детей и юношества)..... 63
- Ганхуу М.* Восприятие Китая и России прессой Монголии: на примере газетных заголовков 69

ПСИХОЛОГИЯ

- Лебедева Ю. В.* Исследование стратегий выражения сочувствия у студентов из России и Китая..... 77

- Пермякова М. Е., Муртазина М. А.* Субъективное ощущение счастья у матерей и их детей юношеского возраста..... 85
- Злоказов К. В., Ломтатидзе О. В., Булатова Э. В.* Зрительные характеристики восприятия креолизованных текстов деструктивной направленности..... 92
- Бардышевская М. К.* Нарушения развития аффективно-поведенческих комплексов при аутизме: определение возможностей их восстановления 102
- Киселев С. Ю., Львова О. А., Бакушкина Н. И.* Комплексный подход в диагностике нейрокогнитивных функций у детей, имеющих риск развития расстройств аутистического спектра..... 113

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кириллова Н. Б.* Языковые технологии в медиакультуре как кодификаторы реальности..... 122
- Егорова А. А.* Коммуникативные стратегии стрит-арт (на примере практик екатеринбургских художников)..... 127
- Жерносенко И. А.* Алтай как зона пограничья в процессе евразийского культурогенеза 137
- Астахов О. Ю.* Культуротворческие идеи интерпретации мифа о Дионисе в философии Вяч. Иванова..... 144
- Степанова Т. М., Степанов А. В.* Иконика: архитектурный метод как целостная интегральная система..... 151

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Обучение детей мигрантов в Великобритании: образовательная политика и реалии повседневных практик 159
- Быстрова Т. Ю., Токарская Л. В.* Проектирование образовательной среды для детей с расстройствами аутистического спектра: к постановке вопроса 168

УГОЛ ЗРЕНИЯ

- Исхаков Р. Л.* «Не судимы будете...» К вопросу о Федеральном списке экстремистских материалов 175

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

- Дорошенко В. А., Запарий В. В.* «Второй литературный путь» Льва Гумилевского: от проблем сексуальной этики к истории науки и техники 185

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Гавра Д. П.* Функции журналистики. По ту и эту сторону: Размышления о книге профессора Д. Стровского «По ту и эту сторону: эссе и очерки». 195

- Мясникова М. А.* «Нужно самоутверждение в делах, в созидании...» (рец. на кн.: *Кириллова Н. Б.* Ярополк Лапшин)..... 199

- Антошин А. В.* Студентам об издательском и книжном деле русского зарубежья (рец. на кн.: *Базанов П. Н.* Книжное дело русской эмиграции: курс лекций) 202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Расстройство аутистического спектра: проблема и пути ее решения (информация о Международной научно-практической конференции «Аутизм: междисциплинарный подход», 18–21 сент. 2015 г.). *А. И. Котюсов, Е. В. Сулейманова, Н. В. Туленина* 205

- S u m m a r y 210

УДК 070:654.022 + 316.774:654.1

Ю. С. Асташова
Д. Л. Стровский

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЕЩАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ: НА ПРИМЕРЕ «CANAL SUR» (АНДАЛУСИЯ, ИСПАНИЯ) И «ОТВ» (ЕКАТЕРИНБУРГ, РОССИЯ)

Рассматриваются особенности современного новостного вещания на региональном телевидении. С помощью терминов «информация» и «телеинформация» авторы стремятся выявить закономерности информационной политики двух региональных телеканалов — в России и Испании и обозначить содержательные приоритеты их вещания. Для более точного понимания роли информационного вещания в обществе авторы прибегают к форме опроса. На основе изучения обширного эмпирического материала (40 новостных выпусков) и данных опроса делаются выводы об эффективности информационного воздействия этих двух телеканалов и возможностях их взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: СМИ; телеинформация; информационное вещание; новости; аудитория.

Новости, которые являются «визитной карточкой» современных телеканалов, играют все более значимую роль в сетке вещания. Многие из этих каналов, как общенациональные (федеральные), так и региональные и местные, предлагают несколько выпусков теленовостей в день. Именно эти программы являются информационным «якорем», притягивающим и рекламодателей, и зрителей. Поэтому, несмотря на то, что в коммерческом отношении новости не могут быть прибыльным проектом, каждая уважающая себя редакция старается вложить в их создание максимум усилий и средств и сделать эти сюжеты востребованными для аудитории.

АСТАШОВА Юлия Сергеевна — руководитель отдела PR и рекламы Выставочной компании «Эксперт», г. Екатеринбург (e-mail: noskinabataraee@gmail.com).

СТРОВСКИЙ Дмитрий Леонидович — доктор политических наук, профессор кафедры истории журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: strovsky@mail.ru).

© Асташова Ю. С., Стровский Д. Л., 2016

Региональные каналы в России более приближены к зрителю, нежели федеральные. Если последние воспринимаются в общественном сознании как информационные источники, позволяющие лучше понять государственную политику, то к региональным и тем более местным телеканалам аудитория относится принципиально иначе. Зрители подсознательно ждут от «своего» телевидения большей «душевности», «теплоты», «приближенности к народу» по сравнению с федеральными телеканалами. На практике, однако, это получается не всегда, поскольку проблема политической и финансовой зависимости регионального телевидения от властных структур и акционеров оказывается фактором, определяющим их информационную политику.

Проблема нахождения компромисса между интересами учредителей и потребителей информации носит глобальный характер и актуальна не только для российских телеканалов. Многие европейские страны, например Франция, Чехия, Венгрия и др., четверть века назад уже пережили серьезную трансформацию рынка СМИ. Это выразилось в увеличении числа общенациональных, региональных и местных телеканалов и, соответственно, в появлении большего разнообразия предлагаемого контента. В условиях начавшейся тогда глобализации, в том числе и информационной, и возросшей экономической конкуренции многие телевизионные редакции за рубежом оказались перед сложной дилеммой: как и на какую именно аудиторию следует работать в сложившихся условиях?

Поиск ответа на этот вопрос продолжается и сегодня. Сложность этого процесса определяется тем, что массовая информация не является статичным продуктом. Она обновляется не только каждый день, но и ежечасно, что порождает проблему создания и устойчивого развития информационной политики всех без исключения телеканалов — политики, главную скрипку в которой играют новости.

Таким образом, исследование специфики информационного вещания приобретает не только теоретический, но и практический интерес. Рассмотрение этой темы становится более значимым при сравнительном восприятии деятельности различных телеканалов. Благодаря этому появляется возможность лучше понять, в какой мере профессиональные ориентиры редакций совпадают с ожиданиями аудитории.

Мы остановили свое внимание на сопоставлении информационного вещания двух региональных телеканалов — российского и испанского. Почему для сравнения взято именно испанское телевидение? Несмотря на множество различий, присущих двум странам в политическом, социально-экономическом и духовном отношениях, а также в развитии массово-информационных процессов, у аудиовизуальных СМИ этих стран есть схожие черты. И те, и другие СМИ долгое время развивались в авторитарных условиях, испытывая ярко выраженные ограничения. В 1970-е гг. телевидение Испании и в содержательном отношении, и в техническом выглядело отстающим на фоне телевидения многих европейских стран. Схожим было положение и советского телевидения: у нас функционировало лишь государственное ТВ. Ни о какой вариативности информации и возможностях ее выбора не могло быть и речи.

Процесс трансформации информационного телевидения в обеих странах происходил почти одновременно, с разницей лишь в несколько лет. В Испании он начинается в конце 1970-х гг., после смерти диктатора Франко (правившего страной без малого четыре десятилетия), в нашей стране — в период горбачевской перестройки и последовавших за ней рыночных реформ 1990-х гг. В обеих странах в это время пытаются создать и реализовать конкурентоспособный информационный продукт.

Многое действительно удалось — и в отношении тематического разнообразия информации, и по части более свободного, чем прежде, общения с аудиторией, в том числе в рамках информационного вещания. Более неформальным стало поведение ведущих новостных выпусков, которые перестали напоминать «говорящие головы» и превратились в активных соучастников обсуждаемых событий. Это коснулось не только столичных телеканалов в обеих странах, но и региональных.

Более детальный анализ информационного вещания на двух телеканалах — «Canal Sur», находящемся в испанской провинции Андалусия, и екатеринбургском «ОТВ» — представляет особый познавательный интерес. Отталкиваясь от такого базового понятия, как телеинформация, мы попытались определить особенности информационной политики регионального телевидения этих стран. До сих пор эта политика не подвергалась сравнительному анализу. Кроме того, сопоставление содержательных приоритетов отмеченных телеканалов позволило точнее понять информационные тенденции, присущие современному региональному телевидению в целом.

Жанр телеинформации как предмет научного познания

Обратимся в первую очередь к исследованию самого термина «информация». Рамки статьи не позволяют рассмотреть его в полном объеме, принимая во внимание распространенность этого термина во многих научных направлениях (как гуманитарных, так и технических, естественных) [10]. В различных подходах к определению сущности и смысловых приоритетов информации кроется основная причина, почему она по-прежнему не получила «общепринятого, исчерпывающего определения» [11]. С одной стороны, она воспринимается как сообщение о чем-либо, как сведения об окружающем мире [16, 245], свойство материи [8], а с другой — как фактор управления [28, 16] и основа для принятия решений на всех этапах развития общества и государства [9, 5]. При этом подходы к изучению этого понятия предлагаются самые разнообразные.

Затрагивая тему информации как таковой, нельзя вместе с тем забывать, что она неразрывно связана с целостной эволюцией общества. Так, И. В. Мелик-Гайзякян рассматривает информацию как единый необратимый процесс [14], а Б. А. Семеновкер воспринимает ее в виде опыта, накапливаемого в ходе всей эволюции человека [23, 5–6]. В качестве доказательства Б. А. Семеновкер ссылается на становление ранних форм коммуникации, которые были как вербальными, так и невербальными. К числу последних он относит музыку, изобразительное и танцевальное искусства. Именно в начальный период формирования

коммуникационного процесса зарождается письменность и появляется возможность фиксировать информацию.

Следующий период связан с возникновением книгопечатания и уже активным тиражированием информации [9, 7]. Отныне коммуникационный процесс становится востребованным не в индивидуальном, а в массовом сознании. В свою очередь, интенсивное развитие наук дает существенное расширение информационного пространства. Появляется возможность говорить о разных типах информации — социальной, биологической, психологической и т. д.

«Информационная революция» дает мощный толчок динамике распространения информации, ее вариативности и аудиторному охвату [9, 7]. Это становится возможным благодаря изобретению технических средств доставки сообщений — телеграфа, радио, телевидения. Это время характеризуется усилением роли СМИ в обществе. Информация становится оружием манипулятивного воздействия и пропаганды. В то же время информация воспринимается и как кибернетическая единица. Так, математики К. Шэннон [28], У. Эшби [30] рассматривали ее в абстрактно-глобальном плане, как средство, способное менять и окружающее пространство, и мышление, поведение больших общественных групп. Соответственно, информационная теория, которой они оперировали, предполагала преемственность основных признаков того или иного явления.

Восприятие информации в социальной сфере с самого начала базировалось на идее последовательного накопления сведений, осуществляемого в ходе повседневной человеческой практики [20, 94]. Вместе с тем, например, А. Д. Урсул воспринимал этот процесс, исходя в большей мере не из массового, а индивидуального мышления. Он полагал, в частности, что информация всякий раз интерпретируется для решения конкретных задач и в зависимости от потребностей субъекта [25, 15].

На рубеже тысячелетий мир вступил в новый информационный период. Интернет-технологии уже превратили информацию в «глобальный, в принципе неистощимый ресурс» [1, 10]. Многогранность понятия информации на сегодняшний день позволяет рассуждать и о разнообразных аспектах ее применения. Однако мы остановимся лишь на некоторых из них.

Ю. А. Шерковин видел в передаче любой информации сложный и нелинейный процесс, в ходе которого происходит реализация различных потребностей субъекта. Для достижения оптимального результата ответственность возлагается на механизм передачи информации, благодаря чему стереотипы в личном и общественном сознании либо преодолеваются, либо множатся [29]. Данное утверждение напрямую относится к возможностям реализации социальной коммуникации, в том числе и телеинформации, являющейся базовым понятием для нашей статьи.

Следует признать, что еще за много лет существования телевидения предпринимались попытки разграничения журналистской информации и телеинформации. Телеинформация не всегда бывает журналистской, с учетом того, что последняя предполагает определенный уровень непредвзятости, выверенного отношения к исследуемым фактам. Вместе с тем границы между названными видами информации по-прежнему размыты, что приводит и к противоречивым

определениям понятия телеинформации. Это связано с многообразием граней этого термина.

В широком смысле под телеинформацией можно понимать практически весь объем телевизионного вещания, а в узком — его информационные выпуски. По каждому из названных направлений к настоящему времени существует своя «теория вопроса». Например, для Е. А. Войтик телеинформация неотрывна от таких понятий как пространство, время и системность. Их совокупность позволяет рассматривать информационную реальность в ее комплексном восприятии, с учетом постоянно возникающей изменчивости [4]. В свою очередь, Р. Арнхейм анализирует психологические аспекты восприятия телеинформации. Он справедливо отмечает, что при ее создании синтезируется слово и картинка, и это рождает принципиально новое отражение действительности [2, 120]. Тем самым, подчеркивает Р. Арнхейм, происходит не линейное воспроизведение факта, а его обобщение (применительно к наиболее существенным явлениям жизни). Вместе с тем значительно больше исследователей воспринимают телеинформацию в сугубо прагматическом смысле. Так, Г. В. Кузнецов и др. [12], Н. В. Зверева [6] и С. Н. Ильченко [7] рассматривают телеинформацию прежде всего как основу новостных выпусков.

Рассуждая о специфике информации на телевидении, В. В. Егоров отмечает, что этот вид СМИ, в отличие от других, дает «не хлеб, а зрелища», делая зрителей соучастниками событий. Этих возможностей лишена газета и лишь частично может воплотить в жизнь радио [5]. С данным суждением трудно согласиться, поскольку деятельность всех без исключения СМИ основывается на информационной, образовательной, просветительской и других важнейших социальных функциях. Таким образом, эффектное и наглядное транслирование «духа» события — это далеко не все, на чем призвано строить свое воздействие современное телевидение. Другое дело, что содержание информации здесь неотделимо от операторской работы, которая может либо усилить эффективность того или иного сюжета, либо свести это воздействие на нет. Кроме того, формат телеинформации применительно к любому новостному вещанию, ориентированному на массовую аудиторию, не позволяет осветить событие во всей его полноте, что с неизбежностью требует включения в сюжеты особого языка и ярких «картинок», которые становятся специфическим проявлением информационной деятельности.

Нельзя не признать, что действительность, отображаемая в телеинформации, не просто фиксируется журналистом и оператором, но всякий раз моделируется — с учетом содержательной стратегии телеканала, специфических задач, которые ставят перед собой репортеры при создании сюжетов, и других факторов, определяющих концепцию информационного вещания. Отсюда многие исследователи сходятся во мнении, что сама информация предоставляет множество возможностей для быстрой и эффективной реализации манипулятивных целей. Психолог Р. Харрис связывает это с тем, что для усвоения информации с телеэкрана нужно прикладывать куда меньше усилий, чем для усвоения информации радио и прессы [27]. Вторя ему, В. Т. Третьяков пишет об «одномоментном и сколько угодно по продолжительности психологическом воздействии на всех граждан», подчеркивая

при этом главные свойства телеинформации: доступность, массовость, усвояемость и способность затронуть чувства и эмоции [24, 205].

Таким образом, к настоящему времени применительно к медиаинформации вообще и телеинформации в частности накоплен целый ряд научных подходов, позволяющих более продуктивно оценить практику функционирования телевидения.

Телевидение России и Испании: особенности функционирования

Как уже отмечалось, к концу 1980-х гг. наследие авторитарного режима, действующего в обеих странах на протяжении многих десятилетий, еще не ушло в прошлое, однако политическая трансформация, предпринятая в эти годы, определила перемены во многих сферах жизни, в том числе и в области массовой информации.

Это время характеризуется процессом децентрализации массмедиа. Испанский федеральный телеканал RTVE постепенно утрачивает лидерство в вещании, которое завоевывают региональные каналы: сначала в Каталонии и на Канарских островах, затем и по всей Испании. Смена приоритетов во многом определялась падением интереса к ангажированному и предсказуемому в информационном плане федеральному каналу, что и привело к усилению позиций регионального телевидения (особенно в экономически развитых провинциях страны). Как отмечает В. И. Сафонов, телеканал RTVE, как главный франкистский транслятор пропаганды, уделял довольно слабое внимание актуальным событиям и проблемам, что в конечном итоге и привело к его серьезному провалу [22]. В свою очередь, телекомпании, вещающие в крупных городах, стали выдавать по-настоящему нужный населению информационный продукт. Практически все они начинали с нескольких часов собственного вещания в день, но довольно скоро приступили к созданию собственных программ. Через несколько лет в регионах появляются уже крупные медиахолдинги.

Аналогичная ситуация чуть позже разворачивается и в России. Горбачевская гласность стимулировала возможности отечественного телевидения, что привело к появлению в регионах десятков филиалов ВГТРК и частных телеканалов [7]. К середине 1990-х гг. в России в совокупности насчитывалось уже более семидесяти телекомпаний.

Не последнюю роль в организационной трансформации телевидения в обеих странах сыграло совершенствование законодательной базы. Принятые в 1978 г. поправки к Конституции Испании закрепили автономное право телеканалов на распространение информации, культурное и художественное своеобразие своей продукции [17]. Это привело к снижению зависимости региональных телеканалов от каналов общенациональных и к постепенной децентрализации вещания. В настоящее время в Испании, кроме того, действует Закон о СМИ, принятый на основе правовой базы Евросоюза, есть также отдельный закон «О частном телевидении». Сегодня обсуждается и проект новой редакции закона «О радио и телевидении государственного значения».

В России процесс закрепления правового статуса телевидения оказался более сложным. Долгое время единственным юридическим регулятором деятельности

телевидения был Федеральный закон о СМИ 1991 г. [26], однако в этом документе собственно телевизионная деятельность не получила специального освещения. Сегодня существует много законодательных актов, которые в той или иной мере регулируют деятельность телевидения. К ним относится, например, закон «О рекламе» (от 13.03.2006), закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (от 29.12.2010) и т. д. Вместе с тем закон «О телевизионном вещании и радиовещании» до сих пор не вступил в силу. И это несмотря на то, что он был одобрен Госдумой еще в 1997 г. Отдельные положения, в частности право на свободу слова, права и обязанности редакционного коллектива и ряд других, по-прежнему регулирует уже отмеченный Закон о СМИ. Однако за четверть века, прошедшие с момента принятия этого документа, многие его положения вступили в противоречие с практикой телевидения.

Все сказанное выше позволяет говорить о большей правовой защищенности испанских телекомпаний по сравнению с телекомпаниями российскими.

Несмотря на различия в правовом обеспечении деятельности телевизионных СМИ Испании и России, аудитория обеих стран испытывает к ним ярко выраженный интерес. На сегодняшний день в нашей стране вещают свыше 150 региональных и местных каналов [3], что само по себе свидетельствует о ярко выраженной потребности отечественной аудитории получать различную информацию через «голубой экран». Испания не может сравниться с Россией ни по территориальным масштабам, ни по численности населения, и именно по этой причине формальные темпы развития телевидения здесь скромнее. На данный момент в Испании на федеральном уровне ведут трансляцию два государственных и три частных телеканала. Кроме того, существует 11 автономных телеканалов, действующих в провинции. Вместе с тем, по словам Г. Н. Пашкова, телевидение является для испанцев «самым любимым» средством информации, их «второй жизнью» [13, 48]. На общем фоне провинциального телевидения по всем показателям лидирует TV-3 Каталонии, аудитория которого составляет 20,9 % всего испанского населения. Андалусский «Canal Sur» уступает ему на 6,1 % [19, 50]. В России телевизор также давно стал популярным способом досуга. Средний россиянин находится у телеэкрана 190 минут. Хотя бы один телевизор есть почти в каждой городской российской семье. А в каждом четвертом доме — два телевизора [13, 193]. При этом предпочтения аудитории в отношении федеральных и региональных телеканалов распределяются практически одинаково. В отдаленных районах, правда, в силу технических обстоятельств большей популярностью пользуются федеральные каналы.

Все это свидетельствует о том, что региональное ТВ довольно популярно как в России, так и в Испании.

Особенности информационного вещания на «Canal Sur» и «ОТВ»

Для того чтобы полнее представить специфику информационного телевидения на двух телеканалах, проанализируем особенности их современного развития и содержания.

Политику канала «Canal Sur», основанного в 1989 г., во многом определил уже существующий к тому времени закон об автономном статусе Андалусии. Этот документ провозгласил, в частности, идею защиты свобод граждан, уважение к политическим, социальным, культурным ценностям и право на выражение свободного мнения [18]. Канал неофициально считается «правительственным», но критикует политику премьер-министра Испании Мариано Рахоя, а также его партии. Сегодня «Canal Sur» осуществляет круглосуточное вещание, предлагая самые различные по содержанию наполнению программы. Среди них — четыре информационных выпуска: «Primera hora y Buenos días» («Первый час и с добрым утром»), «Noticias mediodía» («Дневные новости»), «Mas que noticias» («Больше чем новости») и «Noticias noche» («Ночные новости»). Каждый такой выпуск длится не менее получаса и включает в себя сообщения и репортажи, связанные с политической, социально-экономической и культурной жизнью Андалусии.

В свою очередь, телекомпания «ОТВ» начала свое вещание в 1997 г. Сегодня она является региональным каналом, транслируя информацию на 105 населенных пунктов Свердловской области. В сетке канала присутствуют программы информационного, общественно-политического и художественного характера. Часть продукции (фильмы и сериалы) приобретается, однако большая часть контента производится на месте. «ОТВ», как значится на его сайте, «призвано обеспечивать информационное сопровождение деятельности органов государственной власти Свердловской области и реализовывать социально значимые проекты...» [21]. В силу этого телеканал претендует на изложение официальной точки зрения по основным темам дня. При этом «ОТВ» смотрит практически половина жителей Свердловской области, что связано с его техническими возможностями. Канал также считается «проправительственным» и, по сути, нацелен на создание благоприятного имиджа губернатора и областного правительства.

На общем фоне вещания выпуски новостей занимают весомое место: в течение суток на «ОТВ» выходит в общей сложности 17 выпусков программы «События». На выходные дни приходятся итоговые новостные выпуски.

В преддверии подготовки данной статьи мы проанализировали в общей сложности 40 информационных выпусков, увидевших свет на андалусском «Canal Sur» и екатеринбургском телеканале «ОТВ» с апреля по декабрь 2013 г. Разумеется, данное количество не является достаточным для исчерпывающего содержательного анализа, но позволяет выявить ряд проблем, характерных для российского регионального вещания, и пути их разрешения. Имеющийся эмпирический материал позволил проанализировать основные содержательные тенденции, присущие информационному телевещанию в двух странах. Эти тенденции показали нам, с одной стороны, наличие политизации предоставляемой информации. С другой стороны, обоим телеканалам присуще как стремление к поиску интересных и актуальных форм общения с аудиторией, так и определенная шаблонность в отборе материала и его обработке.

Обратимся к практике андалусского «Canal Sur». Сюжеты на политическую тему в его новостных выпусках составили в общей сложности 17 % вещания, криминал — 18 %, новости социальной сферы — 18 %, новости культуры, включающие

развлекательные сюжеты, — 17 %. На этом фоне внимание к международным новостям ослаблено и составляет лишь 12 %, к новостям экономики — 15 %. Сообщения о спорте и вовсе занимают 3 % общего объема. Информационные приоритеты «ОТВ» выглядят по-другому. Новости политики занимают в общем объеме все те же 17 %, в то время как экономика — лишь 10 % (в полтора раза меньше, чем на «Canal Sur»). Зато новости культуры, социальной сферы и спорта лидируют, составляя соответственно 22, 21 и 6 % всего вещательного объема. Также «ОТВ» опережает «Canal Sur» по числу сюжетов на криминальную тему, составляющих 24 % всего информационного вещания. Как видим, несмотря на схожие информационные приоритеты, их пропорции на «Canal Sur» и «ОТВ» разнятся. Есть и принципиальные различия в информационных подходах. Так, новости на международную тему, которые с регулярностью получает испанская аудитория в Андалусии, не занимают существенного места на «ОТВ». Это определяется, на наш взгляд, активной вовлеченностью Испании в общее политическое и экономическое пространство с соседними европейскими и североафриканскими странами и значительно более выраженной по сравнению с Россией самостоятельностью регионов в формировании повестки дня по ключевым вопросам жизни. Не столь заметны на «Canal Sur» и сюжеты на криминальную тему. Европейское телерадиовещание вообще и испанское в частности никогда не стремилось испугать телезрителей, вызвать у них дискомфортное состояние. Этому принципу испанские тележурналисты следуют и сегодня, в то время как их коллеги, работающие в нашем регионе, не гнушаются «ужасниками», предлагая зрителям криминальные сюжеты «на грани фола».

Обозначив общие содержательные тенденции информационного вещания на двух каналах, отметим сходства и различия в подаче сюжетов. За основу сравнительного анализа упомянутых сорока сюжетов были взяты четыре критерия: верстка, роль ведущих, оформление студии, особенности подачи сообщений.

К каким выводам мы пришли?

1. Новостные сюжеты, демонстрируемые на «Canal Sur», по хронометражу длиннее, чем их аналоги на «ОТВ». При этом, однако, все андалусские новостные выпуски (за исключением дневного, тяготеющего к развлекательной информации) построены непривычно: одни и те же новости вначале подаются в укороченной форме, предваряющей программу (с комментариями и подводками ведущего), а потом в расширенной. Этот подход призван усилить внимание к информационным выпускам особенно в утреннее время, когда смотреть весь 30–40-минутный выпуск нет возможности.

2. Политика занимает важное место в выпусках как испанского, так и российского регионального телевидения. Более того, при внимательном рассмотрении сюжетов, демонстрируемых на обоих телеканалах, начинаешь понимать и степень их ангажированности. Это объяснимо. В финансовом отношении «Canal Sur» подчинен региональному правительству, телеканал «ОТВ» — областному правительству. Это усиливает политическую ангажированность вещания и ведет к снижению качества информации. При этом екатеринбургский канал, половина активов которого находятся в ведении области, даже не стремится ретушировать

свои политические амбиции. Что касается компании RTVA, в чьей собственности находится «Canal Sur», то большое количество сюжетов, позитивно оценивающих деятельность регионального правительства, тоже ставит под сомнение объективность транслируемой информации.

3. Новости «Canal Sur» менее статичны и формализованы по сравнению с новостями канала «ОТВ». Об этом можно судить по неформальной одежде ведущих, их свободной манере общения со зрителями. Мы также объясняем это особенностями национального характера: сдержанность не воспринимается испанцами как благо. Информационная программа «События», демонстрируемая ежедневно на «ОТВ», более традиционна по манере вещания, последовательности изложения сюжетов. На наш взгляд, это ограничивает внимание к программе со стороны массовой аудитории.

4. В свою очередь, роль журналистов в испанских новостях во многом нивелирована по сравнению с их екатеринбургскими коллегами. Они крайне редко появляются в стендапах, еще реже используются прямые включения. Принципиально иная ситуация традиционно сложилась в России. В наших новостных выпусках (в том числе и на «ОТВ») стендапы зачастую становятся обязательным элементом подачи материала.

5. Признавая интересные подходы, предлагаемые в новостных сюжетах на обоих телеканалах, нельзя отрицать, что подача информации все же отличается шаблонностью. Большинство авторов не очень озабочено поиском оригинальной формы изложения материала. В заслугу «ОТВ» следует поставить присутствие главного героя (практически в каждом сюжете). «Canal Sur» на этом фоне проигрывает, поскольку здесь не принято подавать информацию через личность, что затрудняет раскрытие различных социальных проблем «в человеческом ключе».

Для получения более детальной картины информационного вещания на канале «ОТВ» мы прибегли к анкетированию зрительской аудитории. Было опрошено 100 человек с целью получения информации о том, насколько является популярным у зрителей этот телевизионный канал. Анкета содержала открытые и закрытые вопросы: «Смотрите ли вы телевизор?», «Обращаете ли внимание на выпуски новостей региональных (местных) телекомпаний?», «Устраивает ли вас качество этих новостей?», «Есть ли недостатки, и если да, то какие, у этих информационных выпусков?». Кроме того, нашим респондентам было предложено представить себя на месте выпускающих редакторов информационных выпусков и расставить предложенные темы в приоритетном для них порядке. При этом для большей объективности не было указано, что речь шла об утренних выпусках новостей телекомпаний «ОТВ» и «Canal Sur». Предложенные задания условно были пронумерованы как выпуск 1 и выпуск 2.

Опрашиваемую в Екатеринбурге аудиторию мы разделили на три возрастные группы: молодежь (преимущественно студенты) в возрасте от 20 до 30 лет; люди среднего возраста, в основном служащие — от 30 до 50 лет; люди предпенсионного и пенсионного возрастов — старше 50 лет. Данная классификация стала возможной с учетом статистики возрастного состава населения [15]. Нам пришлось исключить из исследования граждан до 15 лет и старше 80 лет, что

предопределило определенные погрешности при получении его результатов. Вместе с тем сужение аудитории, на наш взгляд, не повлияло принципиальным образом на итоги анкетирования.

Полученные ответы подтвердили, что телевизор по-прежнему является значимым информационным источником для подавляющего числа респондентов. При этом большую часть опрошенных устраивает качество региональных новостей. Однако недовольных качеством вещания оказалось также много (31 %).

Среди наиболее распространенных претензий в адрес новостей звучали: нехватка объективности информации, низкое качество и слабая оригинальность операторского материала, недостаток позитивных новостей и глубины раскрытия предлагаемых тем. Некоторые респонденты отметили, что СМИ ангажированы, не ставят острых вопросов в материалах и ленятся искать небанальные сюжеты.

Мы попросили респондентов расположить темы, представленные в ряде новостных выпусков «ОТВ», в приоритетном для них порядке и получили следующую картину: содержание многих выпусков далеко не всегда соответствует ожиданиям аудитории. Первые сюжеты любого телевыпуска чаще всего рассказывают о чисто политических событиях дня. Однако, как показал опрос, политика не является приоритетной темой, особенно сегодня, когда она подается в позитивно окрашенном ключе. Зато аудитория с пониманием относится к появлению в выпусках новостей острых проблемных материалов, касающихся ее региона. А вот их-то как раз не хватает.

Исходя из ответов, стало ясно и другое: телезрителям недостает обсуждения тех тем, которые выходят за рамки повестки дня, предложенной информационными агентствами. От канала «ОТВ» ждут и большей конфликтности в ходе обсуждения политических и экономических вопросов. Вместе с тем, как показал опрос, зрители «ОТВ» отрицательно относятся к выпускам новостей, где преобладает негативная по содержанию информация; им нравятся позитивные сюжеты. Потребность в более частом появлении «теплой» социально ориентированной информации можно объяснить общей усталостью аудитории от проблемных ситуаций повседневности. Вот почему зрители невольно тяготеют к позитивно окрашенным сюжетам, способным хотя бы на время умиротворить их сознание.

Выводы

Поиск оптимального алгоритма построения новостей — одна из важнейших задач, которую приходится решать любой телевизионной редакции. Как театр начинается с вешалки, так и внимание к телеканалу во многом определяется качеством и разнообразием его информационного вещания.

На качество этого вещания влияют многие факторы, однако один из приоритетных — умение редакционного коллектива сохранить стремление к подбору сюжетов с учетом интересов массовой аудитории, желание представить различные взгляды по существу обсуждаемых вопросов, стремление репортеров увидеть за отдельно взятыми фактами определенные тенденции нашей социальной жизни.

Казалось бы, эти требования давным-давно известны. Однако современная практика регионального информационного вещания не только в нашей стране, но и за рубежом подтверждает, что даже хорошо зарекомендовавшие себя правила формирования профессиональной репутации далеко не всегда оказываются востребованными. Более того, сегодняшнее развитие этой практики определяется возросшим уровнем политизации, при которой социально значимые сюжеты отходят на второй план, уступая место ангажированным материалам. Эта проблема присуща и екатеринбургскому каналу «ОТВ», и андалусскому «Canal Sur». В их деятельности отчетливо заметно стремление к позитивному освещению органов власти, являющихся учредителями этих СМИ. Эта тенденция определяется длительной автократической традицией существования СМИ в России и Испании, предопределившей современное восприятие ими окружающей жизни. На этом фоне социально значимая информация на обоих каналах отходит на второй план, так же, как и взаимодействие с аудиторией (которое может достигаться посредством ее «включения» в обсуждение той или иной темы).

Очевидно, что региональному телевидению в обеих странах еще предстоит много сделать для сбалансированной подачи новостей, придания им по-настоящему социального характера. Эти требования необходимы прежде всего для повышения значимости информационного вещания и роста массового интереса к нему.

-
1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. М., 1994.
  2. Арнхейм Р. *Искусство и визуальное восприятие*. М., 1974.
  3. Википедия.ру. Список российских телеканалов. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.11.2015).
  4. Войтик Е. А. Телеинформация как элемент создания информационного пространства университетского ТВ [Электронный ресурс]. URL: <http://ou.tsu.ru/seminars/eois2012/articles/voytik.pdf> (дата обращения: 13.05.2014).
  5. Егоров В. В. *Телевидение: теория и практика*. М., 1992.
  6. Зверева Н. В. *Тележурналистам из регионов: ответы на ваши вопросы*. Н. Новгород, 2004.
  7. Ильченко С. Н. *Отечественное телевидение на рубеже столетий*. СПб., 2009.
  8. Колин К. К. *Философия информации и структура реальности; концепция «четырех миров»* [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2013/2/Kolin_Philosophy-Information-and-Structure-Reality/22_2013_2.pdf (дата обращения: 01.11.2015).
  9. Копылов В. А. *Информационное право*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
  10. Коротаев С. М. Универсальные естественно-научные понятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/korotaev_entropia/korotaev_entropia.htm (дата обращения: 10.10.2013).
  11. Коштов В. В. *Информационные системы и феномен жизни*. Тбилиси, 1998.
  12. Кузнецов Г. В., Цвик В. Л., Юровский А. Я. *Телевизионная журналистика*. М., 2002.
  13. Назайкин А. Н. *Медиапланирование*. М., 2010.
  14. Мелик-Гайказян И. В. *Информационные процессы и реальность*. М., 1998.
  15. Муниципальный регистр населения [Электронный ресурс]. URL: http://passport66.ru/mrn/mrn_table.php (дата обращения: 12.05.2014).
  16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений*. 2-е изд., испр. и доп. / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М., 1994.

17. Официальные документы Андалусии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juntadeandalucia.es/boja/2007/252/2> (дата обращения: 02.09.2013).
18. Официальный портал Союза Андалусии, статья 5 «О правовом статусе». URL: <http://www.juntadeandalucia.es/boja/2007/252/2> (дата обращения: 12.05.2014).
19. Пашков Г. Н. СМИ Испании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2000. № 5.
20. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. М., 2002. Т. 2.
21. Сайт телеканала «ОТВ». URL: <http://www.obltv.ru> (дата обращения: 13.05.2014).
22. Сафонов В. И. Телевидение Испании: демократический путь развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
23. Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. М., 2009. Т. 1.
24. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. М., 2010.
25. Урсул А. Д. Информация. М., 1971.
26. Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/smi/> (дата обращения: 13.05.2014).
27. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2002.
28. Шеннон К. Работы по теории информации. М., 1966.
29. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
30. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959.

Статья поступила в редакцию 11.11.2015 г.

УДК 81'42 + 004.738.5

Е. В. Горина

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ДИСКУРСЕ ИНТЕРНЕТА

В статье анализируются изменения, происходящие с текстовыми категориями в условиях Интернета. Сетевой дискурс рассматривается как сложное глобальное пространство, состоящее из множества тематических частных дискурсов. Преломление текстовых категорий в дискурсе Интернета приводит к изменению содержательных признаков текста, к взаимодействию тематических дискурсов и отчасти к многомерности глобального дискурсивного пространства Интернета. Техническая специфика Интернета делает невозможным анализ текста как плоскостного явления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс; темпоральность; локативность; проблемность; событийность; авторство; адресность.

Дискурс Интернета мы рассматриваем как глобальное образование, состоящее из множества частных тематических дискурсов (политика, спорт, культура, наука, экономика и т. д.) [2–5]. И глобальный дискурс Сети, и каждый частный дискурс в его составе представлены по большей части текстовыми, вербальными формами, однако нельзя анализировать текст в Сети так, как печатный текст,

---

ГОРИНА Евгения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Gorina9@yandex.ru).

© Горина Е. В., 2016

представленный на иных носителях (книги, газеты и т. д.). Свойства текста в Сети выглядят иначе, что вызвано технической стороной площадки. Речь идет не только о плоскостном выражении текста на открытой странице Сети, но и о том количестве текстов, которые расположены на невидимых, виртуальных частях интернет-пространства. Содержательные характеристики текста получают в Сети новые черты. В первую очередь это касается темпоральности, локативности, авторства, адресности, событийности, проблемности. Рассмотрим, как преломляются в условиях дискурса Интернета названные текстовые категории.

Темпоральность — это важная категория текстов, используемая для характеристики организации дискурса Сети, для определения его когнитивности, поскольку темпоральность отражает многомерность дискурса Сети, его жизнеподобие и специфичность восприятия информации пользователями в Интернете. Темпоральная структура дискурса Интернета включает несколько компонентов. *Время события* (действия, происшествия, факта и т. д.), т. е. время совершения чего-либо, что попадет в Интернет в виде текста. *Время создания текста*. Это время указывается рядом с материалом любой площадки в Интернете. *Время переработки материала*, создания на его основе копии (рерайтинг, копиипастинг), вариантного представления той же информации на основе прочитанного. *Время комментирования*, анализа, осмысления прочитанного сообщения адресатом. *Время взаимодействия* между разными пользователями в Сети. Вся коммуникация в Сети сопровождается указанием на время конкретной реакции пользователя. Между репликами взаимодействующих проходит какое-то время, которое может оказывать влияние на формирование, формулировку последующей реплики. *Время исторических источников*, т. е. тех сообщений, которые были созданы давно и хранятся в Интернете, существуют в архивах разных площадок Сети, находятся в Интернете продолжительное время, являются частью его дискурса. *Время восприятия сведений* пользователем. Это время, когда человек прочитывает материалы, представленные в Сети, и оценивает их относительно текущего момента восприятия, чтения. Время восприятия становится точкой отсчета значения темпоральности сообщения и события для пользователя и для понимания информации в Сети в целом [1, 2, 6].

Интернет обладает особым пространством темпоральности. Каждый частный дискурс, представленный в Интернете, отражает временной отрезок реальности. Поскольку частные тематические дискурсы взаимодействуют в глобальном дискурсе Интернета, образуется сложное пространство, включающее и реальное время (момент чтения, просмотра сведений пользователем), и время событий, фактов реальности, и время создания текстов, и время работы пользователей с текстом.

Локативность в Интернете оценивается по-новому, поскольку сведения о месте события часто подаются в виде самостоятельного частного дискурса, например, журналистский материал о крушении самолета «Когалымавиа» над Синайским полуостровом сопровождается дополнительными самостоятельными материалами о самом Синайском полуострове. Кроме того, локация информации в определенном месте, на конкретной интернет-площадке (форум, соцсети, СМИ, почта, интернет-магазины и т. д.) показывает связь места размещения

информации и смысла сообщения. Локативность проявляется в организации Сети: всякая информация в Интернете занимает свое место, соответствует его тематике, объему, жанрам, степени компрессии, выразительности, индивидуальности стиля, степени вольности и свободы в выражении автором собственных суждений и т. д. Локация тематического дискурса на определенных площадках оказывает влияние на его формирование, на стиль изложения, чистоту лингвистического оформления, креативность и глубину разработки проблемы. Локативность позволяет пользователю проявить свою активность в Интернете, показывает варианты оценок того или иного факта реальности разными пользователями, концентрирующимися на разных площадках в Сети, но объединенных одной проблемой [1, 6].

Авторство изменяет свои черты в Сети, потому что автор, во-первых, расширяет границы текста при помощи гиперссылок, во-вторых, подает информацию частями, в-третьих, поддерживает и провоцирует связь с аудиторией. Кроме того, авторство вскрывает проблему соблюдения авторских прав. Авторство — термин, которого может быть недостаточно для обозначения вида пользователей, оставляющих сообщения в Сети. Автором принято считать человека, создающего оригинальный текст, такой, которого не существовало ранее. Интернет — это информационное пространство, где сведения часто копируются, разные площадки сообщают одни и те же новости, передают по цепочке с помощью гиперссылок одни и те же или похожие материалы. В результате появляются термины, отражающие новые типы авторства, — рерайтер, копипастер. Авторство подчеркивает важность разнообразия сетевых площадок, разных способов активности пользователей, решения разнообразных задач (подробный самостоятельный текст, комментарий на выступление другого пользователя, консультирование по какому-либо вопросу, просьбы о помощи, оценка фактов реальности и т. д.) [1–3].

Адресность оказывает значительное влияние не только на структуру, но и на содержательные аспекты субдискурсов Сети. Адресность заставляет авторов выборочно относиться к размещению информации на площадках Интернета, а пользователей быть в большей степени разборчивыми и придирчивыми к содержательной стороне интернет-страниц. Особая роль адресата определяется специфическими свойствами создания текста-интерпретации в Интернете. Адресат составляет текстовую конфигурацию на основе выбора субдискурсов и установления межтекстовых связей между ними [1, 5, 6].

Событийность в интернет-дискурсе получает большую развернутость, поскольку событие оценивается огромным количеством авторов, в разных текстовых и структурных видах (форум, соцсети, СМИ, чаты, видео, порталы, комментарии и др.). Событие подается с большим количеством признаков, с разными акцентами и представляется в итоге более объективно и развернуто. Событийность как текстовая категория, оказывающая влияние на содержание субдискурса в целом, становится основанием для взаимодействия частных тематических дискурсов в структуре глобального дискурса Интернета. Связь тематических дискурсов на основании событийности может быть прямой или косвенной. Важно, что Интернет позволяет показать эти логические связи, позволяет одновременно получать

информацию из разных источников, видеть разные материалы, раскрывающие каждый частный дискурс [1, 2].

Проблемность — это еще одно основание для взаимодействия частных дискурсов в структуре глобального дискурса Интернета. В Сети отражены многие области, сферы знания, массовые и индивидуальные взгляды, широчайший круг проблем реального мира. Проблемно-событийное поле показывает глобальность дискурса Интернета, указывает на когнитивность, поскольку отражает роль человека во всех областях реальности [1, 4, 6].

Как видно, текстовые категории способствуют организации частных дискурсов и глобального дискурса Интернета. Взаимодействие дискурсов, многомерность Сети позволяют пользователю оценить событийность и проблемность реального мира в большей степени, чем через привычные средства массовой коммуникации.

---

1. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста : учебник для вузов по специальности «Филология». Екатеринбург, 2000. 534 с.

2. *Лазарева Э. А.* Интернет-текст и интернет-дискурс // Текст в коммуникативном пространстве современной России : монография. Барнаул, 2011. С. 265–273.

3. *Лазарева Э. А., Горина Е. В.* Структурная модель и свойства дискурсивной системы Интернета // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 41–47.

4. *Кондрашов П. Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 189 с.

5. *Кубрякова Е. С.* О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М., 2000. С. 7–25.

6. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие. М., 2013. 232 с.

Статья поступила в редакцию 27.11.2015 г.

УДК 791.43 + 791.41:316.74

К. К. Огнев
А. З. Акопов

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ: МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

За более чем столетнюю историю экранная культура предоставляет богатейший материал для всего разнообразия жанровой палитры кино, телевидения, а теперь — и Интернета. Авторы, один из которых (Константин Огнев) — известный российский кинокритик, а другой (Александр Акопов) — основатель и руководитель кинокомпании «Амедиа», поставили своей задачей изучить эволюцию российского исторического телесериала в контексте проблем экранного искусства как прошлого, так и настоящего, в первую очередь российского телесериала в 10-е гг. XXI столетия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кино; телевидение; история; экранные искусства; глобализация; классика; литература; жанры.

Будучи первым в ряду экранных искусств, кинематограф в момент своего становления черпал материал для будущих фильмов в исторической и литературной первооснове. Хотя — и это нашло свое развитие в неигровом кино — ему не чужда была и информационная функция.

С появлением и бурным развитием телевидения информационная функция в короткий срок стала прерогативой «малого» экрана. Но на каком-то этапе своей истории телевидение начало активно вторгаться и на территорию кино. В данной статье авторы не столько стремятся дать ответы, сколько поставить вопросы, заслуживающие своего изучения. Речь, прежде всего, о том, в чем кроются общность и различие при обращении к историческому материалу у кинематографистов и тех, кто связал свою творческую судьбу с телевидением. Так как мы обращаемся к опыту российского кино и телевидения, то сразу оговоримся: это разделение во многом носит условный характер, так как значительная часть сериалов последнего десятилетия в силу ряда обстоятельств, прежде всего экономического порядка, была сделана уже известными кинематографистами.

К моменту, когда телевидение начало активно работать над сериальной продукцией, как мировой, так и российский кинематографы накопили огромный опыт в экранной разработке исторической тематики. Была сформирована палитра типологических форм исторического фильма. Казалось, что телевидение должно было бы начать с «повторения пройденного», как это было в момент рождения кинематографа, который заимствовал и жанровую систему, и основные модели у литературы и театра. Но российский сериал и, соответственно, игровое

ОГНЕВ Константин Кириллович — доктор искусствоведения, профессор, ректор ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», г. Москва (e-mail: ognev@ipk.ru).

АКОПОВ Александр Завенович — кандидат искусствоведения, профессор кафедры сценарного мастерства и искусствоведения ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», г. Москва (e-mail: Akopov@scosmos.com).

© Огнев К. К., Акопов А. З., 2016

телевидение стали развиваться по иным законам. Если кино с первых своих шагов стремилось осознать себя как искусство, то во второй половине прошлого века (в СССР — к концу XX столетия), когда телевидение переживало период своего бурного развития, экранные искусства (прежде всего телевидение, а за ним и кинематограф) стали частью массовой культуры, что не могло не отразиться на той продукции, которую мы можем видеть и на малом, и на большом экранах.

Примечательно, что по формальным признакам именно с исторических лент в значительной мере и начиналось кино. Первой картиной русского дореволюционного кинематографа была экранизация популярной народной песни о Степане Разине, фигуре, занимавшей важное место в российской истории («Понизовая вольница», 1908). Одной из первых американских лент стало «Большое ограбление поезда» (1903), открывшее линию киновестерна. Но главенствовала на заре кино Италия — в сущности, страна-музей. Воспользовавшись своим исключительным положением, итальянские кинематографисты и создали первый, заслуживающий упоминания тип исторического фильма. Речь идет о картинах «Последние дни Помпеи» (1908), «Падение Трои» (1910), «Агриппина» (1910), «Кай Юлий Цезарь» (1914) и им подобных, которые снимались, как правило, на подлинных местах событий, отличались пышностью костюмов и аксессуаров, были зрелищными и занимательными. Назовем этот тип — постановочным фильмом (общепризнанного названия для него не нашлось, его называют и «костюмным фильмом», и «боевиком» и т. п.).

Живучесть такого рода фильмов оказалась поразительной: от примитивных итальянских лент идут прямые связи к масштабным боевикам С. Де Милля и далее — к «Клеопатре» (1963), «Падению Римской империи» (1964) и т. п. Более того, и так называемые самурайские фильмы, показывающие японское Средневековье, и отдельные румынские кинорассказы о даках, появившиеся в 1960-е гг., и масса индийских картин о временах Ашоки, делийских султанов и великих моголов, и ряд арабских лент о периоде распространения ислама — все это типологически родственные произведения.

Бросается в глаза общий для них подход к истории, который иначе как мифологическим не назовешь. Правда, мифологизация истории свойственна и американским вестернам, хотя это типологически разные произведения. Однако если присмотреться, в каждом случае эта мифологизация реализуется по-особому и дает различные результаты, зачастую неявные, замаскированные тем обстоятельством, что все эти формы находятся на том уровне массовой культуры, который Т. Адорно считал «низшим», связанным с идеологией раннего среднего класса. И хотя лучшие из этих фильмов несут ярко выраженный и совершенно определенный идеологический смысл, внешне они рассчитаны, прежде всего, на коммерческий успех, тем самым давая социологам возможность понять, что представляет собой потребитель «мифологической истории», столь неопределенно названный Т. Адорно «ранним средним классом».

При этом необходимо помнить, что постановочный фильм и вестерн — это вообще ранние формы кинопроизведений, родившиеся в то время, когда кино еще только становилось искусством, когда оно только осознавало свои возможности

и свои отличия от других видов искусств. В значительной мере именно исторические фильмы стали своего рода школой молодого искусства. Это обстоятельство немаловажно для исследователя. Во всяком случае, оно не позволяет бездумно зачеркивать эти картины на том лишь основании, что многие из них зачастую открыто антиисторичны: слишком многочисленные нити тянутся от них, этих ранних лент, к тому, что в кино значительно.

Конечно, даже если общая оценка постановочного фильма и окажется негативной, все равно большая часть произведений этого типа требует предметного и непредубежденного анализа. Это необходимо еще и потому, что есть причины, а следовательно, и формы мифологизации, которые нельзя не понять и не принять, хотя бы с оговорками.

Так, Г. Флобер, объясняя появление «Саламбо», историзм которого вызвал сомнения у специалистов, писал: «...наш век... так жалок, что я с наслаждением погружаюсь в Древний мир. Это смывает с меня грязь современности» [4, 193]. Можно ли считать это бегством от действительности? На наш взгляд, вряд ли. Скорее, это был протест против образа жизни того общества, к которому принадлежал писатель.

Прошлое, особенно далекое прошлое, подчас мифологизируется как бы само по себе, по своим собственным законам. Скажем, памятник Юрию Долгорукому дает не тот образ, который рисует В. Татищев: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый; глаза не вельми великии, нос долгий и накривленный; брада малая, великий любитель жен, сладких пиц и пития; более о веселиях, нежели о расправе и воинстве, прилежал, но все оное состояло во власти и смирении вельмож его и любимцев» [3, 296]. Но спустя восемь веков существенна не личность князя, а его главное дело, и столица России воздвигла памятник своему основателю именно по его делам.

Живучесть постановочного фильма объясняется в первую очередь тем, что кино помимо всего прочего — искусство зрелищное, и именно такого рода картины предлагают зрителю зрелище, невозможное ни в каком ином виде искусства.

Российское телевидение, как и все общество, в 1990-е гг. оказалось в сложных экономических, социальных и политических условиях. Коренные изменения в общественной жизни, глобализация и сопутствующие ей процессы выдвинули на первый план иной, чем в годы становления кино, жанрово-тематический диапазон, где не нашлось достойного места вопросам истории. Собственно, мы не сильно погрешим против истины, если отметим, что развлекательное начало, присущее кинематографу в первые годы его существования, отличало и российскую сериальную продукцию 1990-х. Подтверждением этому служит выход на телеэкраны экранизаций романов А. Дюма «Королева Марго» (1996) и «Графиня де Монсоро» (1997). Тем не менее за несколько лет до этих работ (в 1994 г.) появился сериал «Петербургские тайны», снятый по мотивам романа В. Крестовского «Петербургские трущобы», который в момент выхода фильма на экраны был назван одним из самых значительных произведений российской литературы XIX в. Но авторы (сценарий А. Гребнева, В. Зобина, Л. Пчелкина, Е. Грениной, М. Угарова, режиссеры Л. Пчелкин, В. Зобин, М. Орлов) этого экранного

произведения пошли иным путем, отличающимся от пути, проложенного ранним кинематографом. Используя в качестве основы лишь начало литературного произведения, убрав социальную проблематику романа и полностью переписав сюжетную канву и характеры действующих лиц, им удалось создать первый российский остросюжетный приключенческий телесериал.

Но данный опыт еще десятилетие не имел своего продолжения, если не считать того, что в 1999 г. к снятым 48 сериям были написаны и досняты еще 12 под названием «Развязка “Петербургских тайн”» (автор сценария В. Зобин, режиссеры Л. Пчелкин и В. Зобин).

Напомним, что Россия 1990-х гг. более не обладала обширной системой, поставившей идеологические смыслы, генерировавшей социально-политический миф. Зрительское сообщество, по сути, было предоставлено самому себе. Поэтому вполне логично, что одним из популярных жанров российских сериалов середины 1990-х — начала 2000-х гг. становятся «уголовные» ленты, где главное место отведено преступнику в самых различных вариациях. (Примечательно, что с нескольких сезонов «Бандитского Петербурга», 1999–2007, начал свою работу на телевидении В. Бортко, известный такими фильмами, как «Идиот», 2003; «Мастер и Маргарита», 2005; «Тарас Бульба», 2009; «Петр Первый. Завещание», 2011.) Ю. Богомолов подчеркивает: «Первые (детективные. — *Прим. авт.*) сериалы констатировали развал силовых институтов — милиции, спецслужб, армии. И вся надежда на выживание связывалась с отдельными достойными в человеческом отношении службистами. Государство как целостная система перестало существовать для своих граждан. На это сериальная мифология ответила романтизацией криминального братства...» [1, 307].

Но к началу 2000-х гг. в рамках компании «Амедиа», как и у других производителей сериальной продукции, стали рассматриваться в первую очередь вопросы поисков архетипического героя и сюжета, с одной стороны, и разработки жанровой политики, т. е. выявления наиболее продуктивных интерпретаций традиционных жанровых моделей, — с другой. Одним из приоритетных направлений в деятельности «Амедиа» стал историко-приключенческий фильм («Бедная Настя», 2003; «Адьютанты любви», 2005). Этот жанр в американской терминологии обозначается как костюмно-историческая драма (*costumedrama*) или историко-приключенческая драма (*historical(adventure)drama*), которая имеет тесные связи с кинематографом и литературой. Так, «Бедная Настя» (сценарий Л. Сейдмен, Е. Исаевой, И. Пивоваровой, С. Калужанова, А. Коровкина, В. Авдеенко, Н. Анашкина, Е. Густовой, А. Ковалева, О. Нагдасевой, Ю. Израновой, режиссеры П. Штейн, А. Плоткина, П. Кротенко, С. Либин, Е. Двигубская, А. Смирнов) восходит к салонно-психологической драме российского кино начала XX в., которая в то время была весьма популярна как аналог литературной беллетристики.

Известно, что историческая беллетристика и костюмные фильмы являются одной из наиболее продуктивных жанровых моделей. Однако в начале 2000-х была создана принципиально иная ситуация, когда в область современной российской культуры стал активно внедряться пласт прежде забытой культуры дворянства,

усадеб, городской жизни и быта, которые по понятным причинам не могли служить историческим фоном для лент советского периода. Такие фильмы, как «Тени исчезают в полдень» (1970–1971), были богато иллюстрированы историко-бытовыми подробностями, однако они во многом оказывались подчиненными идеологическим аспектам повествования и были несопоставимы по общему количеству серий с современными проектами.

Сериал «Бедная Настя» (2003–2004) компании «Амедиа» был напрямую связан с характерной для начала 2000-х «реставрационной тенденцией» в российской культуре. Как известно, она проявилась в интересе к широкому спектру тем из истории России, которым по идеологическим причинам не уделялось должное внимание, и они либо игнорировались, либо получали свое «каноническое» толкование. Общая сюжетная структура складывается из историй дворянских семейств различного происхождения: императорский дом, семейства Корфов, Репниных, Долгоруких. Внутренние и межсемейные конфликты, происходящие на широком историко-культурном фоне николаевской России, дают большой простор для того, чтобы представить различные образы, срезы жизни разных сословий российского общества: от высшего света до провинциального дворянства и народных низов.

В «Бедной Насте» представлен и пласт традиционного уклада — жизнь «дворянских гнезд», о которой существует множество произведений классической русской литературы от А. С. Пушкина до И. С. Тургенева. Сериал во многом оказался результатом синтеза американской системы драматургии (конструкция сцен, функции героев) и традиций российских кино и литературы. В частности, в процессе его создания авторы стремились исходить из тезиса о том, что культурные традиции России, как в области литературы, так и кино, предполагают нерезкую поляризацию героев на отрицательных и положительных, допускают промежуточные формы «характеров». Так, в процессе постановки одна из задач состояла в том, чтобы придать отдельным героям и положениям иронический характер, а порой и некий сарказм, которые знакомы массовому российскому зрителю со школьной скамьи по произведениям А. С. Пушкина, А. В. Сухова-Кобылина, И. С. Тургенева.

Вполне естественно, что, несмотря на исторический контекст и характеры, сериал представляет собой мелодраматическое повествование, любовная составляющая здесь преобладает и над политикой, и над сатирой. Это лишнее было подчеркнуто названием фильма, которое для массового зрителя однозначно соотносится со «школьным» произведением «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, представителя сентиментализма в русской литературе XIX в. «В этом сценарии очень много любви, настоящих человеческих чувств — любовные треугольники существуют в житейских отношениях людей любой национальности, но самое главное — это исторические персонажи XIX в. Зрителям по всему миру будут интересны линии взаимоотношений российских монархических особ — Николая I и его наследника Александра. Интрига и других персонажей привлечет телеаудиторию: жанр телесериала дает возможность увидеть характеры в развитии. Представьте себе — 120 серий чуть ли не каждый день будут вас держать в напряжении... В отличие от наших (американских. — *Прим. авт.*) сериалов, в «Бедной

Насте” много натуральных съемок, исторических декораций, которые мы, конечно же, не могли бы достоверно изобразить — мы взаимно обучаемся», — так определил специфику сериала Джефф Лернер, сопродюсер сериала, вице-президент «Sony Pictures» [2, 4].

Фильм действительно в какой-то мере заполнил вакуум в плане национальной тематики, реализованной средствами сериальной драматургии, а также истории, вернее, исторического быта XIX в., который столь масштабно был показан на российском ТВ впервые. Это позволило нам прийти к выводу, что в рамках историко-авантюрного жанра характер Анны Платоновой оказался архетипическим, что впоследствии было подтверждено продажами проекта на телеканалы 26 стран дальнего зарубежья, в том числе в Испанию, Грецию, Финляндию, Сербию, Болгарию, Китай, Вьетнам и др. То есть в нем органично сочетаются традиции национальной культуры (литература) и современные представления американской драматургии, которые для российского зрителя в сочетании с материалом были непривычны. Безусловно, стоит указать и на то, что этот сериал родился в результате компромисса между российскими культурными реалиями и особенностями американского сериального производства. Успех сериала «Бедная Настя» подтвердил интерес зрителя к сентиментальной, мелодраматической трактовке национальной истории, а также и то, что такое повествование органично может быть реализовано в рамках американской сериальной драматургической модели.

В отличие от «Бедной Насти» в другом проекте «Амедиа», историко-приключенческом сериале «Адъютанты любви» (2004), наряду с мелодраматической трактовкой материала представлен больший объем историко-культурных деталей (Россия и Франция, политические коллизии первой половины XIX в.). Для этого потребовалось ввести фигуру Историка, Комментатора, который вносит необходимые исторические пояснения, а равно задает по необходимости и иронический тон повествованию. Еще со времен фильма «Операция “Трест”» (1967) С. Колосова фигура Историка позволяла усилить драматизм, зрелищность основного повествования. Зритель, погруженный в конкретную историческую обстановку, мог себе представить поступок героя, сюжетный поворот уже в рамках истории целого государства. Например, такого изобилия биографических подробностей потребовала линия Наполеона Бонапарта и его семьи. Работа над проектом строилась по законам избранной жанровой модели авантюрно-приключенческого и мелодраматического повествования, и, разумеется, мотивировки героев определялись именно этим фактором.

Костюмный, историко-приключенческий многосерийный фильм за рубежом является достаточно стабильной, хотя и не самой популярной жанровой моделью по сравнению с комедией, детективом, триллером. Он по-прежнему сохраняет связи со своей основой — беллетристикой, приключенческим романом. Заметим, что эта модель настолько устойчива, что проникла даже в систему документального кино и телевидения. В качестве примера можно привести распространенный формат «документальной беллетристики» (docufiction), в котором создаются реконструкции интересных массовому зрителю подробностей из жизни коронованных особ, звезд спорта, шоу-бизнеса и пр. Важно подчеркнуть, однако, что при

всех своих возможностях дать выразительное драматургическое и эстетическое решение, исторический сериал требует, чтобы потенциальная аудитория имела общие представления об истории собственной культуры, если быть более точным — имела единые стереотипы об историческом прошлом. Если же, как это произошло в России, такие фильмы приходится на слом базовых культурных стереотипов, то производственная деятельность превращается в рискованный эксперимент. Различный рейтинг проектов «Бедная Настя» и «Адъютанты любви» обусловлен как раз фактором обновления и нестабильности культурных стереотипов у зрителя первой половины 2000-х гг.

В ряду крупных исторических полотен о событиях прошлого выделяется сериал, недавняя работа кинокомпании «Амедиа», — «Екатерина» (2014).

Герои помещены в конкретные исторические обстоятельства середины XVIII в., начала эпохи Просвещения. Именно в эту пору идеи гуманизма постепенно начинают исповедовать просвещенные монархи Европы, и в первых рядах — русская императрица Елизавета, дочь Петра Великого. В эти непростые времена не казнить человека, а держать его пожизненно в застенке или отрезать язык уже считалось высшим проявлением гуманности монарха — ведь совсем недавно над такими «мелочами» вообще никто не задумывался. Авторы намеренно ушли от «школьных», черно-белых характеристик персонажей, попытавшись представить своих героев живыми людьми, которым свойственны как проявления благородства и гуманности, так и вполне объяснимые человеческие слабости — страх, зависть, жажда власти.

Сюжетная линия 10-серийного фильма охватывает девятнадцатилетний период — от приезда принцессы Фредерики Гольштейн-Готторпской ко двору Елизаветы в январе 1744 г. до коронации ее как императрицы Екатерины II в 1762 г. В центре повествования отношения Фредерики, затем Екатерины Алексеевны с властной и решительной императрицей Елизаветой и наследником престола Петром Федоровичем, но авторы выводят в фильме и широкий круг придворных, дипломатов, военных и даже крестьян, так или иначе повлиявших на судьбу главной героини. Политический контекст представлен в виде коротких иллюстрированных справок «от автора», но те политические обстоятельства, которые непосредственно отразились на человеческих отношениях главных героев и их окружения, описываются более подробно. Так, детское увлечение Петра прусским королем Фридрихом становится основанием для его фактической изоляции от окружающих, а впоследствии причиной ошибочных решений в ходе Семилетней войны и гибели персонажа. Но есть и обратное влияние — личной жизни героев на исторические события. Так, отсутствие у Елизаветы собственных детей становится причиной перманентного династического кризиса, который заставляет Елизавету отчаянно маневрировать, чтобы оградить страну от потрясений и передать власть достойному наследнику, любое обострение ее болезни приводит к остановке боевых действий на прусском направлении. Или мимолетное увлечение Екатерины польским князем Понятовским в дальнейшем влечет за собой назначение последнего королем раздробленной Польши. Впрочем, личность короля Польши на тот момент не имела большого политического значения. В целом

же в персонажах императрицы Елизаветы, а затем и Екатерины Алексеевны как раз прослеживается приоритет общественного долга над личным. А вот Петр Федорович, напротив, в короткий период своего царствования строит политику, потакая своим страстям, чем вызывает аналогии со многими современными нам политическими фигурами.

Авторы прибегли к актуальному стилистическому приему, «осовременив», приблизив к сегодняшнему зрителю многие черты давно ушедшего времени. Так, герои не носят париков, которые были обязательны в описываемое время, у них современные прически и грим. В фильме в достаточном объеме присутствует «игровая», классическая музыка, а Иоганн Себастьян Бах даже появляется как эпизодический персонаж, однако основной музыкальный ряд записан в рок-аранжировке, хотя и при участии полного состава инструментов симфонического оркестра. Широко используются приемы «звукового дизайна», присущие современным жанровым фильмам — детективам и триллерам. Речь персонажей вполне современна, но достаточно насыщена лексическими «вкраплениями» описываемой эпохи, чтобы казаться современному зрителю аутентичной. И, наконец, интерьеры и костюмы подобраны таким образом, чтобы в кадре не было ни единой «музейной» пылинки, ведь персонажи фильма наблюдали «исторические» объекты не через 200 лет, как мы, они видели все это новеньким, только что построенным и ухоженным. В фильме нет вышеназванной «полноты деталей», авторы, не стремясь к аутентичности исторического антуража (большая часть фильма снята в Чехии), сосредоточились на «правде характеров», правде отношений и чувств персонажей.

Если в 90-е гг. XX в. кинематограф и телевидение России развивались на фундаменте прямых, но слабых заимствований из зарубежных экранных работ, так как зритель отдавал свое предпочтение этим работам, то в первое десятилетие XXI в. российские кино- и телефильмы постепенно стали привлекать внимание аудитории, причем не только российской. Процессы глобализации позволили деятелям кино и телевидения освоить все жанровое многообразие современной экранной палитры. Но именно российский исторический сериал заметно выделяется в этом контексте, так как именно на этой территории создателям удается широко использовать мировой *кинематографический* опыт, что позволяет рассматривать некоторые работы этого жанра как явления *экранной* (а не массовой) культуры.

---

1. Богомолов Ю. Затянувшееся прощание: российское кино и телевидение в меняющемся мире. М., 2006. 318 с.

2. Романова Г. Бедная Настя будет страдать 120 серий [Электронный ресурс] // Рос. газ. URL: <http://www.tvprogr.narod.ru/nastya/articles/rossiskaya.gazeta031103.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

3. Рыбаков Б. Мир истории. Начальные века русской истории М., 1984. 351 с.

4. Флорбер Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 1956. Т. 5. 249 с.

УДК 070:316.774 + 070.421.2

**В. Ф. Олешко
Е. В. Тарханова****ТВОРЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТА В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ**

В статье приведены результаты исследования, проведенного авторами, по использованию журналистами деловых СМИ креативных приемов и технологий творческой реализации. В частности, впервые в отечественной практике по данной методике анализируются тексты журнала «Эксперт-Урал». Публикация адресуется прежде всего исследователям, которые изучают аспекты, способствующие привлечению внимания аудитории к материалам бизнес-изданий, а также журналистам-практикам.

Ключевые слова: информация; аудитория; деловые СМИ; автор; творчество журналиста; иллюстрация; инфографика.

Проблема обилия информации в современном мире диктует журналистам новые условия эффективной творческой деятельности. Чтобы твоя публикация выделялась в потоке информации, теперь необходимо приложить массу усилий. Сегодня, как мы выяснили в ходе исследования данной проблематики, существуют несколько факторов, которые могут помочь журналистам завоевать внимание аудитории.

**Как заставить обратить внимание на сообщение
в информационном потоке?**

Во-первых, безусловно, информация должна быть эксклюзивной. В этом случае журналист преодолевает «размытость» информационных потоков практически без труда. Те же информационные агентства или активные блогеры всегда стремятся стать первыми в подаче актуальной новости, подчеркивают уникальность своих сообщений и апеллируют к ее эксклюзивности. Однако такой способ неэффективен в случае с деловыми изданиями, поскольку у оперативной информации, как правило, короткий срок «годности», а данный тип СМИ выходит далеко не каждый день. Эксклюзивность и уникальность информации работает только в том случае, если СМИ регулярно выдает в эфир такие сообщения, дополняя их размещением расширенной версии на сайте. Удачным примером в данном случае может служить телевизионный канал РБК или радиостанция «Бизнес-FM». Единоразовое же использование эксклюзива не способно сформировать аудиторию издания. Кроме того, по-настоящему эксклюзивное

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Vladimir.Oleshko@urfu.ru).

ТАРХАНОВА Екатерина Витальевна — магистрант Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета по направлению «Теория и методика журналистского творчества» (e-mail: tarhunchek@mail.ru).

© Олешко В. Ф., Тарханова Е. В., 2016

информационное сообщение в печатных СМИ недолговечно, поскольку зачастую в результате «утечки информации» даже до его выхода в печать становится темой для обсуждения с экспертами на каком-либо сайте или темой публикации в одном из аналитических жанров. К тому же практика свидетельствует — для массовой аудитории не имеет значения, кто именно сообщил эксклюзивную новость, именно поэтому потребители эксклюзивной информации формируют чаще всего непостоянную аудиторию.

Вторым способом привлечь аудиторию может стать известность автора. Этот прием гораздо эффективнее первого. Фамилия или псевдоним автора формируют своего рода бренд, а сила бренда, как известно из актуальных психологических исследований, велика. О роли бренда пишет, например, А. Н. Володина в своей работе «О психологическом механизме формирования бренда». Исследователь, в частности, отмечает, что «по своей природе бренд представляет сформированную предрасположенность реагировать определенным образом на товары, услуги и марки» [2]. Силу бренда, по мнению А. В. Асмус, определяет в том числе тот фактор, что «он облегчает процедуру выбора товара и снижает затраты на поиск, а также является знаком качества», об этом исследователь пишет в своей научной работе «Медиабренд: типологические характеристики» [1]. Аудитория определенного автора устойчивее той, что бывает единообразно или даже в течение какого-то периода привлечена эксклюзивностью информации. В этом случае возникают проблемы у тех журналистов, которые еще не успели заработать себе имя или еще не обладают богатым профессиональным опытом, чтобы считаться экспертами в каком-либо из вопросов. Для таких авторов, убеждены мы, также есть выход.

Третьим приемом/способом занять свое место в информационном потоке должна стать системная работа журналиста над содержанием и формой своих публикаций. Ведь во многом их эффективность зависит от того, какие нестандартные способы воплощения в текст той или иной темы, идеи, концепции предложит автор. В общем смысле речь идет о творческой самореализации журналиста. Если автор не имеет возможности постоянно транслировать эксклюзивную информацию или не заработал еще себе громкое имя, то он всегда может завоевать внимание аудитории особым, авторским подходом к теме.

В данном случае актуализируется в том числе и такое качество журналиста, как креативность, трансформирующаяся в оригинальные тексты. Ведь именно этот фактор, как свидетельствуют результаты проведенного одним из авторов статьи опроса [6, 56], является ключевым при воздействии на аудиторию. Творческую реализацию журналиста также определяет такой фактор, как его профессиональная культура, в частности, его опыт, личностные характеристики, умение взаимодействовать с аудиторией, а также умение искать новые способы решения конкретных творческих задач.

Тему концептуальных составляющих журналистского творчества, его результативности поднимали многие исследователи. Так, например, И. М. Дзялошинский в статье «Журналистика как институт и проблема индивидуального творчества» акцентировал внимание на том, что творчество журналиста «представляет собой спонтанное и экспериментальное поведение, в процессе которого отыскиваются

и апробируются эффективные схемы и модели» [5, 2]. Данный аспект, убеждены мы, особо актуален для деловых изданий.

Специфика деловых изданий

Данный тип СМИ, как известно, занимает особое место в системе российских массмедиа. Особенно актуализировалась роль деловых изданий в новейший период. Во-первых, кризисные явления в экономике влияют на повседневную жизнь большинства россиян и ее перспективы. Во-вторых, деловым изданиям в силу специфики их текстов — как правило, объемных, мало иллюстративных и насыщенных экономическими терминами — приходится преодолевать своего рода естественное сопротивление аудитории. В-третьих, поскольку главная задача деловых изданий обеспечивать бизнес-коммуникацию, а также соответствовать информационным потребностям делового сообщества, этим изданиям не так просто бывает решить двуединую задачу соотношения приоритетов их восприятия и аудиторией специалистов и массовым читателем. И, наконец, в-четвертых, любая оперативная информация для деловых СМИ не просто новость, а прежде всего информационный повод, который нуждается в глубоком анализе, проработке темы, общении с экспертами. И последнее — самое важное. Информация или факты сами по себе для журналистов деловых изданий и для их постоянной аудитории, как правило, не представляют интереса. Самым важным является поиск ответа на вопрос «Что означает та или иная тенденция, и как ее развитие отразится на той или иной отрасли или конкретном субъекте экономической деятельности?».

Автор делового издания должен ответить на предполагаемые вопросы читателя, установить логические связи, проанализировать ситуацию, поговорить с экспертами и представить прогноз развития дальнейших событий. После чего наступает момент создания текста, где наравне с фактологической точностью, терминологией и глубоким погружением в тему важна и творческая составляющая. Тяжелые, перегруженные данными тексты не достигают своей цели и не устанавливают бизнес-коммуникацию. Потребители контента деловых СМИ ориентируются на четкую структуру текста, подзаголовки, списки, рейтинги и т. д., поскольку бизнес-аудитория, как правило, имеет ограниченные ресурсы свободного времени и ее не привлекают неудобочитаемые тексты пусть даже актуальной тематики.

Мы постараемся показать, что деловые издания предоставляют журналисту большое поле для творчества. Ведь стереотипное убеждение, что деловая пресса — это серьезные, сухие, точные, но безэмоциональные тексты, устарело. Владимир Гуревич в своей статье «Делать сугубо деловое издание сегодня очень рискованно» указывает, что «деловая информация должна быть так оформлена, чтобы ее было интересно читать всем, а не только бизнесменам, предпринимателям, финансистам, банкирам, брокерам, дилерам» [4, 19].

Для нашего исследования мы выбрали региональное приложение журнала «Эксперт» — «Эксперт-Урал». Это еженедельное издание освещает проблемы экономики региона и деятельность частного бизнеса. Журнал в большей степени

ориентирован на бизнесменов, управленцев и чиновников, а также на активные слои населения, которые проявляют интерес к развитию бизнеса и экономики.

Приемы эффективной проработки темы в журнале «Эксперт-Урал»

Выше мы указали три способа, с помощью которых деловые издания могут выделиться в информационном потоке. Это уникальная информация, известность автора и работа над содержанием и формой материала.

Что касается уникальности информации, то отметим, что еженедельное аналитическое издание не стремится оказаться первым в информационном потоке, ведь среди задач СМИ данного формата нет такой цели. При этом фактор уникальности информации характерен для деловых изданий. Так, эксклюзивной может стать информация экспертов, которых опросил автор, или прогнозные данные, а также свежий взгляд на ту или иную новость.

Обратимся к публикации «Данные Росстата о росте цен на продукты расходятся с реальностью» и покажем технологию работы автора над материалом (Тарханова Е. Данные Росстата о росте цен на продукты расходятся с реальностью // Эксперт-Урал. 2014. № 49. С. 6). Информационным поводом в этом случае послужили данные о росте цен на продукты, которые озвучил чиновник правительства Свердловской области. Именно эти цифры попали в заголовки информационных сайтов, представители которых также присутствовали на пресс-конференции. На повестке дня было обсуждение стоимости гречки, картофеля и ряда других продуктов, цены на которые постоянно росли, а Росстат сообщал, что аномального скачка нет.

Однако Е. Тарханова, посмотрев на новость под другим ракурсом, выяснила, что данные Росстата и чиновников Свердловской области разительно расходятся, о чем и написала на страницах журнала: «Согласно мониторингу региональных чиновников, к примеру, стоимость картошки приросла на 9 %. Росстат же считает, что за это время она подешевела на 41 %». После того как новость была опубликована, соответствующие действия (по сравнению данных, приводимых чиновниками, и данных, указанных Росстатом) проделали и некоторые новостные порталы Екатеринбурга, а кто-то просто сослался на исследование «Эксперт-Урала». Так аналитическое издание стало носителем эксклюзивной информации и информационного повода для публикаций аналитического характера.

Что касается известности автора, то деловые издания находятся в особом положении. Авторитет автора здесь, безусловно, важен для аудитории. Однако в целом читатель доверяет не исключительному человеку, а изданию как бренду. Журнал «Эксперт-Урал» зарекомендовал себя как аналитическое издание, в котором журналисты весьма полно освещают состояние экономики Большого Урала. Так что следует иметь в виду два фактора — известность автора и глубину анализа разработки темы.

Обратимся к материалу «Семь шагов к парку» (Ермак С. Семь шагов к парку // Эксперт-Урал. 2015. № 44. С. 17–20), где речь идет о будущем развитии индустриальных парков. Информационным поводом для данной публикации

послужила новость о том, что получено разрешение от властей на проектировку индустриального парка «Новосвердловский». Автор развивает тему и обозначает еще десять площадок государственного и частного характера, которые также относятся к разряду индустриальных парков. Приводятся статистические данные о заполняемости и эффективности предприятий. Автор отмечает, что количество индустриальных парков растет, а индивидуальные предприниматели, для которых эти парки строились, не очень активно используют новую структуру. В заключение автор предлагает меры, которые необходимо предпринять, чтобы поддержать промышленность и парки во время экономических рецессий. Отметим, что автор здесь не цитирует некие решения экспертов, а самостоятельно, в результате глубоко анализа и погружения в тему, обоснованно формулирует пять конкретных мер поддержки.

Важная деталь: журнал «Эксперт-Урал» является партнером аналитического центра «Эксперт-Урал», и редакции этих структур нередко пересекаются. Так, авторы вместе с сотрудниками аналитического центра готовят различного рода экономические рейтинги, списки, таблицы (например, рейтинг застройщиков Свердловской области или рейтинг банков Большого Урала). Известность автора, о чем мы говорили как о факторе формирования им своей аудитории, в данном случае подтверждается авторитетом аналитического центра и глубиной анализа актуальной проблематики.

И, наконец, третий способ привлечения аудитории — работа над содержанием и формой материала. Тексты авторов данного издания всегда имеют простое строение, что позволяет сфокусировать внимание деловой аудитории на чем-то конкретном, поскольку у ее представителей обычно нет времени, как мы уже отмечали, читать длинные и монотонные тексты. Четкое разделение текста подзаголовками, постоянство структуры — все это упрощает процесс восприятия информации.

Когда материал написан, кажется, что основная работа уже сделана. Однако профессиональные журналисты, которых мы опрашивали в ходе исследования, отмечают, что данное убеждение в случае с деловыми СМИ является ошибочным. Журналисты должны предлагать способы подачи материала на страницах журнала, принимать участие в работе над версткой, поскольку визуальное восприятие в условиях информационной конкуренции различных типов массмедиа нередко является не только первичным, но и определяющим для дальнейшего выбора публикаций данного автора или СМИ в целом. И если читатель откажется от материала на этапе просматривания, то никакая глубина анализа не вернет его к прочтению текста.

Технологии формирования эксклюзивности, элементов аналитики и работы над формой и содержанием

На наш взгляд, именно умелое использование технологий привлечения внимания аудитории к тем или иным текстам больше всего свидетельствует о творческой реализации журналиста. Главную трудность в деловом издании для журналиста

представляет выбор темы публикации. Ведь на первый взгляд экономическая тематика бизнес-изданий выглядит далеко не творческой. Банковский сектор, авиаотрасль или тяжелая промышленность не всегда входят в блок тем, с которыми легко работать с точки зрения реализации массового интереса к ним. Здесь, на наш взгляд, нужно прежде всего соблюдать цифровую точность и следовать статистике, использовать сухие данные о владельцах, прибыли или о стоимости акций. Этого требует формат деловых изданий. Однако творческую реализацию определяет не только тема. Автор делового издания должен в совершенстве владеть творческими приемами создания оригинального текста.

Технологии выхода на эксклюзивную информацию. Технология создания эксклюзивной информации предполагает ее сбор, накопление и впоследствии — сравнение накопленных данных.

Приведем в качестве примера работу журналиста с новостью о ценах на те или иные товары и услуги, различающихся в версии чиновников и версии Росстата. Создать уникальную информацию журналисту удалось именно благодаря творческому подходу. Порой факты не представляют интереса сами по себе, без сравнения, часто это касается одной или нескольких цифр. К примеру, в публикации «Авто тянет на дно» (ЭкспертOnline [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/04/9/avto-tyanet-na-dno>. Дата обращения: 25.11.2015) автор Екатерина Шохина задалась вопросом: «Что значит: за 9 кварталов текущего года было продано 1 млн 250 тыс. автомобилей?» Выяснила: если сравнить эти данные с прошлым годом, то получим падение в 45 %. Это была уже и новость, и тема будущей аналитической публикации.

Технология выхода на элементы аналитики. Для глубины анализа журналисту необходимо сосредоточиться на обилии фактов, изучить, как развивалась данная проблематика во времени. Важно и умение прогнозировать. Следовательно, аналитическая составляющая появляется в тот момент, когда журналист хорошо изучил прошлое, разбирается в настоящем, а его профессиональный опыт позволяет сделать прогноз и определить — как будет развиваться та или иная обнаруженная им тенденция в будущем. Ведь автор делового издания обязан уметь именно прогнозировать, поскольку читателю важно получить ответы на вопросы «Что нас ждет?», «Как это повлияет на отрасль?» и т. д.

Главным условием для прогнозирования является глубокое погружение в тему, доскональное изучение проблемы. В этом случае речь идет об аналитических способностях автора. Еще В. Плэтт в своем исследовании «Информационная работа стратегической разведки» писал, что «аналитическая работа — это творческий процесс» [7, 245]. Итогом аналитической работы является вывод или представление гипотез, которые рождаются в процессе творческого мышления.

Технологии работы над содержанием. Теперь обратимся к технологиям, которые помогают совершенствовать содержание будущей публикации. Речь пойдет прежде всего об умении правильно составить план материала.

Когда фактологическая база собрана и мнения экспертов обобщены, журналисту предстоит задуматься над содержанием своего материала. Здесь автору поможет составление плана. Рассмотрим, как осуществляется данная работа на примере конкретной публикации (*Белоусов А. Бюджетный подкат // Эксперт-Урал. 2015. № 42. С. 7–9*). Журналист должен был сравнить расходы на проведение будущего Чемпионата мира по футболу 2018 г. с расходами на организацию зимней Олимпиады в Сочи. Гипотезой было предположение автора, что эффект от спортивного мероприятия 2018 г. будет менее существенным, чем от Олимпиады.

На этапе планирования журналист расставил смысловые акценты и разделил будущий текст на блоки. Первый: что необходимо для успешного проведения чемпионата мира? Второй: что есть на данный момент? Третий: даст ли чемпионат толчок для развития тем городам, где пройдут соревнования?

План, как мы выяснили в ходе экспертного интервью с автором, помог ему разделить текст на главы. Поскольку изначально можно предположить, что «гвоздевые» публикации деловых изданий имеют большой объем, такое деление полезно и автору и читателю. Автор может поместить в каждую главу какой-то один смысловой блок, а читатель получает возможность порционно читать большой текст.

Однако у планирования есть один минус. Хороший план представляет собой шаблон, который можно применить к любой теме. Этот шаблон загоняет автора в рамки, и уже не автор составляет план для текста, а план руководит автором. Автор начинает заниматься подбором фактов и мнений для каждого смыслового блока, в этот момент градус творчества, безусловно, снижается.

Речь идет прежде всего о таких смысловых шаблонах, когда, например, в первой части автор говорит о проблемах, во второй части — о реальном положении дел и в третьей части делает прогнозы. О том, что шаблоны негативно влияют на творческую реализацию, пишет и В. М. Горохов: «...нормы и правила, будучи бездумно, некритически усвоенными, могут привести к безликости журналиста, стандартности его материалов» [3].

Это мы можем иногда наблюдать и в работе авторов «Эксперт-Урала». Журналисты, как свидетельствует проведенный нами контент-анализ, нередко используют шаблоны для написания своих материалов. В первой части всегда приводится информационный повод, во второй — автор четко формулирует все минусы, в третьей — перечисляет плюсы и в завершение делает прогноз. Такая структура проста для восприятия, но для читателя более интересно, к примеру, сопоставлять плюсы и минусы, а не разводить их в разные блоки. При формировании четких границы текста утрачивается его творческая составляющая, а ведь именно она привлекает и увлекает читателя.

Технологии работы над формой публикации. Начнем с заголовков. Деловые издания не всегда могут позволить себе яркие заголовки и подзаголовки текстов. Это объясняется тем, что броский заголовок, который не несет фактологической нагрузки, может отпугнуть читателя. Сегодня от такой позиции многие деловые СМИ отказываются. Часто экспериментируют с заголовками такие издания, как

«Коммерсантъ», «РБК Daily», «Forbes» и «Эксперт-Урал». Например, «Forbes» статье о бизнесмене, который начал бизнес в Петербурге, а затем попал на московский рынок, дает заголовок «Путешествие из Петербурга в Москву». «Коммерсантъ» использует заголовок «На посылках у ритейлеров» в материале о том, что Почта России открывает новый сервис для ритейлеров. «Эксперт-Урал» материал о том как кризис сказался на рынке застройщиков, ставит под заголовком «Кошмар на улице строителей».

Как мы выяснили, редакция журнала «Эксперт-Урала» практически полностью отказалась от фактологических заголовков и отдает предпочтение ироничным заголовкам или заголовкам с двойным смыслом: «По гамбургерскому счету» — к публикации о бизнесе фастфуда; «Северный вывоз» — к тексту, рассказывающему о том, как экспорт Ямала помогает экономике; «Бур с ними» — к аналитическому материалу о том, что нефтегазовой промышленности требуется импортозамещение в сфере технологий.

Стоит обратить внимание и на подзаголовки в «Эксперт-Урале». Они яркие, но однотипные. Их всегда три, поскольку текст чаще всего делится на три части, и они всегда связаны по смыслу. Каждый раз журналисты используют один и тот же прием. В ходе анализа мы выявили, что данные подзаголовки являются частью шаблона.

Еще одним проявлением творческого подхода считается активное использование журналистами инфографики, таблиц, графиков, схем. Тексты деловых изданий могут быть перегружены цифрами. Избавиться от этого помогают, в частности, таблицы, так как подобная форма сведения статистических данных позволяет автору сконцентрироваться на аналитической составляющей материала. Кроме того, визуальное восприятие информации проще, чем восприятие монолитного текста.

Интеграция деловых изданий в социальные сети

Назовем еще один способ выделения изданий из информационного потока и завоевания внимания аудитории. Речь пойдет об интеграции СМИ с социальными сетями. Переход в социальные сети также является демонстрацией творческого подхода к взаимодействию прежде всего с потенциальной аудиторией.

Сегодня многие исследователи предлагают унифицированно размещать разные новости в различных социальных сетях. Мы в ходе экспериментов и опроса экспертов выяснили, что аудитория Фэйсбука более активно реагирует на имена и названия компаний, и это стоит учитывать при написании заголовков материалов для Фэйсбука. Аудитория ВКонтакте более молодежная и поэтому активно реагирует на культурные и социальные события. В обеих аудиториях хорошо воспринимаются списки и рейтинги. В эти и другие социальные сети сегодня все чаще выносятся событийные фото, рейтинги и опросы.

Что касается издания «Эксперт-Урал», то оно не имеет выхода в социальную сеть. Более того, сайт издания просто дублирует содержание журнала. Верстка материалов, которые «выкладываются» на сайт, также не соответствуют требованиям большинства современных интернет-пользователей. Фактически журнал

не использует электронные ресурсы для своего продвижения, что может, на наш взгляд, негативно сказаться уже в ближайшем будущем на его конкурентоспособности.

Результаты исследования

Подводя итоги, отметим, что приемы, о которых шла речь в статье, направлены на повышение эффективности печатных СМИ особого типа. Другое дело, что они далеко не исчерпывают творческий подход к работе. Ведь мы, к примеру, не затронули тему авторских технологий. Вместе с тем даже на основании одного исследования можно выделить некоторые продуктивные подходы к творческой деятельности. Что нам дает основание для этого?

Во-первых, творческая реализация в деловых изданиях, как мы выяснили, зачастую отличается от общих приемов. Среди технологий мы выделили установление логических связей, формирование плана материала, умение мыслить на опережение, а также переводить статистические данные в визуальные материалы.

Во-вторых, деловые издания отличаются особой тематикой, что на первый взгляд не дает журналисту широкого поля для творчества. Автор обязан работать с цифрами, отчетами и сухими данными. Среди его задач главной является преобразование статистики в привлекательную для читателя информацию. Самым простым способом здесь будет сравнение настоящего и прошлого и перевод этих данных в проценты.

Третьим выводом стала констатация того факта, что деловые издания не должны игнорировать социальные сети, которые могут дать большой читательский трафик и привлечь новую аудиторию. Все это необходимо для установления эффективного диалога представителей редакции делового издания с читателями, формирования доверительных отношений.

Эти и другие творческие приемы и технологии работают на установление коммуникационных связей между автором и аудиторией. Понятный план материала, правильно сформулированная главная мысль, которая проходит через весь текст, прогнозирование, формирование логических цепочек и аналогий, яркие заголовки и, наконец, мнения экспертов как дополнения к материалам — все это необходимо читателю. В итоге полноценная творческая реализация авторов при создании материалов придает публикациям журнала свое неповторимое лицо, читатель ощущает особый почерк и формат авторских интенций. Потенциальная аудитория деловых изданий может получать оперативную информацию и из текстов информационных агентств. От печатных изданий она ожидает услышать авторитетное экспертное мнение, а также хочет получить несколько точек зрения на проблему, сопоставить свое видение мира с журналистским.

Технический прогресс обязывает медиасистемы использовать Интернет для увеличения охвата аудитории и продвижения СМИ. С внедрением новых технологий меняется формат работы журналиста, также претерпевают изменения традиционные журналистские тексты и методы продвижения журналистских материалов. Меняется и экономическая модель отечественных СМИ, ведь новые

технологии сместили акценты прибыльности медиа с печатных и телевизионных на интернет-издания, а также мобильные приложения. При этом процесс конвергенции не только открывает новые возможности для медиа, но и имеет некоторые негативные последствия: здесь стоит упомянуть о фейках, анонимности информации, ее вирусном распространении и т. д. Но мы убеждены, что по настоящему творческие журналистские технологии позволят преодолеть эти временные препятствия, которые мешают реализации диалоговых отношений СМИ и аудитории в истинно правовом государстве.

---

1. *Асмус А. В.* Медиабренд: типологические характеристики [Электронный ресурс] // Медиаскоп : [электрон. журн.]. 2009. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/387> (дата обращения: 05.11.2015).

2. *Володина А. Н.* К вопросу о психологическом механизме формирования «бренда» [Электронный ресурс] // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 73. URL: <http://cyberleninka.ru/article/p/k-voprosu-o-psiologicheskom-mehanizme-formirovaniya-brenda> (дата обращения: 05.11.2015).

3. *Горохов В. М.* Массмедиа: творчество и институты (в соавт. с И. М. Дзялошинским) [Электронный ресурс] // Медиаскоп : [электрон. журн.]. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1219> (дата обращения: 03.11.2015).

4. *Гуревич В. В.* Делать сугубо деловое издание сегодня очень рискованно // Деловая пресса России: настоящее и будущее / сост. В. Давыдов, М. Дзялошинская. М., 1999. С. 19.

5. *Дзялошинский И. М.* Журналистика как институт и проблема индивидуального творчества // Социальная миссия и профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика-2012» (Москва, 9–11 февр. 2013 г.). М., 2013. С. 2.

6. *Олешко В. Ф.* Психология журналистики : учебник и практикум для акад. бакалавриата. М., 2016. 240 с.

7. *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки: основные принципы. М., 1958. 245 с.

Статья поступила в редакцию 25.11.2015 г.

УДК 070.1 + 004.738.5 + 316.774

Я. С. Белоцерковская

СПЕЦИФИКА ПУБЛИКАЦИЙ НА ТЕМУ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Анализируется ситуация конкуренции печатных СМИ с интернет-СМИ. На основании проведенного исследования делается вывод, что найти свою аудиторию удалось лишь СМИ, транслирующим элитарную культуру. СМИ, ориентированные на массовую культуру — «желтые» издания, таблоиды, — находятся в кризисе, так как им нечего противопоставить активно развивающимся интернет-технологиям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика и культура; массовая культура; элитарная культура; печатные СМИ; репрезентация; интернет-СМИ; сфера культуры в массмедиа; будущее журналистики.

Несмотря на развитие информационных технологий и влияние Интернета, невзирая на формирование нового медийного пространства, печатные СМИ по-прежнему остаются значимым источником информации. И поспешные выводы некоторых исследователей массмедиа о том, что газеты и журналы стремительно теряют позиции, на наш взгляд, не обоснованы. Напротив, мы убеждены, что печатные СМИ сейчас занимают свою нишу и играют в обществе особую роль — совершенно отличную от роли интернет-СМИ, а также от роли радио и телевидения. Прежде всего, газеты сохраняют институт чтения как фактор развития культуры общества. Кроме того, человеку необходимо материализовать то, что он слушает/смотрит — и сделать это опять же способны в большей степени печатные СМИ.

На наш взгляд, газеты сейчас находятся в стадии определения своей идентичности, уникальности. И работа в этом направлении приведет к сильному укреплению их позиций. Но речь идет не обо всех СМИ, а лишь о тех, кому действительно есть, что противопоставить Интернету — о качественных (элитарных) СМИ. Уровень средства массовой информации определяется по разным параметрам, но во многом это зависит от того, массовая или элитарная культура лежит в основе публикаций.

Вот почему, рассуждая о том, как в условиях Интернета сегодня существуют и самоопределяются газеты, мы должны отдельно проанализировать специфику публикаций на тему культуры.

Полемика о будущем газет

Публикации и высказывания о скорой смерти печатных СМИ, порой достаточно резкие, периодически появляются, но они чаще всего основаны на эмоциях. Вспоминается «неспортивное» поведение руководителя проекта портала Sports.ru

---

БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ Яна Станиславовна — аспирант Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: yannet.bel@yandex.ru).

© Белоцерковская Я. С., 2016

Дмитрия Навоши. Он, выступая на телеканале «Дождь», на вопрос о будущем печатных СМИ ответил: «На мой взгляд, печатные СМИ будут еще не такое уж маленькое время существовать для тех категорий, которые в Интернет уже может быть не попадут. Это небогатые слои общества, а также пожилые люди, очень сильно взрослые люди, которым не очень хотелось бы осваивать компьютер <...> Все-таки те плюсы, которые несет технология, заставляют людей переступить этот входной порог для того, чтобы освоить эту технологию. Я бы лет 10–12 отвел для массовых газет. А для качественных — нет. Я думаю, все гораздо быстрее закончится» [11].

С ним тогда полемизировал Александр Оськин, председатель правления Ассоциации распространителей печатной продукции и член Союза журналистов России. «Если бы наш оппонент более внимательно отнесся к процессам на рынке печатных СМИ, он бы обратил внимание на то, что с рынка уходит изживший себя информационный товар, утративший свою потребительскую ценность. Но на смену закрывшимся изданиям приходят новые», — отметил тогда он. И действительно, по данным Роскомнадзора, еженедельно в нашей стране регистрируются около сотни новых СМИ [10]. Это лишь единичный пример полемики по поводу этого вопроса.

Да, Интернет является вторым по востребованности источником новостей для россиян после телевидения. Однако в ситуации выбора респонденты предпочитают получить информацию из телевизора, радиоприемника, печатной версии газеты, нежели из интернет-версии — такой вывод сделал Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) [6]. То есть, получив информацию из информационных лент, человеку необходимо ее перепроверить, уточнить — и здесь он уже обращается к другим видам СМИ.

И еще один опрос ВЦИОМ: зимой 2015 г. были опубликованы данные о том, как часто россияне читают печатные и электронные СМИ. Было установлено, в частности, что 73 % опрошенных до сих пор не готовы отказаться от чтения печатной периодики. С той или иной периодичностью печатную прессу просматривают 77 %. Интернет-версии печатных СМИ пользуются меньшей популярностью — к ним обращаются чуть более 5 % опрошенных [5].

«Читатели газет не уходят в Интернет», — так считает главный редактор и владелец «Московского комсомольца», председатель Союза журналистов Москвы, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека Павел Гусев. Выступая на форуме средств массовой информации Северо-Запада (материалы опубликованы 29 октября 2015 г. на портале «planetasm»), он подчеркнул, что газеты остаются источником качественной выверенной информации. И привел некоторые цифры, которые подтверждают, что именно этой информацией пользуются большинство читателей в России: «В Интернете “сидят” около 60 миллионов россиян (из 140 миллионов жителей России). И только десять миллионов из них Интернет используют как СМИ — то есть потребителем информации в Интернете являются не более 17 % от населения страны. И если печатное СМИ закрывается, его читатели автоматически в Интернет не переходят» [3].

В чем преимущество Интернета?

Интернет отличается рядом бесспорных положительных черт, которыми не обладают традиционные методы передачи информации.

Во-первых, это оперативность. Распространение новостей через Интернет может быть автоматизировано. А время между событием и его репрезентацией на площадке интернет-портала может быть сведено к минимуму. Вторая черта — мультимедийность. Интернет-СМИ могут содержать информацию в самых разных видах: текстовых, фото-, аудио- и видеоформатах. Следующее преимущество — гипертекстуальность — подразумевает систему связи между отдельными документами посредством гиперссылок. Материалы в интернет-СМИ доступны пользователям не в виде линейной последовательности, но в виде пересекающейся сети данных.

Четвертая сильная сторона — интерактивность. Интернет-СМИ зачастую имеют возможность для обмена мнениями (площадка для комментирования, блог...), и следовательно, поклонники любого события в сфере культуры могут после прочтения обсудить новость с единомышленниками в онлайн-пространстве. В некоторой степени интерактивностью обладают, кстати, и печатные СМИ (связь посредством телефона, электронных или бумажных писем). Но в этом случае коммуникация происходит (если вообще происходит) через отложенное время и в ней участвуют только читатель и издание. В интернет-СМИ есть возможность мгновенно отреагировать на сообщение, а в общении могут принимать участие неограниченное количество читателей.

Также на сайте интернет-издания можно разместить практически неограниченный объем информации, доступной читателям.

Еще одно преимущество — возможность создания архивов. Поскольку объемы информации неограниченны, можно создать удобный архив и обеспечить повторный доступ к информации. Далее назовем такую черту, как доступность. Считается, что интернет-издания могут быть доступны из любой точки земного шара. Однако при этом не стоит забывать о проблеме цифрового разрыва, когда люди из бедных или удаленных регионов не имеют доступа к Интернету. Тем не менее, с чисто технической точки зрения, интернет-издания доступны везде, всегда и в любое время суток. И, наконец, преимуществом считается низкая себестоимость. Структура расходов на содержание интернет-издания отличается от традиционных СМИ. В случае с Интернетом большая экономия достигается за счет уменьшения расходов на распространение носителей информации.

Печатные СМИ: ответ

Есть в фехтовании такой термин: «защита-ответ». Для печатных СМИ бурное развитие интернет-СМИ стало атакой, требующей именно «защиты-ответа», это спровоцировало процессы переосмысления собственной уникальности. Газеты должны осознать, что именно периодические печатные издания могут противопоставить интернет-СМИ.

Обозреватель РБК Яков Грабарь в своем анализе положения печатных СМИ в эпоху Интернета приводит слова заместителя руководителя Всемирной газетной и новостной ассоциации (WAN-IFRA) Ларри Килмана, который отметил, что печатные издания обязаны и в будущем сохранить за собой традиционную роль поставщиков качественных новостей и информации для граждан. По мнению Килмана, для решения этой задачи газетам необходимо приняться за разработку бизнес-моделей, которые смогут успешно функционировать и в цифровую эру [2].

Издаваниям нужно не избавляться от печатного формата, а особым образом дополнять его новыми инструментами, позволяющими печатной прессе идти в ногу со временем.

Итак, в чем преимущество традиционных печатных СМИ перед онлайн-СМИ?

Прежде всего, печатные СМИ, проигрывая в оперативности, выигрывают в аналитичности. Да, интернет-издание может через несколько секунд после объявления лауреатов Международного конкурса им. П. И. Чайковского назвать их имена. Но обычно дальше сообщения (и каких-то деталей, ярких, обладающих элементами эпатажа, шоу, чтобы привлечь внимание аудитории) эти издания не идут — выиграв гонку во времени, они гонятся за следующей новостью. Но для печатных СМИ факт объявления лауреата сам по себе — лишь информационный повод. Их интересует значимость явления, предпосылки, последствия, сопоставление с прошлыми годами, некий прогноз — иными словами, анализ ситуации. Это серьезное преимущество печатных СМИ, особенно при репрезентации событий в сфере культуры.

Не так важно, что состоялась премьера, филармонический концерт, выход ожидаемого фильма и т. д. В сфере культуры принципиально важно размышление на эту тему, глубина анализа, мнения экспертов. Конечно, прежде всего мы говорим о репрезентации событий элитарной культуры — для целевой аудитории потребителей этой культуры журналистика факта (чем и занимаются интернет-СМИ) проигрывает аналитической журналистике.

Следующее значимое преимущество печатных СМИ является логическим продолжением функции аналитичности текстов.

Лексические характеристики информационных сообщений, которые распространяют интернет-СМИ, не отличаются многообразием. Это достаточно простой язык с несложными синтаксическими конструкциями, без обилия средств выразительности и языковой игры, которые в информационных жанрах неуместны. Языковую игру можно встретить разве что в заголовках, цель которых — «сработать крючком» для привлечения внимания.

Печатные СМИ, цель которых не сообщение факта, а анализ и обобщение, могут использовать широкий спектр публицистических средств выразительности. Публицистическое мастерство делает позицию автора запоминающейся, текст приобретает образы. Зачастую мы не можем вспомнить, на каком именно информационном портале мы прочли ту или иную новость — нам это не важно, нам важно само содержание новости. Да и один и тот же факт на разных информационных интернет-порталах передается в одинаковом пересказе. Но мы вряд ли забудем, в каком печатном издании содержался анализ данного события, более

того — мы запомним журналиста, если он обладает ярким публицистическим стилем, имеет авторскую позицию. Интернет-порталы зачастую обезличены (мы сейчас не затрагиваем тему блогов), тогда как печатные СМИ имеют лицо — колумнистов, публицистов...

Более того, в редакциях печатных СМИ чаще, чем в интернет-порталах, есть разделение творческих обязанностей, «сфер обстрела», выражаясь профессиональным жаргоном, — то есть за каждой сферой закреплены определенные авторы. В интернет-редакциях новость сообщает тот, кто первым ее узнал, и один и тот же автор может писать и о филармоническом концерте, и о результатах хоккейного матча, и об итогах выборов. Это приводит к тому, что не удается тщательно проработать определенную тему. У журналистов периодических печатных изданий, имеющих свою тему, есть возможность глубоко изучать ее. Но самое важное — есть возможность сформировать контактную базу экспертов по данному вопросу. И эти эксперты могут качественно, полноценно, с разных сторон комментировать и анализировать события, происходящие в данной сфере. Возможность создания такой базы есть, безусловно, и у интернет-редакций. Но как мы уже упоминали, в этих редакциях порой нет четкого разделения обязанностей, и даже если некая общая контактная база есть, то доверие экспертов (и, как следствие, уровень комментариев) к случайным информаторам будет ниже, чем доверие к конкретным журналистам, с которыми на протяжении продолжительного времени поддерживается контакт.

Отсюда логически вытекает следующий признак: эксклюзивность. Постоянная работа с экспертами в конкретной сфере, установление с ними доверительных взаимоотношений в конечном итоге приводят к тому, что эксперты становятся информаторами и в случае неординарного события предпочитают ставить в известность проверенных журналистов, коими ввиду описанных нами обстоятельств являются журналисты печатных изданий. Таким образом, нередко случаи, когда именно на страницах печатных изданий появляются эксклюзивные новости, и уже интернет-СМИ вынуждены копировать их.

Есть еще один принципиально важный момент: исторически сложилось более доверительное отношение к печатному слову. Сообщения, размещаемые на страницах газет, воспринимаются аудиторией как более информативные, менее надоедливые по сравнению с аналогичными материалами, запускаемыми по Интернету.

Специфика публикаций на тему культуры

23–24 октября 2015 г. в Симферополе прошел Фестиваль российской прессы. Проблема газет в эпоху Интернета была там одной из наиболее обсуждаемых. Собственный корреспондент «Парламентской газеты» в Крыму Александр Машенко высказался следующим образом: «Печатные СМИ, несмотря на развитие Интернета, остаются востребованными, нужными людям. Газеты — классика журналистики, а классика актуальна всегда» [1]. Но под «классикой» подразумеваются прежде всего качественные издания, а не таблоиды.

Разница между качественными изданиями и таблоидами прослеживается по многим параметрам. Также их отличает и выбор освещаемых событий в сфере культуры. Качественные СМИ делают акцент на культуре элитарной, тогда как таблоиды и «желтая» пресса ориентированы на массовую культуру.

Под «массовой культурой» мы будем понимать явление, характеризующее специфику производства и распространения культурных ценностей в современном постиндустриальном обществе.

Элитарная культура, в противовес массовой, это «высокая культура», противопоставляемая масскульту по типу воздействия на воспринимающее сознание, сохраняющего его субъективные особенности и обеспечивающего смыслообразующую функцию [8, 17–19].

Итак, почему мы считаем, что таблоиды со временем окончательно уйдут в Сеть, а качественные газеты прочно займут свою нишу?

Элитарные, качественные издания уже сейчас наращивают популярность.

Частично печатные СМИ, вместо поиска своего собственного пути развития, усиления своих уникальных сильных сторон (уровень экспертов, глубина анализа, эксклюзивность и т. д.), идут на поводу у масс. Наблюдая за тем, как популярны информационные интернет-порталы, они начинают упрощать информацию, пытаясь приблизить ее к уровню информации в интернет-пространстве. Это отражается и в лексических средствах (упрощение журналистского языка, шаблонность), и в верстке (попытка сделать газетную полосу приближенной к интернет-пространству: короткие тексточки, обилие иллюстраций). На наш взгляд, данный путь изначально ошибочен: вместо попытки самоидентифицировать себя в условиях Интернета данные СМИ пытаются стать похожими на интернет-издания, что невозможно ввиду технических причин.

СМИ, отображающие события в основном элитарной культуры, не соперничают с Интернетом, а предлагают уникальный по форме и содержанию продукт. Они не идут за фактом, а рассматривают проблему гораздо глубже. Мы видим, как широко обсуждается вопрос о присуждении Светлане Алексиевич Нобелевской премии по литературе. Хотя фактически то, что она делает, — очень качественная журналистика. Даже Нобелевский комитет сегодня признает большое влияние и высокое качество подобной журналистики.

Итак, элитарные издания действительно укрепляют позиции, в то время как таблоиды теряют популярность.

«В России, возможно, таблоиды увянут, едва успев расцвести, по причинам не этическим, а финансовым. Все меньше смысла в том, чтобы платить за скандальную информацию, которую Интернет генерирует бесплатно», — считает обозреватель «Коммерсанта» Андрей Жакаев [4]. У СМИ, которые лишь копируют Интернет, уходя в желтизну и таблоидность, своего уникального читателя нет. «Да, основное медиапотребление теперь сосредоточено там (в Интернете), но уходит большая часть проводимого в Интернете времени на переписку по электронной почте, общение в соцсетях и просмотр видео (такие данные были озвучены на Российском интернет-форуме 2014 года). Новостей же многим достаточно тех, что размещают на главной странице поисковики. И если войны или стихийного

бедствия нет, то живем дальше и занимаемся своими делами», — подтверждает эту мысль Александр Колесниченко, редактор отдела «Общество» газеты «Новые Известия», руководитель «Школы текста» [7].

Кроме того, возможно, в будущем печатные СМИ станут таким же признаком элитарной культуры, как опера, балет, филармоническая музыка и т. д. Формируя свою собственную аудиторию, которая хочет получать не только факты, но и их анализ, печатные СМИ таким образом укрепляют сам институт чтения. О значимости этого института сегодня говорят достаточно много. Владимир Олешко называет чтение демократической ценностью, подчеркивая, что утрата или даже простой отказ от рассмотрения чтения как важнейшего компонента информационной культуры отдельной личности и тех или иных социумов может привести в дальнейшем к непоправимым последствиям [9].

Газета становится первой ступенью: от чтения газеты читатель сделает шаг к качественным журналам и затем к книге. Формируя свою аудиторию, газеты формируют моду на чтение.

Еще один важный момент. Чем часто берут издания массовой культуры, таблоиды? Скандалами, откровенными снимками. Однако всего этого сегодня слишком много в Интернете, это уже не цепляет, это приелось. И даже СМИ, ориентированные на массовую аудиторию, сегодня чувствуют, что этим больше не привлечь читателя. Сейчас широко обсуждается отказ всемирно известного журнала Playboy от публикации обнаженной женской натуры (начиная с 8 марта 2016 г.). Когда подобных снимков достаточно много в Сети, рынок надо завоевывать с помощью других инструментов.

Это лишь доказывает нашу гипотезу о том, что таблоидам необходимо вслед за качественными СМИ искать свою особую форму привлечения читателей, отличную от формы в Интернете.

Кстати, еще недавно мы наблюдали процесс ухода изданий в «цифру», массовое закрытие печатных версий. Сегодня мы можем говорить об обратном: издания возвращаются к бумажным версиям, интернет-порталы выпускают свои печатные версии. Примечательно, что речь идет не о таблоидах, а об изданиях, являющихся качественными (или стремящихся таковыми быть).

Печатную версию возвращает Newsweek. Издание печаталось в Нью-Йорке с 1933 по 2012 г., потом тексты полностью переместили в Интернет, но после прихода новой редакционной команды с января 2014 г. издание вернулось в «бумагу». И нужно отметить, что бумажная версия Newsweek уже стала приносить прибыль владельцам, чего нельзя было сказать о сайте издания.

Примеру Newsweek последовал и педагогический журнал Т.Н.Е., который в прошлом году возобновил издание журнала в бумажном варианте (печатная версия перестала выходить в 2012 г.). Возвращение к печати немедленно принесло дивиденды. 38-страничный дебютный выпуск был наполовину заполнен рекламой, чего не было ни в одном из выпусков цифрового издания [12]. Есть печатные версии у «Эха-Москвы» и у РБК.

Конечно, надо понимать, что сегодня и элитарным изданиям необходимо иметь хороший сайт, расширять таким образом свою аудиторию. Сайт должен

дополнять, усиливать возможности печатного издания — иными словами, стать площадкой для более технически расширенного представления текстов. Сегодня все чаще в изданиях можно встретить отсылку на сайт: «Смотрите на нашем сайте видео», «Фрагмент концерта вы можете посмотреть на нашем портале»...

СМИ, ориентированные на события массовой культуры, пытаются соперничать с Интернетом. Но, не имея собственной позиции, уникальности, они оказываются в более проигрышной ситуации. Аудитория, на которую они ориентируются, предпочитает уйти в Сеть. И если говорить об исчезновении печатных СМИ, то это произойдет именно со вторым типом СМИ, так как они проиграют Интернету в борьбе за аудиторию. Вот почему понимание специфики репрезентации событий в сфере культуры играет важную роль в определении статуса издания, его будущего, самоопределении пути его развития.

---

1. *Абрамов С.* Александр Машенко: «Газеты — классика журналистики, а классика актуальна всегда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planetasm.ru/blogi/comments/41602.html> (дата обращения: 30.10.2015).

2. *Грабарь Я.* Будущее печатных СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/13/02/2013/844874.shtml> (дата обращения: 30.10.2015).

3. *Гусев П.* Читатели газет не уходят в Интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planetasm.ru/blogi/comments/41584.html> (дата обращения: 16.10.2015).

4. *Жакаев А.* Цена скандала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radioportal.ru/articles/13527/tsena-skandala?language=ru> (дата обращения: 11.10.2015).

5. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ : [проведен 20–21 дек. 2014 г., опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России] [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115113> (дата обращения: 10.10.2015).

6. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ: «Откуда получают информацию россияне» [Электронный ресурс]. URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/polit-info/article/onlain-i-oflain-otkuda-poluchajut-informaciju-rossijane.html> (дата обращения: 16.10.2015).

7. *Колесниченко А.* Газеты без тиража // Журналистика и медиарынок. 2014. № 6. С. 82–84.

8. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2013.

9. *Олешко В. Ф.* Чтение как демократическая ценность // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 76–83.

10. *Оськин А.* Гендиректор Sports.ru высказался не по-спортивному о печатных СМИ (публикация в livejournal) [Электронный ресурс]. URL: <http://alexander-oskin.livejournal.com/2013/10/03/> (дата обращения: 21.10.2015).

11. Эволюция медиа и краудсорсинг : лекции на «Дожде» [Электронный ресурс]. URL: https://tvrain.ru/teleshow/lectures_on_the_rain/evoljutsija_media_i_kraudsorsing_polnaja_versija-329219/ (дата обращения: 20.10.2015).

12. *Якупова В.* Александр Оськин: «Каждый день в России уничтожается 10 киосков прессы» [Электронный ресурс] // Журналист. 2015. № 6. URL: <http://journalist-virt.ru/archive/2015/06/2015/05/28/A-OSKIN-Kazhdyy-den-v-Rossii-unichtozhaetsya-10-kioskov-pressy.phtml> (дата обращения: 20.10.2015).

Статья поступила в редакцию 17.12.2015 г.

УДК 070.431 + 070.15 + 316.774:32 + 656.7

И. А. Ветошкина
Е. С. Голоусова**ОСВЕЩЕНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ЗАРУБЕЖНЫМИ СМИ**
(на примере *New York Times*, *El Pais*, *La Stampa* и других изданий)

Объектом анализа данной статьи стали публикации зарубежных СМИ, посвященные трагическим событиям минувшей осени — крушению самолета A321 «Когалымавиа» в Египте 31 октября и серии терактов в Париже 13 ноября. Авторы проанализировали специфику освещения экстремальных ситуаций крупными зарубежными СМИ и сделали выводы относительно журналистских подходов и методов работы иностранных корреспондентов.

Ключевые слова: экстремальные ситуации; зарубежные медиа; журналистика факта; журналистика мнения.

Трагические события минувшей осени никого не оставили равнодушным: возможные причины катастроф и террористических актов обсуждали как профессионалы, так и простые обыватели. Мировые СМИ не могли не откликнуться на данные события и посвящали им целые полосы, а то и номера. Мы решили обратиться к материалам, которые были опубликованы в самые первые дни после трагических событий и, таким образом, оказали серьезное влияние на формирование информационной повестки дня.

Одним из первых о трагедии с пассажирским самолетом, произошедшей над Синайским полуостровом, сообщило американское издание *The New York Times*. Рассказав о новости, журналисты продолжали обновлять информацию в течение нескольких дней, дополняя публикации все новыми подробностями. Важно также отметить и тот факт, что во многих публикациях *The New York Times* репортеры говорили о вероятности взрыва самолета, а также о том, что на борт самолета кто-то специально пронес бомбу. Через несколько дней после трагедии на страницах издания был опубликован специальный материал о системе безопасности аэропорта Шарм Эль Шейха. По данным египетских представителей, место полностью отвечало всем нормам безопасности. Более того, его проверяли британские службы и были полностью удовлетворены результатом. Но, как выяснилось позднее, рентгеновские машины и другие приборы проверки были в плачевном состоянии, что и позволило террористам пронести взрывное устройство на борт [1]. В целом можно сказать, что *The New York Times* уделила серьезное внимание российской трагедии, посвятив ей не один десяток материалов.

ВЕТОШКИНА Ирина Александровна — студентка второго курса Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vetoshkina.kostanay@gmail.com).

ГОЛОУСОВА Елизавета Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: lizagolousova@gmail.com).

© Ветошкина И. А., Голоусова Е. С., 2016

Британская газета *The Independent* также не осталась в стороне от этой трагедии. Подробный анализ публикации позволил выделить две основные темы, которые присутствуют на страницах издания. Во-первых, британцы гораздо с большей уверенностью, чем американцы, говорят о том, что причиной крушения самолета, скорее всего, стала бомба. Согласно их источникам, расшифровка черных ящиков дала больше информации, чем предположения следователей. На записях слышен взрыв, что подтверждает догадки экспертов. Более того, журналисты *Independent* полагают, что трагедия на борту самолета «Когалымавиа» — дело рук террористической организации ИГИЛ, которая все активнее вербует новобранцев — будущих террористов и распространяет свое влияние в разных уголках планеты [2].

Еще одна тема, которая фигурирует на страницах британского издания, — это ситуация с собственными туристами (около 20 тыс. человек), которые находятся на курортах Египта и которых власти Великобритании пытаются вернуть домой. «All British flights from Sharm were suspended on Wednesday evening, after Downing Street said new evidence had come to light to indicate the crash may have been a terror attack. Rescue flights to bring home the 20,000 UK citizens stranded in Sharm began, but were immediately beset by delays and disruptions. Only eight of 29 planned flights to the UK flew from Sharm today»¹ [11].

Испанская *El Pais* в большей степени сфокусировалась на данных, полученных из российских источников. В частности, авторы издания, ссылаясь на слова официального представителя и заместителя генерального директора компании «Когалымавиа» Александра Смирнова, упоминают о технических неполадках, возникших на борту во время полета. Более того, испанские журналисты приводят слова из выступления пресс-секретаря президента России Александра Пескова, что «пока еще рано делать выводы и говорить о точной причине катастрофы над Синаем». Данный комментарий прозвучал в ответ на вопрос о возможной террористической атаке на борту самолета [3].

Еще одно испаноязычное издание *Clarín* (Аргентина) опубликовало материал под заголовком «Последние минуты пассажирского авиалайнера: вероятность воздействия извне». Журналисты также ссылаются на слова вице-президента компании «Когалымавиа» Александра Смирнова, который говорил о возможности внешнего воздействия на воздушное судно. Более того, репортеры приводят мнение экспертов, которые, в свою очередь, выделяют три основные версии произошедшего: неблагоприятные климатические условия, сбой в системе управления воздушным судном и воздействие внешнего фактора, например бомбы или ракеты [5].

Итальянская *La Stampa* опубликовала материал под заголовком «Трагедия с авиалайнером Metrojet, Кремль не исключает возможность теракта». Автор материала обращает внимание на то, что, по словам представителей наземных служб Египта, пока нет никаких улик, которые позволяли бы говорить о наличии

---

¹ «Все рейсы из Шарма были приостановлены в среду вечером, сразу после того, как Downing Street заявило, что возможной причиной крушения стала террористическая атака. В Шарм Эль Шейхе были организованы спасательные рейсы, чтобы перевезти 20 тыс. граждан Великобритании обратно на родину. Однако они были задержаны или приостановлены. Только 8 из 29 рейсов в Англию смогли состояться сегодня». — *Пер. авт.*

взрывного устройства на борту самолета [10]. Также журналисты ссылаются на заявление вице-президента компании «Когальмавиа» Александра Смирнова, согласно которому авиасудно находилось в нормальном состоянии, регулярно проходило технические проверки и «единственной возможной причиной разрушения судна в воздухе могло стать механическое воздействие» [Там же]. Итальянские авторы также говорят о ситуации внутри самой компании Metrojet, упоминая о проблемах с зарплатой: «*Российская авиакомпания лоукостер Metrojet, которой принадлежал разбившийся в Египте самолет, в течение двух месяцев не выплачивала зарплату своим сотрудникам*» (пер. авт.).

Еще одно трагическое событие произошло в Париже 13 ноября, когда сразу несколько террористических группировок жестоко расправились с мирными жителями, отдыхавшими в уличном кафе неподалеку от центра Парижа, на стадионе «Стад де Франс», а также в концертном зале «Батаклан».

Хочется отметить, что многие журналисты сфокусировали внимание на личностях погибших, большая часть публикаций была посвящена именно жертвам трагедии. В одном из материалов, размещенных на сайте Би-би-си, журналисты перечислили всех погибших на тот момент людей, т. е. тех, кого нашли и успели опознать [6]. На сайте издания можно найти краткую информацию о жертвах трагедии, в отдельных случаях предоставлена информация об обстоятельствах гибели во время теракта.

Также корпорация Би-би-си выложила список лиц, причастных к трагедии. В таблице, приведенной на страницах издания, сообщается, кто оказался смертником, кого убили и кто до сих пор разыскивается. Судя по всему, на текущий момент из 11 участников 2 остаются на свободе [3].

Более того, предметом обсуждения многих авторов стало изменение отношения к мусульманам во Франции после ноябрьского теракта. Зачастую объектом грубых высказываний становятся представители молодого поколения мусульман: «“When I arrived at school last Monday, some friends treated me like a terrorist”, says nine-year-old Ayman. “I spoke to my teacher. She explained to my classmates that being a Muslim does not make you a terrorist”»² [Там же].

The Telegraph также посвятило ряд публикаций терактам в Париже. Корреспонденты британского издания попытались воссоздать хронологию трагических событий. К примеру, на одной фотографии испуганные люди убегают со стадиона, а на другой — спасатели выносят раненных людей [9].

Стивен Сестанович, один из авторов *Wall Street Journal*, размышляет о том, почему люди склонны по-разному реагировать на акты насилия. В частности, журналист пытается понять, в чем причина того, что теракты в Париже вызвали больший гнев у аудитории, чем трагедия с российским самолетом, разбившемся в Египте. По мнению Стивена, одна из причин связана с наличием политической подоплеки.

---

² «“Когда я пришел в школу в прошлый понедельник, некоторые мои друзья стали относиться ко мне как к террористу”, — говорит 9-летний Аймэн. “Я поговорил с учителем. Она объяснила моим одноклассникам, что если я мусульманин, это не делает меня террористом”». — *Пер. авт.*

В частности, автор разъясняет: *«Когда политическая составляющая вторгается в нашу повседневную жизнь и оказывает влияние на наши реакции, мы обязаны задать себе вопрос: почему так происходит? С точки зрения российской пропаганды, всему виной новый виток “охлаждения” взаимоотношений между Россией и Западом и рост русофобии. Но правда заключается в другом. Здесь стоит говорить о “мягкой силе”, о той уверенности, которая позволяет поступать именно так, а не иначе. Россия в последние годы стала испытывать серьезную нехватку этой “мягкой силы”»* (пер. авт.) [8]. Сестанович говорит о том, что даже несмотря на наличие общей цели — борьбы с ИГИЛ, лидеры мировых держав сомневаются в том, насколько оправданы средства, с помощью которых Россия ведет эту борьбу. *«Когда Путин объявляет о начале бомбардировок против ИГИЛ и начинает применять силу против всех сирийцев подряд, то эти действия ставят под вопрос легитимность российской внешней политики... У России сокращается запас “мягкой силы”, а у нас остается все меньше сил, чтобы высказать сочувствие пострадавшим»* [Там же].

Корреспондент *Financial Times*, освещающая теракты в Париже, больше внимания уделил проблеме мультикультурализма. Гидеон Рахман, автор публикации «Подчеркивают ли парижские теракты мысль о столкновении цивилизаций», ссылаясь на работу Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций», говорит о том, что несмотря на многочисленные уверения многих лидеров мировых держав в том, что такого столкновения нет, «каждый день из жизни мультикультурного западного сообщества может служить опровержением таких заявлений: представители разных культур и разных религий не могут сосуществовать и работать вместе» [7].

Рахман отмечает, что и в Северной Америке, и в Европе, и на Ближнем Востоке, и в Азии все большую популярность набирает идея о столкновении цивилизаций. *«Но реальность такова, что представители мусульманского и немусульманского мира настолько тесно взаимодействуют друг с другом во всем мире, что мультикультурализм не выглядит как либеральное стремление. Он стал реальностью современного мира, и идея мультикультурализма должна работать. Единственной альтернативой данной идее является насилие, смерть, печаль»* [7].

Подводя итог, можно сказать, что зарубежные журналисты обратили внимание на целый ряд аспектов при освещении крушения российского самолета и терактов в Париже.

Во-первых, они старались рассказать о случившемся с разных позиций, приводя соответствующие факты. Журналисты не останавливались на публикации лишь одного материала по теме, а наоборот — следили за новостями, публикуя информацию в хронологическом порядке.

Во-вторых, каждое СМИ акцентировало внимание на каком-то определенном аспекте события. Например, британские СМИ, освещая крушение российского авиалайнера, рассуждали о будущем туристического бизнеса, испанские и итальянские авторы сосредоточились на причинах трагедии, в то время как американские корреспонденты коснулись темы мультикультурализма.

Применительно к освещению терактов в Париже можно сказать, что иностранные корреспонденты освещали данную ситуацию двупланово: с одной стороны, многие авторы рассуждали о самой трагедии и ее последствиях; с другой стороны, журналисты говорили о более глубинных причинах произошедшего, двигаясь от частного к общему и сосредотачиваясь на сложной геополитической ситуации в мире.

---

1. Consensus Grows for Bomb as Cause of Russian Jet Crash, Officials Say [Electronic resource]. URL: <http://www.nytimes.com/2015/11/09/us/politics/egypt-russia-plane-crash-bomb.html> (accessed: 21.12.2015).

2. *Cooper C., Jenne A.* Russian plane crash: Black box analysis indicates Metrojet A321 'was downed by bomb' [Electronic resource] // Independent. 2015. 7 Nov. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/russian-plane-crash-flight-a321-was-downed-by-bomb-black-box-analysis-indicates-a6724971.html> (accessed: 21.12.2015).

3. How the Paris attacks are affecting Muslim children [Electronic resource] // BBC: [www.bbc.co.uk]. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-34903407> (accessed: 21.12.2015).

4. La operadora del avión siniestrado descarta un fallo técnico o humano [Electronic resource]. URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2015/11/02/actualidad/1446459603_768816.html (accessed: 21.12.2015).

5. Los últimos minutos del avión ruso: hablan de un "impacto externo" [Electronic resource] // Clarin. 2015. 2 Nov. URL: http://www.clarin.com/tema/avion_ruso.html?page=2 (accessed: 21.12.2015).

6. Paris attacks: Who were the attackers? [Electronic resource] // BBC: [www.bbc.co.uk]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34832512> (accessed: 21.12.2015)

7. *Rachman G.* Do Paris terror attacks highlight a clash of civilizations? [Electronic resource] // The Financial Times. 2015. 16 Nov. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/96b9ed08-8c46-11e5-a549-b89a1dfede9b.html#axzz3rk296f2E> (accessed: 21.12.2015).

8. *Sestanovich S.* More Sympathy for Paris Attack Victims Than Russian Terror Victims? [Electronic resource] // The Wall street journal. 2015. 16 Nov. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2015/11/16/more-sympathy-for-paris-attack-victims-than-russian-terror-victims/> (accessed: 21.12.2015).

9. *Steafel E., Sabur R., Malnick E. et al.* Paris terror attack: Everything we know on Saturday afternoon [Electronic resource] // The Telegraph. 2015. 21 Nov. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11995246/Paris-shooting-What-we-know-so-far.html> (accessed: 21.12.2015).

10. Tragedia aereo Metrojet, Mosca e Washington: "Non si può escludere il terrorismo" [Electronic resource]. URL: <http://www.lastampa.it/2015/11/02/esteri/tragedia-aereo-metrojet-il-cremlino-non-si-pu-escludere-il-terrorismo-PmVJt2D3cOWXBxzkatLLsK/pagina.html> (accessed: 21.12.2015).

11. *Withnall A.* Russian plane crash: flight brought down over Sinai by bomb in 'terror act' [Electronic resource]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/russia-confirms-plane-which-crashed-over-sinai-was-bombed-in-terror-act-a6737256.html> (accessed: 21.12.2015).

Статья поступила в редакцию 25.12.2015 г.

УДК 070.22:338 + 338.124.4“2014–2015”

Д. Ф. Свечков

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ БАНКОВСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2014–2015 гг.

Анализируются публикации журналистов «Комсомольской правды», посвященные экономическому кризису. Выявляются и описываются доминантные темы. Рассматриваются лексемы, используемые при оценке причин кризиса. Анализируются отклики читателей. Определяется характер влияния газеты на поведение потребителей банковских услуг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономический кризис; санкции; воздействие СМИ; «черный вторник»; «Комсомольская правда».

В декабре 2014 г. кризис на внешнеполитической арене для России перерос в экономический. Из-за возросших инфляционных и девальвационных рисков 16 декабря Центральный банк Российской Федерации повысил ключевую ставку на 6,5 процентных пунктов — до 17 % годовых [1]. В результате этого на Московской бирже вырос курс доллара и евро. В первом случае курс достигал 80 руб., а во втором — превысил отметку в 100 руб. [2]. Большинство российских СМИ активно включились в создание соответствующей информационной повестки, представляя факты, связанные с экономическим кризисом. Это, в свою очередь, спровоцировало преобладание негативного новостного фона в экономической сфере. Уже 17 декабря курс рубля занял позицию, при которой доллар стоил 67 руб., а евро — 83,5 руб. [3]. В последующие дни рост национальной валюты продолжался. То же самое произошло и с фондовым индексом РТС. Изначально он упал на 10,12 %, однако уже на следующий день вырос на 18 %. Тем не менее благодаря журналистам ситуация на фондовом рынке, произошедшая 16 декабря 2014 г., стала фактически нарицательным событием — по аналогии с 16 сентября 2008 г., когда российский фондовый индекс Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) потерял 17,45 % [4], и этот день называли «черным вторником».

Согласно данным сервиса Google.com, первыми словосочетание «черный вторник» по отношению к 16 декабря 2014 г., применили сотрудники издания «Slon.ru». Впоследствии данная лексема стала применяться журналистами российских изданий повсеместно при освещении темы экономического кризиса в России. В связи с этим появляется возможность проследить, как публикации в СМИ на тему обвала национальной валюты влияли на поведение потребителей банковских услуг, имеющих вклады в финансовых учреждениях и способных ухудшить ситуацию в экономике, под воздействием той или иной информации в СМИ. Лучше всего такое влияние можно проследить по публикациям в газете

СВЕЧКОВ Данил Федорович — аспирант кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: hmason@mail.ru).

© Свечков Д. Ф., 2016

«Комсомольская правда»¹. Это одно из самых массовых изданий на территории РФ. Как показало исследование социального статуса и структуры аудитории газеты «Комсомольская правда», проведенное компанией Synovate Comcon, ее основу составляют специалисты — на них приходится 27 % аудитории. Также читателями издания являются служащие (25 %), руководители (22 %), представители других специальностей (18 %) и рабочие (8 %). Материальный статус аудитории распределяется следующим образом: выше среднего — 45 %, средний — 42 %, ниже среднего — 13 %. Большую часть читателей составляют женщины (59 %), меньшую — мужчины (41 %). Распределение аудитории по возрасту происходит следующим образом: 35–54 года — 42 %; 16–34 года — 26 %; 55–64 года — 18 %; старше 65 лет — 14 % [5]. Таким образом, в информации, предоставляемой газетой, в большей степени заинтересованы люди трудоспособного возраста, с доходом средним и выше среднего, имеющие высшее образование, — так называемый «костяк потребителей банковских услуг».

Для выяснения степени влияния «Комсомольской правды» было проанализировано 295 публикаций по теме «курс рубля», опубликованных на сайте Kr.ru в период с 16 декабря 2014 г. по 31 января 2015 г. Это позволило изучить, как подавалась информация о российском финансово-экономическом кризисе, и проследить реакцию аудитории на эти сообщения в конце года, когда многие люди подводят итоги, и в начале следующего, когда они начинают планировать свою жизнь на будущий год.

В материалах на тему экономического кризиса, вышедших в газете «Комсомольская правда», противопоставлены *две доминантные темы: тема упадка российской экономики и тема устойчивости российской экономики.*

Тема упадка обозначается с помощью следующих лексем: «риски», «антибиотик», «пропасть», «бояться», «беспокойство», «сокращения», «опасения», «перезапуска», «ошибка», «безумие», «стагнация», «истерия», «мучение», «обвал», «плачь», «шторм», «лихорадка», «турбулентность», «отставка», «шок», «нервно», «паника», «колебания».

Согласно толковому словарю Владимира Даля, в рамках материалов на тему российского финансово-экономического кризиса словарное значение лексемы «риск» включает в себя следующие смыслы: «подвергаться случайности, делать что-либо без верного расчета». Используя данную лексему, авторы заявляют, что российская экономика находится в неустойчивой позиции, зависимой от внешних факторов. Для той же цели они вводят в тексты лексему «пропасть», включающую в себя смысл «На краю гибели».

Лексема «антибиотик», согласно толковому словарю Ожегова, обозначает «биологически активные вещества... могущие подавлять жизнеспособность микроорганизмов». Авторы сравнивают ситуацию в экономике с болезнью, исцелиться

---

¹ «Комсомольская правда» — ежедневная и еженедельная газета, одно из самых массовых изданий на территории Российской Федерации. Основана 13 марта 1925 г. Тираж ежедневного издания — 655 тыс. экземпляров. Тираж еженедельного издания «Толстухка» — 2,7 млн экземпляров. Имеет интернет-версию по адресу www.kr.ru, а также собственную радиостанцию, еженедельная аудитория которой — 1 млн 467 тыс. человек, и телеканал, среднемесячная аудитория которого — 10,6 млн человек.

от которой можно только с помощью специальных средств. Для обозначения самого болезненного состояния российской экономики журналисты используют лексемы «лихорадка» и «мучение».

Лексемы «бояться», «беспокойство», «опасения», «нервно», «переживания», «плачь», «шок», «паника», «безумие» обозначают нарастающую в обществе нервозность — состояние, заключающееся в чрезмерной возбудимости, предрасположенности к усиленной реакции на ничтожные впечатления.

Лексема «стагнация», согласно Большому экономическому словарю А. Б. Борисова, обозначает «застой в экономике». Для описания ситуации, сложившейся в российской экономике, авторы также используют лексемы «обвал», «шторм», «грохнуть» и «турбулентность».

Говоря о лицах, виновных в сложившейся ситуации, журналисты употребляют лексему «отставка». Согласно Большому юридическому словарю, она обозначает «всякое увольнение от государственной службы или уход с государственной должности занимающего ее лица» и используется применительно к правительству РФ.

Тема устойчивости российской экономики достигается с помощью следующих лексем: «стабилизация», «заговор», «прибыль», «паникеры», «равновесие», «укрепление», «антикризисный», «пессимисты».

Как видно, их значительно меньше, чем лексем, формирующих тему упадка. Связано это с тем, что, рассказывая о положительных тенденциях в российской экономике, авторам приходилось часто упоминать информацию, поступавшую ранее, либо же использовать лексемы из темы «упадка» в их обратном значении.

Лексема «заговор», согласно Толковому словарю Ушакова, обозначает «тайное соглашение нескольких лиц и совместных действий против кого-нибудь для достижения каких-нибудь определенных политических целей». Авторы используют ее применительно к представителям других стран, чтобы обозначить виновных в сложившейся ситуации. Лексема «паникер», согласно словарю Ушакова, описывает людей, «легко поддающихся панике, распространяющих тревожные слухи». Журналисты используют ее для того, чтобы дать негативную оценку людям, которые подвержены воздействию неподтвержденной информации о состоянии российской экономики. Для этой же цели используется лексема «пессимисты», обозначающая «человека, проникнутого пессимизмом». Лексемы «прибыль», «укрепление», «равновесие», «антикризисный» используются для того, чтобы дать положительную оценку ситуации, сложившейся в экономике.

Первая публикация на тему российского финансово-экономического кризиса появилась на сайте kr.ru в ночь с 15 на 16 декабря. Рассказывая о повышении ключевой ставки до 17 %, авторы отметили беспрецедентность такой меры Центробанка и заявили, что отныне кредиты в России станут очень дорогими [6]. В следующей публикации «Кредиты для россиян подорожают», вышедшей в тот же день, но в момент, когда евро стоил уже 100 руб., авторы отмечали, что санкции закрыли для наших финансистов западный рынок, из-за чего сейчас банки могут обращаться за финансами только к Центробанку. Прогноз, который давали эксперты, был неутешителен: в ближайшие месяцы доходы граждан упадут, компании начнут сокращения зарплат и штата, а «просрочка» по кредитам вырастет [7].

Впрочем, уже в следующей публикации журналисты сделали прогноз, согласно которому отныне у банков останется лишь один выгодный источник доходов — рядовые вкладчики. Поэтому, делает вывод автор, в будущем, чтобы привлечь средства граждан, они будут повышать доходность вложений в рублях. Но окажет влияние это лишь на вклады на 3–6 месяцев, так как банки опасаются, что высокая ставка Центробанка долго не продержится [8]. Вслед за этим депутаты Госдумы потребовали наказать главу Центробанка Эльвиру Набиуллину. Повышение ставки рефинансирования они назвали безумием и заявили, что это убьет российскую экономику. Впрочем, развития данный конфликт не получил. Эльвира Набиуллина осталась на своей должности [9]. Впоследствии журналисты «Комсомольской правды» начали изучать ситуацию в пунктах обмена валюты. В одной из первых заметок этого типа, названной «В петербургских обменниках не успевают менять курсы валют на табло», автор отметил, что большого ажиотажа среди тех, кто хочет воспользоваться колебаниями на рынке, нет [10]. Ситуация нервозности, сложившаяся в обществе в связи с падением курса рубля, нашла отражение и в материале «Сотрудники московского банка: “Замучились табло менять”». Изучив обстановку, автор отмечает следующие настроения среди клиентов банка, пришедших в финансовое учреждение: 1) стремление купить иностранную валюту в как можно большем количестве; 2) отсутствие надежды на то, что рубль укрепит свои позиции [11]. В то же время в другом материале, опубликованном впоследствии, автор писал, что в банках города нет ажиотажа, связанного с падением национальной валюты. Правда, отметил он, связано это не с уверенностью в том, что рубль отыграет свои позиции, а с тем, что курс национальной валюты к этому времени уже стал очень низким — более 100 руб. за евро и более 80 руб. за доллар. В статье журналист сделал вывод, что рисковать, скупая иностранную валюту, сейчас бессмысленно, так как курс еще может измениться [12].

Еще большее нагнетание нервозности среди потребителей банковских услуг наблюдается в заметке «Мурманский банк продает евро по 150 рублей, табло курса валют не выдержало». Подобные сообщения периодически приходили из разных регионов, однако чаще всего завышенный курс был следствием ошибки либо попыткой банка снизить ажиотаж при продаже иностранной валюты [13]. Тем не менее такие новости, транслируемые «Комсомольской правдой» на всю страну, не могли не повлиять на поведение граждан. Вечером 16 декабря появились сообщения о том, что «по всей стране люди ринулись в банки, чтобы обменять рубли на заграничную валюту». Чтобы уменьшить нервозность, журналисты тут же заявили, что меры, принятые властями по укреплению позиции рубля, вскоре сыграют не в пользу тех, кто поспешил вложиться в иностранную валюту на короткий срок. Доход получают лишь те, кто сделал долгосрочные вклады [14]. Ближе к вечеру «черного вторника» на сайте издания начали появляться комментарии экспертов. Так, экс-премьер России Сергей Степашин предположил, что сложившаяся ситуация — это «карательный сговор» стран Запада и «попытка поставить Россию на колени». При этом он также заявил, что нынешняя проблема далека от той, которая была в 2008 г., когда начался международный экономический кризис

[15]. К концу «черного вторника» появилась информация о возможной отставке правительства. Эти сообщения впоследствии опроверг пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Он признал «турбулентность на рынке», но отметил, что виноваты в этом «эмоции и спекулятивные настроения» [16]. В целом же к концу дня в СМИ стали появляться материалы, которые предположительно были нацелены на снижение негативного информационного фона. Так, журналисты «Комсомольской правды» опубликовали материал, в котором глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев заявил, что «нынешний курс рубля не соответствует его реальности стоимости», и призвал «хранить сбережения в той валюте, в какой хранили раньше» [17]. Несмотря на успокаивающую риторику, тенденция в освещении нового экономического кризиса, сформированная журналистами в «черный вторник», сохранилась и в последующие дни. 17 декабря в материале «Остановись, рубль, я сойду?» автор отразил настроения в обменных пунктах Татарстана и отметил нервозность потребителей банковских услуг и изумление от случившегося: «Доллар видела сколько стоит? — нервно вопрошает в трубку мужчина. — Что делать-то, а? Что делать». Этот вопрос, подводит итог автор, «уже у всех если не на устах, то в голове точно» [18]. Вечером журналисты опубликовали материал «Татарстанцы начали штурмовать банки!» [19]. Под так называемым «кричащим» заголовком скрывался текст, главная мысль которого заключалась лишь в том, что из-за обвала рубля жители Татарстана стали чаще обращаться за кредитом в банки. Следом журналисты опубликовали материал о том, как жители Перми скупили в банках почти всю иностранную валюту [20], а также интервью с экс-главой Центробанка Сергеем Дубининым, в котором он рекомендовал не покупать доллары и евро, так как ситуация еще может измениться [21]. Кроме того, «Комсомольская правда» опубликовала интервью с профессором Высшей школы экономики Леонидом Григорьевым, в котором он уверял, что дефолт России не грозит и что в сложившейся ситуации виноваты санкции, спекулянты, а также колебания цены на нефть [22]. После этого журналисты «Комсомольской правды» стали реже публиковать материалы о панических настроениях в обществе. Вышли материалы «Петербуржцы сбрасывают валюту в банках», «Официально: банковские карты блокировать не будут», «Брянские банкоматы: деньги есть, очередей нет». В то же время главными виновниками произошедшего по-прежнему называются «силы извне», а Россия изображается как жертва агрессии «финансовых империалистов», которые устроили искусственное обесценивание рубля. Отметим, что при этом журналисты продолжали убеждать читателей, что приобретать зарубежную валюту вредно: «Скоро налоги платить в рублях, а эти паникеры доллары покупают» [23]. С этого момента и до 31 декабря 2014 г. на страницах газеты «Комсомольская правда» сохраняется «успокаивающая риторика», в которой преобладают лексемы, развивающие тему устойчивости российской экономики. Всякий раз, когда курс доллара или евро снижается, журналисты пишут о том, что вклады россиян будут застрахованы государством, что Сбербанк повысил ставки по вкладам и что «период ослабления рубля завершен» [24]. Последний тезис выносится в заголовки сразу двух различных материалов.

Изучение данных публикаций позволяет понять, что главной причиной обесценивания рубля корреспонденты «Комсомольской правды» называли «снижение цен на нефть». С 16 декабря 2014 г. по 31 января 2015 г. эта причина упоминается 86 раз (28,7 %). На втором месте — санкции стран Запада, введенные против России. Их упоминают 73 раза (24,6 %). На третьем месте — ошибки властей (49 раз, или 16,4 %), на четвертом — спекулятивные настроения (37 раз, или 12,3 %), на пятом — заговор Америки и саудитов против России (26 раз, или 8,2 %). Плохой уровень экономического управления на шестом месте — 24 раза (8,2 %).

Таким образом, причины обвала национальной валюты, отмеченные журналистами «Комсомольской правды», можно разделить на внутренние и внешние.

В материалах, вышедших с 16 декабря 2014 г. по 31 декабря 2014 г., в 73 % случаев причинами российского финансово-экономического кризиса журналисты называли внешние факторы: «снижение цен на нефть» и «санкции стран Запада, введенные против России». Однако начиная с 1 января 2015 г. журналисты начали чаще называть причиной обесценивания рубля внутренние факторы: «ошибки властей», «спекулятивные настроения», «плохой уровень экономического управления». Их упоминают в 57 % случаев.

Один из первых материалов 2015 г. — «Банки отклоняют 95 % заявок на кредиты» [25] — сообщал, что из-за повышения ключевой ставки Центробанк брать кредиты сейчас невыгодно для самих заемщиков и лучше сберегать деньги, чем брать их в долг с целью потребления. Новости об очередном понижении курса рубля стали появляться едва ли не каждый день, а количество комментариев от представителей российской власти, в которых те бы старались убедить граждан, что проблема не настолько серьезна, как кажется, сократилось. Напротив, корреспонденты «Комсомольской правды» стали чаще публиковать комментарии экспертов, объяснявших, насколько глубоко падение российской экономики. 14 января 2015 г. вышло интервью доктора экономических наук Михаила Делягина, в котором он уверял, что комментарии чиновников про санкции как основную причину кризиса не что иное, как попытка прикрасить «самоубийственную политику Банка России» [26]. Вслед за этим со страниц газеты «Комсомольская правда» выступил доктор экономических наук, профессор Никита Кричевский, который также отметил, что причина ослабления рубля кроется внутри России. В тексте он призывал граждан делать сбережения и покупать иностранную валюту [27].

Проанализировав репортажи корреспондентов «Комсомольской правды» из пунктов обмена валюты, можно выделить следующие настроения среди клиентов банков. 16 декабря авторы рассказывали: 1) о стремлении купить иностранную валюту в максимально большом количестве; 2) об отсутствии надежды на то, что рубль укрепит свои позиции; 3) о нервозности.

Однако начиная со следующего дня, 17 декабря, и вплоть до 31 декабря риторика поменялась. Авторы стали отмечать: 1) отсутствие ажиотажа; 2) отсутствие очередей; 3) отсутствие нервозности.

Но уже 1 января журналисты возвратились к прежней риторике. Появляются тексты с заголовками «Люди начали штурмовать банки!», «В банках скупили почти всю иностранную валюту».

Какие советы давала потребителям банковских услуг газета «Комсомольская правда» в эти дни?

В «черный вторник» 16 декабря 2014 г., когда курс рубля менялся едва ли не каждую минуту, в 59 % случаев издание рекомендовало «купить доллары либо евро», пока они не подорожали еще больше. Начиная с 17 декабря 2014 г. и до 31 декабря 2014 г., напротив, в 71 % случаев издание рекомендовало не рисковать, скупая иностранную валюту, так как принятые властями меры по укреплению позиции рубля вскоре сыграют не в пользу тех, кто поспешил вложиться в иностранную валюту. Однако с 1 января и до 31 января 2015 г. риторика опять сменилась. На страницах «Комсомольской правды» стали чаще появляться материалы, объясняющие читателям, насколько глубоко падение российской экономики. В 57 % случаев издание советовало гражданам делать сбережения и покупать иностранную валюту.

Для более точного определения реакции аудитории «Комсомольской правды» на статьи о российском финансово-экономическом кризисе был проведен контент-анализ 3 тыс. откликов читателей, опубликованных на сайте газеты «Комсомольская правда». Так, в декабре 2014 г. 65 % читателей были уверены, что страна движется в правильном направлении, а 27 % читателей полагали, что страна движется по неверному пути. В январе количество первых сократилось до 55 %. Количество же тех, кто думал, что страна движется по неверному пути, в январе осталось прежним — 29 %. Кроме того, в декабре 41 % читателей предпочитали снять деньги с банковских счетов и хранить их дома. В январе их количество увеличилось до 47 %.

Подводя итог, следует отметить, что информационное сопровождение российского финансово-экономического кризиса, даваемое газетой «Комсомольская правда», обусловлено несколькими факторами:

1. Комментаторами новостей очень быстро стали представители органов управления, заинтересованные в том или ином развитии ситуации. Начиная с 16 декабря 2014 г. резко возросло количество информационных материалов, в заголовках которых находились отсылки к представителям экономической элиты. Если раньше читатели газеты «Комсомольская правда» вряд ли могли назвать главу Минэкономразвития Алексея Улюкаева или председателя Центрального банка России Эльвиру Набиуллину, то после «черного вторника» вероятность правильного ответа увеличилась. Стоит подчеркнуть, что в своих выступлениях указанные спикеры придерживались лексем, развивающих тему непоколебимости российской экономики.

2. Оказалось заметным существенное повышение роли представителей экономической элиты, которые не могли влиять на ситуацию в стране напрямую, но привлекали к себе внимание в качестве так называемых «финансовых гуру». В качестве примера можно привести экс-премьера России Сергея Степашина, экс-главу Центробанка Сергея Дубинина и докторов экономических наук Михаила Делягина и Никиту Кричевского, чьи комментарии журналисты газеты «Комсомольская правда» стали публиковать на страницах издания. В их выступлениях и комментариях преобладали лексемы, развивающие тему упадка российской экономики.

3. Станет ли событие новостью, зависело от того, является ли оно негативным, т. е. можно ли его описать с использованием лексем, развивающих тему *упадка* экономики. Установка журналистов на то, что такие материалы интересуют большое количество читателей, приводит к преобладанию негативных публикаций вопреки реальности. Таким образом, СМИ провоцируют деструктивное поведение населения. В декабре, когда произошло падения курса национальной валюты, журналисты пытались сгладить тревожные настроения в обществе. Однако уже в январе они, напротив, стали «подливать масла в огонь», увеличивая посещаемость своего сайта. Это, в свою очередь, привело к тому, что индекс потребительского доверия и индекс кредитного доверия в обществе уменьшились. Это подтверждается данными ВЦИОМа. Так, индекс потребительского доверия в стране в сентябре 2014 г. составлял 44 %. В декабре он уже опустился до отметки в 36 %, а в январе — до 30 %. Еще большее падение показал индекс кредитного доверия. В сентябре 2014 г. он составлял 34 %, в декабре — уже 27 %, в январе — 20 % [28].

Таким образом, влияние СМИ на поведение потребителей банковских услуг в период обвального падения национальной валюты происходит за счет развития одной из двух доминантных тем, описывающих ситуацию с противоположных точек зрения, путем подбора соответствующих лексем и формирования круга спикеров. При этом журналисты вынуждены сохранять баланс между задачей действовать согласно позиции государства, стремящегося снизить уровень беспокойства в обществе, и собственными коммерческими интересами, заключающимися в отработке той картины происходящего, которая привлекает большее внимание читательской аудитории.

Список электронных источников

1. URL: <http://top.rbc.ru/finances/16/12/2014/548f58d72ae5966d31a64d76> (дата обращения: 30.03.2015).
2. URL: <http://ria.ru/economy/20141216/1038531468.html> (дата обращения: 29.03.2015)
3. URL: <http://rusnovosti.ru/posts/357790> (дата обращения: 03.03.2015).
4. URL: <http://www.newsru.com/finance/16sep2008/correction.html> (дата обращения: 14.02.2015).
5. URL: <http://advert.kp.ru/kp/2153/2157/4236> (дата обращения: 16.02.2015).
6. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3200427/> (дата обращения: 14.02.2015).
7. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3200816/> (дата обращения: 11.02.2015).
8. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3200818/> (дата обращения: 30.03.2015).
9. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3200842/> (дата обращения: 30.03.2015).
10. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3200961/> (дата обращения: 28.03.2015).
11. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3201120/> (дата обращения: 25.03.2015).
12. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3201125/> (дата обращения: 21.03.2015).
13. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26322.3/3200984/> (дата обращения: 19.03.2015).
14. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3200989/> (дата обращения: 30.03.2015).
15. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3201111/> (дата обращения: 30.03.2015).
16. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3201183/> (дата обращения: 26.01.2015).
17. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26320/3201219/> (дата обращения: 17.03.2015).
18. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3201264/> (дата обращения: 4.03.2015).
19. URL: <http://www.ural.kp.ru/online/news/1926977/> (дата обращения: 30.01.2015).

20. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3201940/> (дата обращения: 10.03.2015).
21. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3201902/> (дата обращения: 27.03.2015).
22. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26321/3202045/> (дата обращения: 12.03.2015).
23. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26322/3203088/> (дата обращения: 18.03.2015).
24. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26325.4/3206674/> (дата обращения: 11.03.2015).
25. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26325/3210216/> (дата обращения: 7.03.2015).
26. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26327/3211670/> (дата обращения: 20.03.2015).
27. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26329/3212847/> (дата обращения: 14.03.2015).
28. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115245> (дата обращения: 18.05.2015).

Статья поступила в редакцию 30.09.2015 г.

Восточный меридиан

В марте 2015 г. мне довелось побывать в Монголии по приглашению Школы журналистики, действующей под эгидой международного Института прессы. Школа — это небольшой вуз, который находится в главном городе страны — Улан-Баторе и занимается подготовкой студентов-бакалавров по специальности «Журналистика».

Мы много общались с преподавателями этого учебного заведения: часами обсуждали вопросы подготовки журналистских кадров, сравнивали, что делается в этом отношении в Монголии и России. Точек соприкосновения в таких беседах было немало. Многие монгольские коллеги учились в нашей стране, им далеко не безразлично, что сегодня происходит здесь в политике, социальной жизни и, конечно, в системе журналистского образования. Думается, именно поэтому они охотно откликнулись на мое предложение выступить перед студентами своего вуза по вопросам теории и практики СМИ. И преподаватели, и сами студенты оказались очень заинтересованными в таких встречах.

Семинары, к слову, были организованы не только в Школе журналистики. Сегодня в столице Монголии во многих университетах готовят журналистские кадры. В них ощущается ярко выраженная потребность в связи с динамичным развитием СМИ этой страны.

Что мы знаем о монгольских СМИ? Практически ничего. Между тем в стране с населением в 3 млн человек, где первая газета появилась лишь в 1913 г., ныне действует свыше 500(!) различных периодических изданий, радио- и телекомпаний. Монголия по числу СМИ на миллион жителей, уровню свободы слова и степени журналистской критичности в отношении различных органов власти давно уже «переплюнула» Россию. Сегодня эта страна представляет для нас любопытный и очень показательный пример того, как можно следовать своим духовным традициям и одновременно выйти за рамки привычной, восточной, субординации между властью и обществом. Монгольские СМИ за последние годы действительно стали чутким барометром своего общества.

...Во время моего недельного пребывания в Монголии мы договорились с университетскими коллегами о возможностях научного сотрудничества. Статьи, публикуемые сегодня, — стали первыми ласточками этого сотрудничества.

Может показаться странным, что одна из публикаций посвящена не медиа, а литературному процессу в Монголии. Но это определяется, прежде всего, сложившимся процессом обучения на здешних факультетах журналистики. Значительный объем учебного плана занимает национальная литература, и многие преподаватели журналистских дисциплин — это филологи. Так было долгие годы и в нашей стране, но в Монголии эта традиция продолжает жить, развиваться, и сбрасывать ее со счетов — значит, игнорировать национальные особенности журналистского образования. Готовя к публикации статью Д. Батжаргала, я попытался литературно обработать монгольские стихи, которые были представлены в подстрочнике.

Д. Л. Стровский,
профессор департамента «Факультет журналистики»
Уральского федерального университета

УДК 821.512.3-31 + 087.5 + 94(100)“1939/45”

Д. Батжаргал

ЭПОС КАК ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СТИХОТВОРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛИИ (на примере творчества для детей и юношества)

Предмет исследования автора — монгольская литература второй половины XX в. В этот период в Монголии появилось немало произведений, посвященных теме Великой Отечественной войны и написанных в жанре эпоса. Автор анализирует наиболее известные из них, получившие отклик монгольской критики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: монгольская литература; поэма; Великая Отечественная война; битва на Халхин-Голе.

На холме Зайсан, что на окраине Улан-Батора, находится мемориальный комплекс, посвященный воинам Советской армии. Открытый более полувека назад, он стал одной из достопримечательностей столицы, сюда на экскурсию приходят не только иностранцы, гости города, но и многие местные жители. При подходе к монументальному ансамблю видишь выгравированные слова, которые можно перевести на монгольский язык так: «Увековечено на небесах вместе с солнцем, а на земле с огнем». В эмоциональном отношении это очень сильная фраза: так монголы говорят исключительно о близких людях, память о которых они непременно хотят сохранить. Автор приведенных слов — писатель и поэт Д. Пурэвдорж, удостоенный в 1990-е гг. государственной премии за свое поэтическое творчество.

БАТЖАРГАЛ Долгор — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературы и искусств факультета гуманитарных наук Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия (e-mail: Batjargal_70@yahoo.com).

© Батжаргал Д., 2016

Поэма Пурэвдоржа «Черный снег» («Хар цас») была признана в Монголии лучшим литературным произведением на тему Великой Отечественной войны, адресованным детям и юношеству.

Те события, косвенно затронувшие и нашу страну, запечатлели в художественных формах многие монгольские деятели культуры — писатели, журналисты, композиторы. Это можно объяснить в первую очередь тем, что советско-монгольские отношения всегда были важными не только для официальной Монголии, но и всех наших людей. Мы традиционно ценим все, что связано с жизнью Советского Союза, современной России, прежде всего потому, что наш северный сосед нередко помогал и продолжает помогать нам, монголам, в трудных для нашей страны ситуациях. Сегодня, когда «официальный патриотизм» уходит в прошлое, тема дружбы может восприниматься как штамп. Но только не по отношению к России. И, конечно, тема Великой Отечественной войны также никогда не станет обыденной и заезженной для различных поколений монголов.

По прошествии многих лет нам особенно интересны художественные произведения о войне, созданные в необычной форме. Есть среди них те, что написаны в эпической манере повествования. Как известно, в таких произведениях реальность переплетена с вымыслом, герои поэтизируются, иногда даже теряют подлинно исторические очертания. Все это делается для определенной идеализации смысла сказанного и вместе с тем с целью усиления смысловых и эмоциональных форм отображения действительности.

Использование различных содержательных проявлений эпоса традиционно является важной смысловой чертой монгольской культуры, получившей мощное развитие в XX в. Примечательно, что в последние десятилетия интерес к эпосу не снизился ни в самой писательской среде, ни у читателей. Во многом это связано с менталитетом монголов, которые, с одной стороны, неспешны в повседневной жизни, а с другой — самым серьезным образом ориентированы на свои духовные корни, традиции, в том числе и в сфере художественного слова. Отсюда образы многих современных героев как бы переплетены с образами тех, кто жил много веков назад.

***

Среди авторов, проявивших себя в форме эпического повествования во второй половине XX в., мы вправе назвать имя Ч. Лхамсурэна. Его перу принадлежит, в частности, «Сказка о том, как богатырь Болдбаатара победил злого врага» («Эийн сайн эрэлхэг Болдбаатар хамгийг залгигч хар мангасыг дарсны улгэр»). Язык, формы отображения действительности и композиция этого произведения напоминают народную сказку или былинку. Но былинку, не оторванную от реальности, не утратившую привычных обычному человеку «картинок». Вот и богатырь Болдбаатар, главный герой «Сказки», — это не кто иной, как советский воин. Ему противостоит темная сила в лице другого богатыря по имени Мангас, который многими своими чертами похож на представителя фашистского режима, причиняющего окружающим боль и страдания.

На ногах холодное оружие,
И в руках жестокое оружие,
Внешне он похож на человека,
Но с клыками, острыми, как бритва.

*(Хөлдөө хүйтэн зэвсгийн хумстай,
Гартаа галт зэвсгийн хумстай,
Амандаа нохой дөрвөн соёотой,
Араатны шинжтэй, хүн дүрстэй.)*

Эти слова в эпической манере призваны подчеркнуть опасность, исходящую от фашистского режима [2, 29]. А что же Болдбаатар? Он полный антипод Мангасу и представляет собой исключительно честного и доброго человека, готового бороться за мир и за равноправие во всем мире. Его образ поэтизируется, наполняется приподнятым содержанием.

Сильнее льва он, и быстрее стрелы он,
Он крепче камня, тверже он, чем кремь,
Он богатырь, и он пришел на помощь...

*(Дайн байлдаанаар төрж байгаагүй
Дархан цолтой өргөн нэртэй
Дайчин сүртэй баатар юмсанжээ...)*

Форма традиционного монгольского стиха, используемая Ч. Лхамсурэнгом, помогает автору избежать долгих объяснений происходящего. Автор мог бы воспроизвести тот мир документально, но он сознательно выбрал именно иносказательную форму повествования — понятную монголам с детства. Вместо прямых коннотаций, таких как немец, Германия, армия, фронт и фашизм, в «Сказке» используются различные образы. Например, собирательный образ врага идентифицируется со словом «гора», а отдельные его представители — со словом «лев». Эта лексика понятна детям младшего возраста, которым и адресована поэма.

Болдбаатар делает все, чтобы в мире наконец-то наступила спокойная жизнь.

Он подвиг совершил, наш славный Болд,
И в честь него слагаем наши песни.
Его солдатам честь, и кров, и стол,
И подвиг этот вписан в мир чудесный.

*(Болд жанжны алдар бадарч
Буман баатрын сүр мандав
Харгис мангасын сүрэг сөнөж
Хамаг ардын жаргал батжив.)*

Перед глазами читателя разворачивается романтизированная картина. Кажется, что она имеет мало общего с реальностью. Однако основная ценность этого объемного произведения в том, что автор с помощью былинных образов, известных каждому монголу еще с детских лет, описывает испытания, выпавшие

на долю СССР и Монголии в военные годы, что делает эти события понятными даже самым маленьким читателям.

Имя Ч. Лхамсурэна известно в Монголии не только благодаря эпическим произведениям. Он автор вполне реалистичного рассказа «Мальчик по имени Саша».

...По пути из партизанского отряда домой Саша встречает раненого советского солдата, который умирает на руках мальчика. Саша берет оружие этого человека, чтобы отомстить врагам за свою погибшую семью. Рассказ завершается трагически: мальчик погибает в бою.

С позиций сегодняшнего дня сюжет рассказа может показаться не слишком оригинальным, однако не будем забывать, что тема Великой Отечественной войны всегда была сложной для монгольской литературы и журналистики, главным образом по причине оторванности описываемых событий от повседневной жизни нашего народа. Это, кстати, также немало способствовало расцвету жанра традиционного эпоса уже в новых условиях развития литературного процесса в Монголии. Именно эпос, а не другой литературный жанр, стал доминирующим во многих направлениях нашей национальной культуры.

В произведениях Ч. Лхамсурэна тема маленького человека на войне остается, без преувеличения, сквозной. Ей посвящена и поэма «Черный снег» («Хар цас»), получившая высокую оценку в литературной критике [1, 123]. Здесь, как и в «Сказке о том, как богатырь Болдбаатара победил злого врага», активно используются элементы народного устного сказания, а также пословицы и поговорки. При этом, в отличие от «Сказки», само произведение более реалистично. Характерно в этом отношении уже его начало:

Нас было тридцать человек,
И жизнь одна на всех.
Вот дом родной, и мать с отцом...
И редко слышен смех.
Нам, пацанам, по восемь лет.
Холодная зима.
Степь. Стужа. Хлеба больше нет.
Война идет. Война.

*(Гучуулаа бид гучин ээждээ
Гучуулаа бид гучин аавтай
Гучуулаа дөчин нэгэн онд
Гучуулаа дөнгөж найман насандаа
Сурагчийн цүнхийг хоёрдугаар дайнтай
Сургууль руугаа үүрч явлаа...)*

В поэме говорится о том, как у монгольских детей была отобрана мирная жизнь и как повлияла война на их судьбы [4, 229]. Монголия оставалась в эти годы верным союзником СССР. Наш народ собирал средства, на которые затем была укомплектована танковая колонна, собраны боевые самолеты. Кроме того, из Монголии несколько раз отправляли в Советский Союз продукты питания и теплую одежду. Об этом тоже в поэтической форме рассказывается в поэме «Черный снег».

В поэме часто используются художественно-описательные приемы:

Война. И накалилась воля,
И чувства, будто кипятки,
Вдруг резко поменялись роли,
И задрожал в руке листок.
Мы пули лили и снаряды
Из огнедышащей руды,
Чтобы жилось несладко гадам,
Пришедшим из чужой орды.

*(Дайн дайндаа энэ дайнд
Далай бараг буцалсан биш үү
Хоёрдугаар зууны бүх төмрөөр
Хоёрдугаар дайн буудсан биш үү...)*

Тема дружбы монголов и советских людей в годы Великой Отечественной войны на протяжении второй половины XX в. оставалась одной из самых востребованных в монгольской литературе, она воплощалась в произведениях различных жанров. Можно вспомнить, например, рассказ Ц. Дамдинсурэна «Оба моих сына» («Хоёулаа миний хүү»), который в свое время стал одним из самых обсуждаемых в школах, на читательских конференциях. Мать, живущая в деревне, получает письмо от единственного сына, который находится на фронте. К письму приложена фотография, на ней сын рядом с русским солдатом, который спас ему жизнь. Мать показывает фотографию соседям, говоря при этом, что отныне у нее два сына...

Признавая значимость произведений о Великой Отечественной, созданных в разных жанрах, стоит вместе с тем подчеркнуть вклад монголов в общекультурную мировую копилку именно за счет эпоса. Еще одним очень известным произведением, написанным в духе традиционного монгольского стиха, стало стихотворение «Эпос о 91 богатыре» Ш. Лхагвасурэна, включенное в учебную программу средних школ Монголии. В нем, кстати, упоминается удаленный от нашей границы Свердловск, что может быть особенно интересным для краеведов и историков города.

...Идя с отцом по улицам Свердловска,
Мальчишка продолжал смотреть на небо,
Мечтая, вероятно, о походах.
...И парень, очень любящий подругу,
Спешил на севастопольский причал.
И представлял себя в военной форме,
И с кортиком морским, чтоб защищать
Страну, в которой прожил он с рожденья,
Страну, которой больше в мире нет,
Где день и ночь встают одновременно.

*(Свердловскийн гудамжаар аавтайгаа хэтлөлцөөд
Сэргэлэн оддын учрыг асууж явсан орос хүү)*

*Севастопольийн цэцэрлэгт амрагтайгаа болзоод
Сэтгэл шигээ цагаахан алчуур солилцсон хархүү
Цэрэг шинель өмсөж газрын хол туулахдаа
Цэцэн буу мөрөвчилж алс дорныг зорихдоо
Цэнхэр униарт талын наран мандах зүг үрүү
Цэлмэг тэнгэр шиг нүдээр насандаа мартахгүй ширтсэн юм.)*

Эпос на тему дружбы между нашими народами в годы войны получил развитие не только в стихах, но и в песнях. В качестве примера сошлемся на песню, сочиненную на стихи Чойжилийна Чимида, «Памятник советскому солдату» («Зөвлөлтийн дайчны хөшөө»). Песня давно стала популярной в Монголии. Есть в ней такие строки:

*Погибшим в той войне нет двадцати...
Лежащим на полях нет двадцати...
Холодный камень, мерзлая земля,
Но солнце наши осветит поля!*

*(Хорь хүрэлгүй зарим нь үрэгдэвч
Хотол олон ах нар гэдэг юм
Гэрэлт хөшөөний нь хүйтэн чулуу
Гэгээн наранд бүлээн байдаг юм.)*

Эта песню и по сей день исполняют на многих концертах. Не менее известно в Монголии и другое произведение Ч. Чимида — «Песня о храбром воине» («Дайчин нөхрийн тухай»).

*...Ты брал свой меч, чтоб защитить других,
Чтоб принести весну другим народам,
И даже ветер понимал тебя,
Когда он разносил удары грома
По странам дальним или континентам.
И в звуках этих слышалась победа...
Где ты теперь, мой верный фронтовик,
И не забыл ли цвет своей шинели?..*

*(...Эргүүлж явсан сэлэмнээс нь
Энхийн салхи сэнгэсэн юм
Энхийн салхины тэр аясаар
Мөнхийн тэнгэр цэлмэсэн юм
Саарал шинелиэ тайлаагүй
Буурал найз минь хаа явна аа...)*

Никакой даже самый профессиональный перевод не в состоянии отразить тонкости национального стихосложения. Не всегда в полной мере оказывается понятной и поэтика, выраженная в эпической форме. Вместе с тем она дает возможность лучше представить многообразие способов и форм, существующих в литературе разных стран. Это важно сегодня, когда мы все больше задумываемся о духовном своеобразии больших и малых народов, их вкладе в мировую культурную копилку.

Поэтическое искусство Монголии, возможно, может показаться «любительским» и поэтому не заслуживающим серьезного внимания, и уж тем более профессионально-критического восприятия. На самом деле это не так. Монгольский эпос уникален для мировой литературы, он прошел разные этапы своего развития. Важно, однако, подчеркнуть, что эпос по-прежнему востребован в нашей национальной литературе, он по-прежнему отображает жизнь, будь то исторические или современные реалии. Стихи на тему Великой Отечественной войны — яркое тому подтверждение. Войдя в школьные и университетские программы, они формируют связь между прошлым и настоящим, приобщая людей к культуре Монголии и позволяя лучше понять дух нашего народа.

1. Батжаргал Д. Как написать стихотворение? (Яаж шулэг бичих вэ?). Улан-Батор, 2005.
2. Батжаргал Д. Актуальные проблемы мастерства детской литературы (Хүүхдийн яруу найргийн уран чадварын зарим асуудал). Улан-Батор, 2011.
3. Оюунбадрах Д. Детская литература Монголии (Монголын хүүхдийн уран зохиол. Гутгаар дэвтэр). Улан-Батор, 2010. Т. 3.
4. Толковый словарь монгольской детской литературы (Монголын хүүхэд залуучуудын уран зохиолын дээж). Улан-Батор, 2007. Т. 3.

Статья поступила в редакцию 22.11.2015 г.

УДК 070.22:81'42(517.3) + 327(510) +327(470)

М. Ганхуу

ВОСПРИЯТИЕ КИТАЯ И РОССИИ ПРЕССОЙ МОНГОЛИИ: НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

На основе теории дискурс-анализа рассматривается отношение монгольской общественно-политической прессы к Китаю и России. Автор сосредоточивает основное внимание на содержании заголовков ведущих газет Монголии в 2000 и 2010 гг. Сделаны выводы относительно как общих приоритетов содержательной политики этих изданий, так и их отношения к соседним странам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс-анализ; общественно-политическая пресса; заголовок; Китай; Россия.

Отправной точкой разработки данной темы стала теория дискурс-анализа, разработанная исследователями Амстердамского университета еще в 1990-х гг. В соответствии с ней дискурс-анализ в сфере СМИ предполагает не просто восприятие тех или иных медиапубликаций. Важнейшей составляющей дискурс-анализа становится выявление различных форм духовного и интеллектуального

господства одних субъектов над другими, неравноправия и дискриминации в системе социально-политических и иных отношений. СМИ в данном случае воспринимаются как важный источник передачи соответствующей информации, способный влиять на общественное мнение.

Первые попытки изучения теории медиадискурса были сделаны еще в первой половине 1950-х гг. представителями Франкфуртской школы социологических исследований Б. Аггером и Д. Расмуссеном, сосредоточившими внимание на стилистических особенностях политически ориентированного текста. Их интересовало в первую очередь построение текстовых конструкций как одного из основных условий воздействия на сознание аудитории [1, 11]. Эта исследовательская традиция продолжилась уже в 1970–1980-е гг., в частности в работах Р. Фаулера, Б. Ходжа и др., а также Дж. Мэя, сосредоточивших внимание на влиянии текстовых конструкций на общий «психологический фон» общества [5, 8]. Названные исследователи, как и те, кто изучал СМИ уже в 1980–1990 гг. — Б. Фэй [4], Дж. Томас [13], С. Калхаун [2], Дж. Туркель [14], Р. Сингх [12], Д. Фокс и Р. Прилелтенски [6] и Т. Ибанез и Л. Илнекез [7], осознавали, что само общество не является однородным, статичным, и поэтому рассматривали влияние медиадискурса применительно к различным аудиторным группам. Вместе с тем замеры общественной реакции на политические явления после появления тех или иных публикаций обнаруживали, что повседневная реакция граждан зависит от критичности материалов СМИ. Тем самым утверждалось, что СМИ в состоянии менять первоначальные установки людей и являются полноценными субъектами социально-политических отношений. Конечно, поведение людей не всегда зависит лишь от политической направленности массовой информации, на него влияет множество самых различных факторов, однако СМИ ввиду масштабности их воздействия в данном случае более сильно влияют на массовое сознание.

По справедливому утверждению Н. Фэрклафа [3], критический дискурс-анализ медиасферы предполагает восприятие текста на трех уровнях. Во-первых, на уровне понимания обыденного смысла излагаемой информации; во-вторых, на основе выстраивания связей между текстом и окружающей жизнью; в-третьих, применительно к глобальному восприятию текста, т. е. к соотношению его с социально-политическими процессами, удаленными от описываемой ситуации.

В рамках целостного познания дискурс-анализ нацелен также на изучение того, какое влияние испытывают СМИ со стороны органов государственной власти, как определяются их полномочия на различных уровнях регулирования государственных или общественных отношений [9, 10]. Посредством исследования разнообразия языковых приемов дискурс-анализ позволяет выявить опорные «точки», влияющие на государственную политику той или иной страны.

Исходя из сказанного выше, мы приступаем к исследованию обозначенной темы. Вместе с тем наше внимание сосредоточено не на медиатекстах в целом, но главным образом на их заголовках. В этом, на наш взгляд, нет сужения дискурсивного контекста. Заголовок, во-первых, является важнейшим содержательным элементом любой публикации, призванным отразить ее целостное смысловое начало. Во-вторых, он во многих случаях отражает особенности национального

менталитета, что позволяет сделать выводы не только о позиции того или иного СМИ, но и мировоззренческих приоритетах его читательской аудитории. В-третьих, заголовок зачастую несет в себе эмоциональный заряд, существенно дополняющий понимание автором сути происходящего, определяющий первоначальное воздействие текста на аудиторию, стимулирующий или ограничивающий его прочтение и окончательное восприятие.

Для обоснования роли заголовка в развитии обозначенной нами темы мы исследовали содержание пяти ведущих монгольских газет, таких как «Удрийн сонин» («Дневная газета»), «Унуудур» («Сегодня»), «Зууны мэдээ» («Новости века»), «Монголын унэн» («Монгольская правда») и «Углууний сонин» («Утренняя газета»). Все эти печатные СМИ издаются в монгольской столице — Улан-Баторе, но распространяются по всей стране. Названные газеты относятся к числу общественно-политических и тяготеют к качественной периодике.

Авторские выводы сделаны на основе изучения 135 заголовков редакционных статей. В 72 публикациях анализировалась тема России, в 63 — тема Китая. Компаративный (сравнительный) анализ, используемый исследователями в Монголии, чаще всего строится на сопоставлении эмпирического материала, разделенного десятилетиями. В данном случае автор не отошел от общепринятого подхода, сравнивая газетные публикации за сентябрь и октябрь 2000 и 2010 гг.

Содержательные особенности заголовков

Как показывает наше исследование, монгольская пресса как в 2000, так и в 2010 гг. воспринимала Китай преимущественно «в двух измерениях». С одной стороны, во многих заголовках газет обращалось внимание на активное развитие в этой стране экономики, финансовой сферы, научно-технического прогресса, а с другой — отражались различные проблемы китайского общества, и в частности китайская преступность. В 2010 г. это восприятие китайской действительности претерпело заметные изменения. Так, в пяти названных изданиях увеличилось общее число публикаций, связанных с экономической темой. Но монгольская пресса сузила свой взгляд на нее, начав больше писать об экономическом доминировании Китая над Монголией. Суть проблемы, поднимаемой в отмеченных печатных СМИ, свелась к тому, что Китай «эксплуатирует» экономику Монголии, стремясь вывозить с ее территории полезные ископаемые (как отмечала пресса, под предлогом того, что многие предприятия в нашей стране контролируются китайскими бизнесменами и предпринимателями).

Закономерно поэтому, что многие газетные заголовки на «китайскую тему» были негативно окрашенными, более того, в 2010 г. число таких заголовков возросло. Важно подчеркнуть: и в 2000 г., и спустя десять лет монгольские СМИ воспринимали китайскую действительность не отстраненно, а чрезвычайно эмоционально, активно вовлекая аудиторию в обсуждение многих вопросов. Это в известной мере достигалось использованием таких заголовков, как «Китай облапошил...», «Китай ведет себя странно» и т. д. Очевидно, что у аудитории мгновенно возникало негативное отношение к описываемым фактам и явлениям.

Содержание заголовков подтверждало, что монгольская пресса на протяжении всего десятилетия продолжала воспринимать Китай как «проблемную» территорию. Примерами могут служить такие заголовки, как «В КНР казнили...» или «Китай испытал ядерное оружие». Интересно, что время от времени они могли дословно повторяться в прессе.

С одной стороны, мы видим в этих и подобных им заголовках фиксирование фактов, имевших прямое отношение к реальности, но с другой — частое варьирование таких заголовков знаменует собой неприкрыто критичное отношение к Китаю. Сопоставляя заголовки, представленные с разницей в десять лет, можно утверждать, что монгольская пресса все это время воспринимала Китай с определенной долей скепсиса, а при таком восприятии затруднительно строить долгосрочные политические и экономические отношения. И это притом, что монгольская экономика действительно в серьезной мере зависит от экономических действий соседней страны.

Негативно окрашенные заголовки в статьях о Китае, часто встречавшиеся в нашей прессе, во многом можно объяснить историческими особенностями формирования внешнеполитических и внешнеэкономических отношений двух стран.

С одной стороны, в Монголии всегда принимали во внимание огромный экономический потенциал Китая и те возможности, которые сулит соседство с этой страной. С другой стороны, и сам потенциал, и значительное по численности население Китая (на фоне населения Монголии, которое только недавно достигло трехмиллионной отметки) вызывали беспокойство у монголов. Более того, неоднократные исследования самой аудитории (безотносительно к ситуации в СМИ) подтверждали, что отношение монголов разных поколений к Китаю является сдержанным. В условиях дискомфорта любой субъект нередко стремится улучшить свое психологическое состояние посредством распространения о другом субъекте негативно окрашенной или проблемной информации. Тем самым происходит упрочение одних содержательных смыслов в ущерб другим. Данный подход отмечался и в монгольской прессе, что отчетливо подтверждает невозможность СМИ оставаться нейтральными и их желание формировать информационное воздействие по принципу «свой — чужой».

На этом фоне отношение к России в тех же газетах было существенно иным. Большинство заголовков не касалось политических и экономических проблем, существующих в самой России (о которых монгольские журналисты были, конечно, осведомлены), но носило преимущественно нейтральный характер. При этом сам набор освещаемых вопросов качественно различался по сравнению с вопросами, поднимаемыми в отношении Китая. Наиболее часто освещались различные аспекты экономического сотрудничества с Россией, взаимные визиты официальных делегаций (причем не только из Москвы и Улан-Батора, но и приграничных областей), достижения российских спортсменов и деятелей культуры и т. д. Одновременно монгольская пресса и в 2000, и в 2010 гг. предпочитала не касаться проблемных тем в жизни России, о которых сообщали многие зарубежные СМИ (таких как, например, выстраивание Кремлем властной вертикали, ограничение демократии, нарушения российского законодательства и ряд

других). Очевидно, что на фоне развития собственно российско-монгольских отношений остальные темы, касающиеся России, были для монгольской прессы не столь важными. По мнению автора, такой подход определялся традиционно позитивным отношением монгольского народа к России, сформированным исторически, на протяжении всего XX в., что во многом нивелировало негативное восприятие. Нельзя утверждать, будто критических оценок в отношении России в монгольской прессе не было вовсе, однако они звучали значительно реже по сравнению с аналогичными оценками в отношении Китая. Об этом можно судить по данным, приведенным в таблице.

Оценки России и Китая в монгольской прессе в 2000 и 2010 гг.

Категория отношения	2000		2010	
	Россия	Китай	Россия	Китай
Дружественное	34*	6	22	15
Отрицательное	2	6	3	21
Неопределенное	8	2	6	7

* Количество публикаций.

Имена и фамилии в заголовках монгольской печати

В 2000 г. в заголовках монгольской прессы фигурировали имена наиболее влиятельных россиян. Чаще всего газеты называли, разумеется, В. В. Путина, ставшего в тот год Президентом РФ. Другие политики российского масштаба в заголовках практически не упоминались, зато выносились на обозрение имена различных российских спортсменов, таких как, например, Александр Карелин и Гарри Каспаров. Газеты в своих заголовках утверждали «неоспоримое преимущество» А. Карелина в вольной борьбе на протяжении последних 13 лет. Чемпион мира по шахматам Г. Каспаров также назывался «безусловным лидером». Использование в заголовках столь выразительной, экспрессивно окрашенной лексики наиболее вероятно было нацелено на то, чтобы подчеркнуть авторитет этих людей в своих сферах. Отношение прессы к ним было неизменно теплым, доброжелательным.

В 2010 г. ситуация с упоминанием имени В. В. Путина изменилась: заголовки на эту тему стали появляться вдвое реже. (На этом фоне тогдашний китайский лидер Ху Цзинь Тао выглядел безусловным лидером.) Вместе с тем примечательно то, что монгольская пресса отдавала предпочтение В. В. Путину, а не Д. А. Медведеву. Несмотря на то, что последний занимал в 2010 г. должность Президента России, монгольские журналисты оставляли его в тени. Д. А. Медведев практически не цитировался, крайне ограниченной была информация об его поездках в разные регионы страны и мира. Сложившийся к тому времени общий политический фон в России предопределил и определенную избирательность монгольской прессы. Она стала меньше сообщать, в том числе и посредством заголовков, о людях,

не связанных напрямую с политической сферой. Внимание СМИ определялось политикой Кремля.

Впрочем, монгольская пресса обращала внимание и на другие темы, которые перемежались с темами российских СМИ. К примеру, достаточно объемной на общем фоне оказалась информация о физиках российского происхождения Андрее Гейме и Константине Новоселове, ставших в 2010 г. лауреатами Нобелевской премии. При этом, например, газета «Удрийн сонин» ссылалась в одном из своих заголовков на слова А. Гейма о том, что «Россия должна поддерживать молодых ученых», а не соотносить лауреатов Нобелевской премии с их происхождением. В данном случае содержался намек на то, что оба нобелевских лауреата давно живут за границей. Тем самым «Удрийн сонин» высказывала косвенный упрек России по поводу того, что она не уделяет должного внимания возвращению своих талантов. Китаю в монгольской прессе доставалось в это же время еще больше, поскольку тот стремился к «неравной конкуренции» в различных областях науки и производства.

Примечательно, что при рассмотрении различных аспектов взаимодействия между Монголией с одной стороны и Россией и Китаем — с другой в монгольской печати меняется общий ракурс восприятия. Если в 2000 г. в заголовках часто используются слова «Монголия», «монгольский» и т. д., то спустя десять лет в значительно большей степени, чем раньше, обращается внимание на общенациональный интерес: «наша страна», «наши полезные ископаемые». Представляется, что эти изменения определяются в своей совокупности большим осознанием монгольской нацией собственной идентичности.

Как известно, СМИ являются отражением этой идентичности и в то же время стимулируют ее формирование в общественном самосознании. Нечто подобное происходит и с монгольской прессой, которая вносит свой вклад в упрочение ментальных установок нашего общества. Это проявлялось также при упоминании тем Китая и России. Так, в 2010 г. в газетных текстах активно использовались слова «китайцы» и «россияне», что было новым содержательным явлением по сравнению с 2000 г. Благодаря этому происходило единение самых различных форм общественного поведения, порой не связанных между собой, а также придание этим явлениям большей социальной значимости. В какой-то мере оба слова использовались в монгольских СМИ как стереотип, который менял свои очертания в зависимости от осуждаемых фактов и событий.

По отношению к китайцам этот стереотип зачастую выглядел негативно. Например, газета «Унуудур» использовала заголовки типа «Избитый китайцами...» (о преступлении в отношении монгольского гражданина), «Китайцы не могут получить кредит» (по причине допущенных ими самими правонарушений). Газета «Зууны мэдээ», стремясь подчеркнуть недалекость китайцев, назвала одну из своих публикаций так: «Китайцы не придали должного значения премии...» На этом фоне предпочтение в целом отдавалось россиянам, во всяком случае, монгольская пресса демонстрировала изначально большую расположенность к ним. Например, в газете «Зууны мэдээ» неоднократно отмечались их инициативы по разным поводам: «Россияне поддержали...», «Из-за действий россиян... в реку не попали...» и т. д.

Хотя содержание публикуемой информации не всегда было позитивным, характер заголовков подтверждал общее одобрение российских действий со стороны монгольской прессы. Как в 2000, так и 2010 гг. применительно к словам «русские» и «россияне» нам не удалось обнаружить ни одного заголовка, носящего однозначно критический характер. Встречались заголовки двойственного характера. К примеру, газета «Зууны мэдээ» одну из своих корреспонденций озаглавила так: «Из-за действий россиян река Онон загрязнена, хотя химических отходов обнаружено не было». Был и такой заголовок: «Состоялась отставка российского мэра, который много сделал и много присвоил себе». В этих заголовках нельзя не усмотреть противоречивого отношения к происходящему. Однако критичность и здесь ограничена, и публикации завершаются позитивными выводами о том, что несмотря ни на что проблемы не безнадежны и будут в ближайшее время разрешены.

Таким образом, монгольская пресса проявляла избирательность при оценках китайцев и россиян. Очевидно, что последние были близки ей по духу. Схожая тенденция наблюдается и сегодня.

Выводы

На протяжении обоих исследуемых периодов внимание монгольской прессы к Китаю и России было ощутимым. Эти страны всегда были приоритетными для внешней политики Монголии, что не могло не определять повестку СМИ нашей страны на протяжении всего десятилетия. Вместе с тем восприятие Китая и России в нашей прессе разнилось.

Китай и в 2000 г., и через десять лет воспринимался монгольской печатью как страна, которой присущи быстрые темпы экономического развития. Вместе с тем практически каждая вторая публикация обращала внимание на проблемные аспекты жизни в Китае. В поле зрения журналистов попадали факты коррупции, нарушения юридических норм, несоблюдения прав и свобод граждан. Кроме того, обращалось внимание на незаконное обогащение китайских предприятий, работающих в Монголии, а именно на вывоз с территории страны полезных ископаемых. Таким образом, общий фон восприятия Китая в монгольской прессе трудно было назвать позитивным.

На этом фоне публикации о России в те же годы значительно чаще подчеркивали положительные моменты, что выражалось в фиксировании внимания на общем состоянии российско-монгольских отношений и подписании документов о сотрудничестве в различных сферах политики и экономики, а также в описании достижений России в сферах науки и культуры. Монгольская пресса как в 2000, так и в 2010 гг. писала о духовных традициях различных народов, проживающих в России, о победах российских спортсменов и т. д. Российские внешнеполитические и внутренние проблемы если и становились предметом информационного освещения, то значительно реже, чем китайские. Хотя заголовки как информационных, так и аналитических материалов, посвященных России, в 2010 г. не всегда выглядели позитивными, критичность содержания самих публикаций чаще всего

разбавлялась положительными фактами, относящимися к той или иной теме, что, по сути, нивелировало проблемный характер ситуаций.

-
1. *Agger B.* The Discourse of Domination: From the Frankfurt School to Postmodernism. Evanston, IL, 1992.
  2. *Calhoun C.* Critical Social Theory. Oxford, 1995.
  3. *Fairclough N. L.* Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. Harlow, UK, 1995.
  4. *Fay B.* Critical Social Science. Cambridge, 1987.
  5. *Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T.* Language and Control. L., 1979.
  6. *Fox D. R., Prilleltensky I.* Critical Psychology: an Introduction. L., 1997.
  7. *Ibanez T., Iniguez L.* (eds). Critical Social Psychology. L., 1997.
  8. *Mey J. L.* Whose Language: a Study in Linguistic Pragmatics. Amsterdam, 1985.
  9. *Mogashoa T.* Understanding Critical Discourse Analysis in Qualitative Research // International Journal of Humanities Social Sciences and Education (IJHSSE). 2014. Vol. 1, iss. 7, 2014. P. 104–113.
  10. *Rahimi F., Riasati M.* Critical Discourse Analysis: Scrutinizing Ideologically-Driven Discourses [Electronic resource] // International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol. 1, № 16. URL: http://www.ijhssnet.com/journals/Vol_1_No_16_November_2011/13.pdf (accessed: 22.10.2015).
  11. *Rasmussen D. M.* (ed.). The Handbook of Critical Theory. Oxford, 1996.
  12. *Singh R.* (ed.) Towards a Critical Sociolinguistics. Amsterdam, 1996.
  13. *Thomas J.* Doing Critical Ethnography. Newbury Park, 1993.
  14. *Turkel G.* Law and Society: Critical Approaches. Boston, MA, 1996.

Статья поступила в редакцию 22.11.2015 г.

УДК 159.942.52 + 378.18(470) + 378.18(510)

Ю. В. Лебедева

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЫРАЖЕНИЯ СОЧУВСТВИЯ У СТУДЕНТОВ ИЗ РОССИИ И КИТАЯ

Статья посвящена исследованию влияния фактора культуры на выражение сочувствия. Представлены результаты кросс-культурного исследования, проведенного на выборке студентов из России и Китая. Выделены универсальные стратегии, общие для студентов из обеих стран: работа с эмоциями, когнитивные стратегии, действенная помощь и совместная деятельность. Установлено, что выраженность стратегий зависит от культурного фактора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эмпатия; выражение сочувствия; культура; кросс-культурный подход; личность; студент; Китай; Россия.

Эмпатия — это безоценочное понимание другого в контексте его картины мира, «осуществляемое как специфический способ реакции на переживания другого» [2, 43]. Эмпатия включает в себя способность почувствовать те переживания, которые испытывает другой, понять эти переживания в его системе координат и значение для него этих переживаний. На основании этого формируется эмпатический отклик, ответ на прочувствованные и понятые переживания другого. В данной статье мы остановимся на выражении эмпатического отклика, на том поведении, которое появляется в результате работы эмоциональных и когнитивных эмпатических механизмов. На основании анализа современной литературы В. И. Долгова и Е. В. Мельник включают в поведенческий (действенный) компонент эмпатии активную поддержку другого и оказание ему помощи [1, 38]. В контексте нашего исследования речь будет идти, прежде всего, об эмоциональной поддержке (например, активном слушании). Помощь же, с нашей точки зрения, может быть действенной (в виде конкретных поведенческих актов, улучшающих ситуацию,

---

ЛЕБЕДЕВА Юлия Владимировна — старший преподаватель кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ljulia1@rambler.ru).

© Лебедева Ю. В., 2016

в которой находится переживающий) и когнитивной (попытка помочь разобраться в ситуации, составить план действий, понять причину возникшей ситуации).

Эмпатия помогает человеку регулировать отношения с другими людьми, что особенно важно для совместной деятельности и общения. Принимая в расчет чувства другого, эмпат меняет свое поведение по отношению к нему, выбирая стратегии проявления сочувствия, облегчающие процесс взаимодействия. К. Роджерс считал выражение эмпатии необходимым, особенно в контексте профессионального общения психолога с клиентом [7], однако яркий эмпатический отклик не всегда является эффективным и уместным. А. Б. Орлов и М. А. Хазанова отмечают, что наиболее эффективной может быть наименее выраженная в поведении эмпатия, которую демонстрируют, например, выдающиеся психологи, а повышенное внимание к выражению эмпатического переживания (например, при подготовке психологов) может привести к «выхолащиванию собственно эмоционального, первичного момента эмпатии» [5, 71]. Таким образом, важно, чтобы выражение сочувствия было искренним и основывалось на эмоциональном отклике, возникшем на основе понимания переживаний другого.

Поведенческие проявления эмпатии формируются личностью в процессе социализации через усвоение особой системы правил, норм, ценностей, обеспечивающих воспроизводство помогающего поведения, заботливого отношения, которое позволяет обществу развиваться и дает, в свою очередь, возможность личности чувствовать себя в этом обществе комфортно.

Социализация протекает в рамках определенной культурной общности. Поэтому личность усваивает те стандартные формы проявления сочувствия, которые приняты в ее культуре. В поведенческом плане это выражается в обычаях гостеприимства, поминальных и свадебных обрядах, этикете, правилах вежливости, культуре прощения, принятых в обществе методах оказания помощи и поддержки. Культурный фактор определяет не только *как* проявлять эмпатию, но и по отношению *к кому, где и по какой причине* это допустимо делать [3].

В ситуации кросс-культурного общения может возникнуть несоответствие поведения партнера по общению ожиданиям личности, трудности с выражением сочувствия доступным для переживающего образом. Представители другой культуры могут казаться черствыми или бесчувственными, скрытными или навязчивыми, демонстрирующими пренебрежение или слабыми. В результате может возникнуть негативное отношение к представителю другой культуры и, как следствие, минимизация контактов с ним. В связи с этим представляются актуальными исследования кросс-культурных аспектов эмпатии, позволяющие получить представления об ее универсальных и специфических элементах. Универсальные элементы, общие у представителей различных культур, являются основой для их взаимодействия. Специфические элементы необходимо знать и учитывать при построении межличностных отношений с представителем другой культуры.

С целью изучения универсальных и специфических стратегий выражения сочувствия у студентов из России и Китая нами было проведено исследование на базе Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

В исследовании приняли участие 104 человека: 52 студента из Китая и 52 — из России. Каждая выборка состояла из 31 девушки (средний возраст 22,7 года) и 21 юноши (средний возраст 22,1 года). Эквивалентность групп была достигнута методом попарного уравнивания по гендерному и возрастному признакам. Все студенты из Китая обучаются на кафедре русского языка для иностранных учащихся. Русские студенты обучаются в различных департаментах УрФУ. В обе выборки вошли учащиеся 1–4-го курса бакалавриата и 1–2-го курса магистратуры. В русскую выборку также вошли аспиранты различных департаментов. Это было обусловлено тем, что студенты из Китая в среднем старше русских, так как перед поступлением проходят дополнительные курсы изучения русского языка.

К сожалению, в настоящее время в отечественной психологии отсутствуют стандартизированные методики, непосредственно направленные на качественное исследование способов выражения эмпатии, хотя разработки подобного инструментария ведутся [9]. Поэтому в качестве метода исследования было использовано авторское формализованное интервью с открытыми вопросами. Результаты были подвергнуты контент-анализу, позволившему выявить категории, которые сами испытуемые применяют, описывая собственное поведение при выражении эмпатического отклика, объединить категории в группы и сравнить частоту их использования у испытуемых обеих выборок. Ключевыми для реализации цели исследования были следующие вопросы:

1. Что вы делаете, когда испытываете сочувствие?
2. Представьте такую ситуацию: у вашего друга (подруги) что-то случилось, он (она) очень расстроен(а), он(а) очень переживает, может быть, плачет. Что вы будете делать в такой ситуации?

Перед началом исследования был проведен пилотаж, позволивший сформулировать вопросы максимально кратко и понятно для китайских испытуемых. В качестве объекта проявления сочувствия друг был выбран по той причине, что китайцы, как правило, к незнакомым людям испытывают равнодушие [8, 102–112], что не позволило бы нам достичь цели исследования. Ситуация сочувствия к другу скорее позволяла выявить кросс-культурные различия в стратегиях выражения эмпатии. Еще одно уточнение необходимо сделать по поводу замены термина «эмпатия» на «сочувствие» в формулировках вопросов интервью. В психологической науке Т. П. Гаврилова, А. А. Бодалев и другие разделяли сочувствие и сопереживание как две формы проявления эмпатии. Однако в повседневном общении, как в России, так и в Китае, чаще всего используется категория «сочувствие». Поэтому вместо термина «эмпатия» было выбрано слово «сочувствие» как более понятное представителям обеих групп.

С обеими выборками интервью проводилось на русском языке, что допустимо по отношению к студентам из Китая, изучающим русский язык [4].

Русские студенты давали более развернутые ответы на вопросы по сравнению с китайскими и упоминали большее количество категорий, иллюстрирующих различные стратегии (6,9 категории в среднем у каждого русского студента против 3,6 категории у китайского). В итоге практически по всем группам процент в русской выборке оказался больше, чем в китайской. Это можно объяснить

большим словарным запасом русских студентов. Они подробно описывали свои действия (что они скажут, как будут себя вести). Китайские студенты чаще всего давали короткие ответы, не вдаваясь в подробности, описывали ситуацию, перечисляя ключевые слова без деталей. Учитывая эту особенность, будем обращать внимание, прежде всего, на то место, которое занимают определенные категории в перечне стратегий.

Прежде всего, была выделена группа *вербальных* стратегий, упомянутая практически одинаковым числом испытуемых в обеих выборках — 65,4 % китайцев и 61,5 % русских. В эту стратегию были включены следующие категории: «разговаривать», «приятные слова», «все хорошо», «рассказать о своих проблемах», т. е. те категории, которые нельзя точно отнести к стратегиям когнитивной группы или работе с эмоциями, описанным ниже. Мы не выделяем вербальную стратегию среди основных, так как практически все нижеперечисленные стратегии предполагают ту или иную вербальную форму взаимодействия. Возможно, китайские респонденты не смогли точно обозначить стратегии, описать свое поведение, поэтому некоторые из них останавливались на категориях, включенных в эту группу. Русские же студенты чаще всего далее уточняли, о чем именно они будут разговаривать.

Итак, в результате контент-анализа ответов испытуемых были выделены следующие стратегии проявления сочувствия: работа с эмоциями другого, когнитивные стратегии, деятельная помощь и совместная деятельность с другим. Охарактеризуем каждую из них, а затем сравним их выраженность у представителей России и Китая.

Работа с эмоциями другого представлена категориями, в которых упоминались различные аспекты эмоциональной сферы или действия, направленные на «нормализацию душевного состояния» [9, 213] партнера по общению: «дать выплеснуть эмоции», «моральная (или словесная) поддержка», «утешить», «успокоить», «поднять настроение», «позаботиться» и т. д. Целью данной стратегии является изменение эмоционального состояния переживающего другого путем непосредственной работой с его чувствами.

В группу *когнитивных стратегий* были включены такие категории, как «понять ситуацию», «дать совет», «надо двигаться вперед», «рациональный анализ», «помощь в поиске решения», «разложить по полочкам» и др. В эту группу входят стратегии рационального анализа проблемы, выяснение причины сложившейся ситуации с тем, чтобы другой не повторил свой негативный опыт снова, переструктурирование ситуации, поиск позитивных аспектов в сложившемся положении, помощь в определении путей выхода из ситуации. Стратегия призвана помочь другому сделать ситуацию более определенной, посмотреть на нее иначе — так, чтобы она перестала быть настолько драматичной.

Третьей выделенной стратегией является *действенная помощь* другому. В данной выборке это были конкретные действия, направленные на изменение ситуации, в которой оказался другой («помогу», «помогу сделать то, что не получается»), помощь деньгами («дам деньги», «помогу материально») и едой («дам еду», «накормлю», «напою чаем»).

Последней стратегией является *совместная деятельность* с другим («гулять вместе», «угостить», «пить вместе чай», «быть рядом», «все брошу и приеду», «играть в бадминтон»). К этой стратегии были отнесены категории, в которых непосредственно упоминается взаимодействие с другим и пребывание с ним рядом. Хотя совместное времяпровождение подразумевают практически все вышеописанные стратегии, ряд испытуемых подчеркивал категорию «вместе», подразумевая пространственную и деятельную сопричастность с другим, разделение тем самым бремени его переживаний. Можно констатировать, что студенты, упоминающие категории этой группы, считают, что переживающему будет легче, если рядом с ним будет другой человек (чаще всего друг).

Итак, в обеих выборках был получен одинаковый перечень стратегий. Это позволяет нам предположить, что выделенные стратегии являются универсальными способами выражения сочувствия по отношению к переживающему другому для представителей обеих групп. Однако выраженность этих стратегий оказалась различной, т. е. подверженной влиянию фактора культуры (см. таблицу).

Выраженность стратегий проявления сочувствия в группах студентов, %

Группа	Работа с эмоциями	Когнитивные стратегии	Деятельная помощь	Совместная деятельность
Студенты из Китая	42,3	46,2	59,6	32,7
Студенты из России	96,2	88,5	75	57,7

Из таблицы видно, что доминирующими стратегиями в русской выборке являются работа с эмоциями и когнитивные стратегии, тогда как в китайской преобладает стратегия деятельной помощи.

Практически все респонденты из России (96,2 % от общей выборки) указали на то, что будут *работать с эмоциями* переживающего другого, тогда как среди китайских испытуемых эту стратегию упомянули только 42,3 % студентов. Результаты показывают, что для русских более значимо эмоциональное состояние партнера, и они готовы работать с этим состоянием «напрямую». Они видят проблему именно в переживаниях партнера по общению и направляют усилия, прежде всего, на облегчение этих переживаний. Тогда как для китайцев повышение настроения может быть «побочным эффектом» от совместного времяпровождения или оказания конкретной помощи. Работа с эмоциями может сопровождаться *телесным контактом* («обниму», «похлопаю по плечу», «буду держать за руку») с переживающим другим. Этот аспект упомянули 17,3 % русских и 5,8 % китайцев. Вероятнее всего, не все испытуемые выделяли его отдельно: эмоциональная поддержка могла подразумевать телесный контакт. Полученные данные можно объяснить высокой контактностью русской культуры: например, из 15 жестов сочувствия 14 предполагают телесный контакт [6, 161]. Для русского человека более, чем для представителя Китая, допустимо и даже необходимо дотрагиваться до переживающего другого в процессе выражения сочувствия, оказания эмоциональной поддержки.

Вторая по значимости группа для обеих выборок — это *когнитивные стратегии* (88,5 % русских и 46,2 % китайцев). Вероятно, представители обеих групп считают важным провести анализ проблемы, помочь другому разобраться в ситуации.

Деятельная помощь является доминирующей стратегией в китайской выборке (59,6 %) и стоит на третьем месте у русских студентов (75 %). Вероятно, китайцы считают, что другой нуждается, прежде всего, в реальном изменении ситуации, в которой оказался, и обращается друг скорее за действенной помощью, нежели за эмоциональной поддержкой или помощью в анализе ситуации. Русские студенты часто решают, могут ли они помочь и какая именно помощь необходима («если смогу что-то сделать, то, конечно, сделаю», «если я смогу помочь»). У китайских студентов такое уточнение не звучало.

Последнее место в обеих выборках занимает стратегия *совместной деятельности* (57,7 % русских студентов и 32,7 % китайцев). Китайские студенты чаще рассматривали эту стратегию как попытку отвлечь друга от его переживаний («пойдем гулять», «по магазинам», «пойдем на танцы»), тогда как русские студенты чаще всего говорили о присутствии рядом в процессе переживаний друга («уводить от одиночества», «он не один, я рядом»).

Итак, русские студенты предпочитают работать с эмоциями переживающего другого, утешать, успокаивать его, в том числе с помощью телесного контакта, стараются поднять настроение, вывести его из острого эмоционального состояния, чтобы «привести в состояние разума». Чуть реже испытуемые используют когнитивные стратегии: пытаются понять ситуацию, причины, ее вызвавшие, найти пути выхода из ситуации, дать совет. Если есть возможность — оказывают действенную помощь. Если такой возможности нет — стараются просто быть рядом, проявляя заботу и участие.

Китайские студенты настроены, прежде всего, на оказание действенной помощи. Наиболее вероятным вариантом оказания помощи для китайских студентов является «дать денег» (об этом заявили 9 человек, тогда как в русской выборке об этом упомянул только 1 респондент). Возможно, это связано с разным отношением к деньгам в различных культурах (в России не принято давать в долг друзьям). Оказание материальной помощи может восприниматься студентами из Китая как вариант, требующий минимальных усилий. Некоторые китайские респонденты не упоминали больше никаких стратегий, кроме недифференцированной вербальной и стратегии деятельной помощи. Понимание ситуации и стремление помочь найти выход из сложившегося положения студенты из Китая упоминали чаще, чем работу с эмоциональным состоянием партнера по общению. Вероятно, внутренний мир другого не представляется для китайского студента таким значимым, как для студента из России. Важным в китайской выборке является взаимодействие, совместная деятельность с другим. Можно предположить, что китайские студенты более активны в проявлении эмпатии, чем русские, так как китайцы предпочитают деятельную помощь всем остальным стратегиям. Но если нет возможности исправить ситуацию, китайский студент может чувствовать себя растерянным, испытывая трудности в работе непосредственно с эмоциями переживающего другого.

Помимо стратегий выражения сочувствия, описанных выше, в результате контент-анализа был выделен ряд дополнительных категорий.

Так, студенты говорили о *трудностях*, которые испытывают в процессе выражения сочувствия («не знаю, что делать», «теряюсь», «не показываю [что сочувствую]»). Об этом упоминают 17,3 % русских и 11,5 % китайцев. Трудности, которые описывали китайские респонденты, не связаны с языковым барьером, так как они представляли друга из Китая. S. F. Myler отмечает, что китайцам не достает сочувствия, они с трудом понимают переживания других людей [10]. Он объясняет это двумя причинами. Во-первых, политикой одного ребенка, которая делает невозможным формирование эмпатической реакции путем наблюдения за переживаниями сиблингов в трудных ситуациях, а также порождает эгоистическую мотивацию. А во-вторых, перенаселенностью Китая, что приводит к необходимости постоянно конкурировать, иногда достаточно агрессивно, с другими людьми за место в общественном транспорте, очереди и т. д.

Еще одной категорией является *ориентация на другого*. В нее были сведены ответы, в которых испытуемые упоминали о том, что форма проявления сочувствия должна быть выбрана с учетом состояния переживающего, и предлагали различные стратегии в зависимости от потребностей другого (молча быть рядом или говорить, помочь или не вмешиваться). Эту категорию упомянули 11 (21,2 %) русских студентов и только 1 китайка (1,9 % от выборки китайских студентов). Возможно, это объясняется тем, что стратеги утешения в Китае более стандартизованы и ориентированы на социальный статус человека, нежели на особенности его переживаний и потребностей. Усвоив правила выражения сочувствия в процессе социализации, китаец знает, как именно нужно проявлять сочувствие в различных ситуациях с людьми разного пола, возраста и социального положения. В России же таких правил меньше, поэтому русские скорее склонны ориентироваться на потребности партнера по общению и собственную интуицию, выбирая наиболее подходящую стратегию проявления сочувствия в каждой конкретной ситуации. Поэтому китайские студенты нуждаются в систематизации знаний о способах выражения сочувствия, принятых в России, с тем чтобы, с одной стороны, более адекватно выражать собственные чувства по отношению к русским, а с другой стороны, понимать и принимать сочувствие, которое выражают русские по отношению к ним. Ориентация на другого иллюстрирует регуляционный аспект эмпатии. Выражение и глубина эмпатии регулируются у китайских студентов правилами и нормами, а у русских — потребностями переживающего другого.

Итак, как в группе русских, так и в группе китайских студентов был обнаружен универсальный перечень стратегий, которые испытуемые используют при выражении сочувствия. Это работа с эмоциями, когнитивные стратегии, действенная помощь и совместная деятельность. Однако выраженность тех или иных стратегий является культурно обусловленной. Русские студенты чаще работают с эмоциями переживающего другого и используют когнитивные стратегии, а китайские — помощь каким-либо действием. Кроме того, русские студенты при выборе стратегии проявления сочувствия чаще ориентируются на потребности переживающего другого.

Результаты исследования интересны как в практическом, так и в теоретическом отношении.

Во-первых, на их основе можно сформулировать рекомендации по обучению китайских студентов в российском вузе, касающиеся решения педагогических конфликтов, сопровождения процесса обучения сотрудниками деканата, проживания студентов в общежитии, адаптации к жизни и трудоустройству в России, повышению эффективности межкультурного общения между студентами обеих стран.

Во-вторых, полученные данные открывают перспективы исследования с целью дальнейшей дифференциации стратегий проявления эмпатии. Привлечение к исследованию представителей других культурных групп, в свою очередь, даст возможность уточнить список универсальных, не зависящих от культуры стратегий, позволит выйти на уровень «общего», «разделяемого», «базового» — той основы, которая повысит эффективность кросс-культурной коммуникации, взаимопонимание и принятие друг друга представителями различных культур.

-
1. Долгова В. И., Мельник Е. В. Эмпатия. М., 2014.
  2. Карягина Т. Д. Проблема формирования эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 38–54.
  3. Лебедева Ю. В. Кросс-культурный анализ феномена эмпатии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1 (135). С. 169–176.
  4. Лунина О. А. К вопросу о некоторых стереотипах в китайском коммуникативном сознании // Русское и китайское коммуникативное поведение. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 44–47.
  5. Орлов А. Б., Хазанова М. А. Феномены эмпатии и конгруэнтности // Вопр. психологии. 1993. № 4. С. 68–73.
  6. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М., 2007.
  7. Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 235–237.
  8. Чен Х. Эти поразительные китайцы. М., 2006.
  9. Шерягина Е. В. Проективная методика исследования стратегий утешения // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 2. С. 212–224.
  10. Myler S. F. Chinese Cultural Lack of Empathy in Development — Counselling Practice [Electronic resource]. URL: http://EzineArticles.com/expert/Stephen_F_Myler/69982 (accessed: 15.11.2015).

Статья поступила в редакцию 30.11.2015 г.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ У МАТЕРЕЙ И ИХ ДЕТЕЙ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Цель исследования, проведенного на выборке из 117 студентов и 117 их матерей, — выявление связи между субъективным ощущением счастья матерей и субъективным ощущением счастья, оптимизмом и самооценкой их детей. Методики: Обновленный Оксфордский опросник счастья; методика измерения самооценки Дембо — Рубинштейна; тест диспозиционного оптимизма М. Шейера и Ч. Карвера. Результаты: установлено наличие значимой связи между субъективным ощущением счастья матерей и субъективным ощущением счастья их детей, отсутствие корреляций субъективного ощущения счастья матерей с оптимизмом и самооценкой детей. Подтверждены данные о том, что оптимизм и самооценка человека являются сильными личностными предикторами его субъективного ощущения счастья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъективное ощущение счастья (субъективное благополучие); матери; дети; юношеский возраст; оптимизм; самооценка.

Для многих людей главной жизненной целью является достижение счастья. Отвечая на вопрос о том, чего они хотят для своих детей, чаще всего упоминают здоровье, материальное благополучие, реже славу или успех и практически всегда — счастье [10]. Нет такого философского или религиозного направления, которое не рассматривало бы эту смысложизненную проблему. В психологической науке большинство исследователей обращают внимание на то, что счастье — это субъективное ощущение. М. Аргайл определяет счастье как состояние переживания удовлетворенности жизнью в целом, общую рефлексивную оценку человеком своего прошлого и настоящего, а также частоту и интенсивность положительных эмоций [1, 17]. Ввиду неоднозначности и спорности категории «счастье» М. Селигманом было введено понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being) как его научный синоним [7]. Оба термина используются в психологической литературе как взаимозаменяемые [10].

Большинство исследователей субъективного ощущения счастья (субъективного благополучия) рассматривают его как сложный конструкт, состоящий из нескольких основных компонентов: когнитивного (удовлетворенность жизнью в целом) и аффективного (наличие частых положительных эмоций и редкое проявление отрицательных эмоций). В свою очередь, каждый из этих основных

ПЕРМЯКОВА Маргарита Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: pme8@mail.ru).

МУРТАЗИНА Мария Ашотовна — магистрант кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: mariasarg94@mail.ru).

© Пермякова М. Е., Муртазина М. А., 2016

компонентов включает ряд более конкретных элементов, например, удовлетворенность жизнью включает удовлетворенность работой, семьей, отдыхом, здоровьем, материальным положением, социальным положением и т. д. [10, 11].

Причинами и коррелятами счастья являются как различные внешние факторы (социально-экономические, демографические, экологические), так и внутренние факторы (темперамент, личностные характеристики, мировосприятие, жизнестойкость). Универсального рецепта счастья для всех людей не существует, субъективное благополучие складывается из своеобразного для каждого индивида сочетания этих факторов [10]. При этом человек ощущает, осознает и оценивает уровень своего счастья — несчастья, благополучия — неблагополучия как целостного переживания, руководствуясь своими собственными критериями [2].

Несмотря на то, что на удовлетворенность жизнью в текущий момент могут влиять и настроение, и конкретные жизненные события, и физическое состояние, и даже погодные условия, уровень субъективного ощущения счастья является достаточно стабильным во времени показателем для каждого человека. Эта устойчивость в значительной степени обусловлена личностными характеристиками, именно личность является одним из самых сильных предикторов субъективного благополучия [10, 11]. Характерными чертами счастливых людей являются: высокая самооценка, оптимизм, экстраверсия, низкий уровень нейротизма, готовность к сотрудничеству, ощущение личного контроля [4, 9].

М. Селигман предложил формулу устойчивого, продолжительного счастья:

$$C = Y + O + Z,$$

где Y — унаследованный уровень счастья, который остается относительно стабильным на протяжении жизни и определяет счастье примерно на 50 %; у каждого человека есть собственный, строго определенный наследственный уровень жизнерадостности, и он практически не поддается увеличению; O — обстоятельства жизни, такие как семья, дети, религия, повседневная деятельность, они определяют счастье приблизительно на 10 %; Z — факторы, зависящие от нас, поддающиеся волевому контролю; сознательные, намеренные и требующие усилий действия, которые человек может выбрать для себя, определяют счастье на 40 % [7].

Анализ этой формулы позволяет предположить, что пока ребенок не настолько личностно зрел, чтобы сознательно развивать в себе определенные качества, его счастье (субъективное благополучие) в большой степени зависит от родителей. Кроме того, основное формирование таких личностных черт, как оптимизм и самооценка, являющихся коррелятами субъективного ощущения счастья, происходит в детском возрасте под влиянием семьи и в первую очередь — матери. Именно от нее зависит то, как будет оценивать свои способности и возможности ребенок, как будет реагировать на жизненные ситуации [3, 6, 8]. Действительно, с младенчества ребенок имитирует эмоции своих родителей, научается эмоциональным реакциям, характерным для людей, с которыми он находится в постоянном контакте [11]. Если мама ощущает себя счастливым человеком, то она испытывает преимущественно положительные эмоции, проявляя их в отношении к другим людям, и прежде всего к своему ребенку. Таким образом, малыш приобретает позитивный

эмоциональный опыт, что способствует формированию у него «базового доверия» к миру, он открыт для общения, доброжелателен, так как его ожидания от контактов с людьми, с миром в целом позитивно окрашены. В дальнейшем умение чувствовать и выражать положительные эмоции становится основой отношений любви и дружбы. Подрастая, ребенок слушает разговоры родителей, как губка впитывает их отношение к происходящим событиям, стиль объяснения причин этих событий, оценку своих и чужих успехов и неудач. Его собственный взгляд (оптимистический или пессимистический) на окружающий мир, события, людей, самооценка формируются на основе обратной связи от воспитывающих его взрослых. Но по мере взросления расширяется круг общения, усложняются отношения ребенка с окружающим миром. В подростковом возрасте происходит сепарация — эмоциональное отделение ребенка от матери.

Тем не менее многие авторы озвучивают идею о связи субъективного счастья матерей и детей (не принимая во внимание их возраст) как аксиому. Фраза «хочешь, чтобы твой ребенок был счастливым, будь счастлив сам» стала уже крылатым выражением. Однако в большинстве случаев это мнение не опирается на результаты эмпирических исследований. Целью данной работы являлось исследование связи между субъективным ощущением счастья матерей и субъективным ощущением счастья, оптимизмом и самооценкой их детей юношеского возраста.

В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения: 1) существует связь между субъективным ощущением счастья у матерей и их детей юношеского возраста, а именно: чем выше уровень субъективного ощущения счастья у матерей, тем выше этот уровень у их детей; 2) если согласно литературным данным у счастливых людей выше самооценка и уровень оптимизма, а эти характеристики формируются в детстве под влиянием родителей, то предположительно должна существовать и связь между субъективным ощущением счастья матерей и самооценкой и оптимизмом детей.

В исследовании приняли участие 234 человека: 117 детей (79 девушек и 38 юношей — студентов Уральского федерального университета и Уральского государственного педагогического университета); 117 матерей этих студентов. Возраст детей варьировался от 17 до 21 года, возраст матерей — от 38 до 55 лет.

Для выявления индивидуальных показателей субъективного ощущения счастья, самооценки и оптимизма были использованы следующие методики: Обновленный Оксфордский опросник счастья (ОНИ — Oxford Happiness Inventory); методика измерения самооценки Дембо — Рубинштейна; тест диспозиционного оптимизма М. Шейера и Ч. Карвера (LOT — Life orientation test) в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина.

В основе этих методик лежат представления о субъективном ощущении счастья, оптимизме и самооценке как о сложных конструктах, состоящих из нескольких относительно независимых компонентов. Но у каждого человека есть свое субъективное представление о том, какие целостные переживания соответствуют этим понятиям, т. е. человек может ответить на вопросы, насколько он вообще в жизни ощущает себя счастливым, оптимистом, может оценить в целом свои качества, способности, возможности. Поэтому каждому испытуемому

также было предложено оценить свои уровни субъективного ощущения счастья, оптимизма и самооценки по 10-балльной шкале, где 0 – самый низкий уровень, а 10 – самый высокий.

В процессе исследования была установлена статистически значимая взаимосвязь показателей, полученных по методикам ОНІ, LOT и методике Дембо – Рубинштейна с аналогичными показателями, полученными по 10-балльным шкалам.

Результаты корреляционного анализа показателей субъективного ощущения счастья, оптимизма и самооценки по Обновленному Оксфордскому опроснику счастья, методике Дембо – Рубинштейна и тесту на оптимизм М. Шейера и Ч. Карвера представлены в табл. 1.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Пирсона между субъективным ощущением счастья, самооценкой и оптимизмом у детей и матерей по методикам ОНІ, LOT, методике Дембо – Рубинштейна

Показатель	Субъективное ощущение счастья матерей	Субъективное ощущение счастья детей	Само-оценка матерей	Само-оценка детей	Оптимизм матерей	Оптимизм детей
Субъективное ощущение счастья матерей	1	0,31	0,49	0,18	0,27	0,14
Субъективное ощущение счастья детей		1	-0,17	0,45	-0,13	0,60
Самооценка матерей			1	0,28	0,33	0,19
Самооценка детей				1	0,18	0,25
Оптимизм матерей					1	0,14

Примечание. Полужирным курсивом отмечены значимые корреляции ($r_{кр} = 0,20$ для $p \leq 0,05$).

Результаты корреляционного анализа показателей субъективного ощущения счастья, оптимизма и самооценки по 10-балльным шкалам представлены в табл. 2.

Корреляционный анализ результатов выявил достоверную связь между субъективным ощущением счастья у матерей и их детей как по Обновленному Оксфордскому опроснику счастья, так и по 10-балльной шкале (см. табл. 1, 2).

Данные о количестве испытуемых с разными уровнями субъективного ощущения счастья по выборке в целом, а также по выборкам детей и матерей на основе показателей, полученных по Обновленному Оксфордскому опроснику счастья, представлены в табл. 3. Данные по 10-балльной шкале значимо не отличаются от них.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Пирсона между субъективным ощущением счастья, самооценкой и оптимизмом у детей и матерей по 10-балльным шкалам

Показатель	Субъективное ощущение счастья матерей	Субъективное ощущение счастья детей	Само-оценка матерей	Само-оценка детей	Оптимизм матерей	Оптимизм детей
Субъективное ощущение счастья матерей	1	0,33	0,28	0,15	0,47	-0,01
Субъективное ощущение счастья детей		1	-0,01	0,35	0,15	0,49
Самооценка матерей			1	0,35	0,28	0,01
Самооценка детей				1	0,04	0,34
Оптимизм матерей					1	-0,21

Примечание. Полужирным курсивом отмечены значимые корреляции ($r_{кр} = 0,20$ для $p \leq 0,05$).

Таблица 3

Сравнительная характеристика испытуемых в зависимости от уровня субъективного ощущения счастья

Группа испытуемых	Уровень субъективного ощущения счастья		
	пониженный	средний	повышенный
В целом по выборке	25 / 62	51,5 / 104	23,5 / 68
Дети	26,5 / 32	53 / 49	20,5 / 36
Матери	23,5 / 30	50 / 55	26,5 / 32
	$\varphi^* = 0,31 < \varphi^*_{кр}$	$\varphi^* = 0,79 < \varphi^*_{кр}$	$\varphi^* = 0,57 < \varphi^*_{кр}$

Примечания:

1. $\varphi^*_{кр} = 1,64, p < 0,05; \varphi^*_{кр} = 2,31; p < 0,01$.
2. В числителе дроби – данные в процентах, в знаменателе – количество испытуемых.

Процентное распределение испытуемых с разными уровнями субъективного ощущения счастья по всей выборке, по выборкам матерей и детей в целом совпадает.

Значения средних показателей уровня субъективного ощущения счастья по Обновленному Оксфордскому опроснику у детей (**48,8**) и матерей (**50,33**) достоверно не различаются ($t_{эмп} = 0,9 < t_{кр} = 1,96$ для $p \leq 0,05$). Также статистически незначимо отличие средних показателей уровня субъективного счастья у детей (**6,7**) и матерей (**7,1**) по 10-балльной шкале ($t_{эмп} = 1,5 < t_{кр} = 1,96$ для $p \leq 0,05$).

Исследования С. Ойши, Э. Динера, Р. Лукаса показали, что существует некий оптимальный уровень счастья, и он равен 8 баллам (по 10-балльной шкале). Люди, которые оценивают свое ощущение счастья на этом уровне, превосходно чувствуют себя в жизни, зарабатывают больше денег, лучше учатся, чем те, кто ощущает себя счастливым на 10 баллов [12]. Полученные в нашем исследовании средние показатели и у матерей, и у детей ниже оптимального уровня ощущения счастья. И хотя 75 % испытуемых ощущают себя в той или иной степени счастливыми, повышенный уровень счастья характерен лишь для каждого четвертого человека, а испытуемых с высоким уровнем ощущения счастья вообще нет, как, впрочем, и абсолютно несчастливых. Такие же невысокие средние показатели уровня счастья были получены в выборке испытуемых в возрасте от 42 до 57 лет в исследовании М. Е. Пермяковой и И. А. Ершовой [5]. Возможно, это объясняется особенностями российского менталитета, для которого характерно понимание счастья не как отдельного самодостаточного феномена, а как отсутствия несчастья, страдания [2].

Для подтверждения связи субъективного ощущения счастья у детей и матерей был проведен сравнительный анализ показателей счастья у матерей, чьи дети имеют повышенный (> 60 баллов) уровень ощущения счастья (далее — счастливые дети), и матерей, чьи дети имеют пониженный уровень (< 40 баллов) ощущения счастья (далее — несчастливые дети), а также у детей, чьи матери имеют повышенный уровень ощущения счастья (далее — счастливые матери), и детей, чьи матери имеют пониженный уровень ощущения счастья (далее — несчастливые матери).

Сравнительный анализ показал достоверное различие в субъективном ощущении счастья как у матерей счастливых и несчастливых детей ($t_{\text{эмп}} = 3,6 > t_{\text{кр}} = 1,99$ для $p \leq 0,05$), так и у детей счастливых и несчастливых матерей ($t_{\text{эмп}} = 4,1 > t_{\text{кр}} = 2$ для $p \leq 0,05$): счастливые дети вырастают у счастливых матерей.

Таким образом, результаты сравнительного и корреляционного анализа подтверждают гипотезу о связи между субъективным ощущением счастья у матерей и их детей юношеского возраста, а именно: чем выше уровень субъективного ощущения счастья у матерей, тем выше этот уровень у их детей.

Для проверки гипотезы о связи между субъективным ощущением счастья матерей и самооценкой и оптимизмом детей также были использованы корреляционный и сравнительный анализы.

Корреляционный анализ показал отсутствие связи субъективного ощущения счастья матерей с оптимизмом и самооценкой детей. При этом выявленные связи между субъективным ощущением счастья, оптимизмом и самооценкой и в выборке матерей, и в выборке детей по всем методикам (см. табл. 1, 2) подтверждают данные, полученные в многочисленных психологических исследованиях, о том, что оптимизм и самооценка человека являются значимыми факторами для его субъективного ощущения счастья.

Сравнительный анализ показателей самооценки, оптимизма и пессимизма у детей счастливых и несчастливых матерей также не выявил достоверных различий между ними.

Результаты корреляционного и сравнительного анализов опровергают гипотезу о связи между субъективным ощущением счастья матерей и самооценкой и оптимизмом их детей.

Не выявлено связи и между оптимизмом матерей и детей, т. е. оптимистические и пессимистические установки матерей не оказывают непосредственного влияния на ожидания относительно будущего у детей юношеского возраста. Этот возрастной период считается наиболее сензитивным для формирования оптимизма и пессимизма как стабильных личностных черт, ведь именно в это время особенно остро встают задачи профессионального, социального и личностного самоопределения, и от сделанного выбора во многом зависит благополучие человека в будущем [3]. Осознание своих способностей и возможностей, собственные успехи и неудачи начинают играть преобладающую роль в ожиданиях относительно будущего. В этом возрасте значимое влияние родителей на формирование личности ребенка завершается, хотя он еще и не достаточно самостоятелен. Оценка других людей перестает играть доминирующую роль, человек начинает оценивать себя, в основном опираясь на внутренние критерии. Но многие из этих критериев являются интериоризированными родительскими, что подтверждается полученными данными (см. табл. 1, 2) о связи самооценки матерей и детей.

Результаты данной работы служат основанием для дальнейшего изучения проблемы субъективного ощущения счастья (субъективного благополучия) по таким направлениям, как: исследование динамики взаимосвязи субъективного ощущения счастья и его личностных коррелятов у детей разных возрастных групп и их родителей; анализ влияния матерей и отцов на субъективное ощущение счастья у детей; связь субъективного ощущения счастья и его личностных коррелятов у представителей нескольких поколений семьи.

-
1. Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003. 270 с.
  2. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013. 268 с.
  3. Крюкова Т. Л. Оптимизм/пессимизм в совладающем поведении субъекта: межпоколенческий аспект // Психологическое исследование: теория, методология, практика : сб. материалов II Сиб. психол. форума. 30 нояб. — 1 дек. 2007 г. Томск, 2007. С. 236–242.
  4. Майерс Д., Динер Э. Кто счастлив? // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Ф. Фаликман. М., 2009. С. 399–411.
  5. Пермякова М. Е., Ершова И. А. Субъективное ощущение счастья у верующих и атеистов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 69–78.
  6. Селигман М. Как научиться оптимизму. М., 2013. 338 с.
  7. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006. 368 с.
  8. Тарасова Л. Е. Влияние детско-родительских отношений на самоотношение ребенка [Электронный ресурс] // Проблемы социальной психологии личности / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 2008 : [PsyJournals.ru]. URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30309.shtml (дата обращения: 21.11.2015).
  9. Diener E., Seligman M. Very Happy People [Electronic resource] // Psychological Science. 2002. Vol. 13. P. 81–84. URL: http://www.researchgate.net/publication/11468365_Very_Happy_People (accessed: 21.11.2015).
  10. Diener E. Happiness: The Science of Subjective well-being. 2015 (Diener Education Fund) [Electronic resource]. URL: <http://www.noba.to/modules/happiness-the-science-of-subjective-well-being> (accessed: 11.11.2015).

11. Eddington N., Shuman R. Subjective well-being (happiness) 2006. [Electronic resource]. URL: <http://www.texcpe.com/html/pdf/can/CARNSWB.pdf> (accessed: 11.11.2015).

12. Oishi S., Diener E., Lucas R. The Optimum Level of Well-Being: Can People Be Too Happy? [Electronic resource]. URL: <http://www.psychologies.ru/bisuos-diner-robert/optimalnyiy-uroven-schastya> (accessed: 24.05.2015).

Статья поступила в редакцию 28.11.2015 г.

УДК 159.937.54 + 004.738.5:655.41 + 316.48

К. В. Злоказов
О. В. Ломтатидзе
Э. В. Булатова

ЗРИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

В статье представлены результаты экспериментального исследования восприятия креолизованных текстов деструктивной направленности, получивших широкое распространение в сети Интернет. Изучение перцептивных особенностей проводилось с помощью системы для регистрации движения глаз RED 500 (ай-трекер). Использовались следующие показатели, характеризующие процесс восприятия изображений: частота и продолжительность морганий, длительность фиксации взгляда на элементах изображения, движения взгляда по изображению (саккады), изменение диаметра зрачка. Описаны различия в восприятии деструктивных текстов с разными (интраперсональными, интерперсональными и метаперсональными) объектами деструкции.

Ключевые слова: креолизованный текст; восприятие; айтрекинг; экстремизм; тексты деструктивной направленности.

Изучение креолизованных текстов (далее – КТ) – актуальная область психологических и лингвистических исследований. КТ рассматриваются преимущественно в аспекте взаимодействия разнородных компонентов в поле единого

---

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

ЗЛОКАЗОВ Кирилл Витальевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии служебной деятельности и педагогики Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург (e-mail: zkirvit@yandex.ru).

ЛОМТАТИДЗЕ Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: olga.lomtaticidze@urfu.ru).

БУЛАТОВА Элина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

текста. Поднимаются вопросы о границах креолизованных текстов, выявляются функции отдельных элементов, предлагаются классификации КТ [1–4, 10]. Полисемиотическая природа креолизованных текстов предопределяет значительный потенциал влияния подобных сообщений на адресата [7, 10]. Оценка влияния текстов на читателя осуществляется с акцентом на проблемах понимания текста, репрезентации его смысла читателем [11]. Описываются психологические свойства читателя, обуславливающие понимание смысла текста: свойства индивида [6], личности [8]. Вместе с тем ощущается дефицит сведений о восприятии креолизованных текстов деструктивной направленности, часто встречающихся в сети Интернет.

Распространенной разновидностью текстов деструктивной направленности выступают КТ, содержащие радикальные националистические, религиозные идеи. Воплощение подобных идей в тексте осуществляется двумя способами: явно — в форме призыва и/или зрительного образа, иллюстрирующего смысл призыва; косвенно, что требует от читателя мыслительной обработки вербального и невербального компонентов текста, интерпретации смысла метафоры и иных операций [12, 18–23]. Перлокутивный эффект текстов деструктивной направленности широк, включает когнитивные (информирование, привлечение внимания), эмоциональные (запугивание, воодушевление), поведенческие (образы поведения) стратегии.

Отличие деструктивного текста от других видов КТ — использование автором образов, знаков, изображений, символизирующих призыв к разрушению либо представляющих образ процесса, а равно и результат разрушения объекта социальной природы. Социальность объекта — важный признак деструктивного действия, по своему характеру направленного против общественно значимых ценностей.

Деструктивное действие в этом смысле — способ выстраивания идентичности путем разрушения социальных объектов, самоопределения и самопрезентации. Социальные объекты могут иметь разные масштабы: интраперсональные (например, собственное тело), интерперсональные (отношения с конкретными людьми), метаперсональные (социальные статусы, роли, социальные институты) [5, 244–245].

Образы интерперсональных и метаперсональных социальных объектов, символизирующих цель деструкции, широко представлены в КТ деструктивной направленности [21]. К подобного рода материалам относятся, например, видеофрагменты, распространяемые представителями террористических организаций — «Исламского государства», «Аль-Каиды», «Хизб-ут-тахрир» (их деятельность запрещена на территории Российской Федерации). Описываемые материалы воспроизводят нормы, ценности и идеологию религиозных радикалов, включают типичные формы террористического поведения (суицидальные атаки, массовые убийства), а также призывы к осуществлению подобных действий [19]. Реалистичное изображение разрушаемых социальных объектов преследует множественные цели. С одной стороны, оно ориентирует зрителя, позволяет ему уточнить образ деструкции, ее цель, с другой — демонстрирует деструктивную деятельность как ценность, рекламирует ее для тех лиц, кто допускает подобное

поведение. Использование социальных сетей, файлообменных сервисов позволяет представителям экстремистских организаций эффективно вести пропагандистскую работу, ориентируясь на поиск лиц, по своим психологическим свойствам способных влиться в ряды незаконных вооруженных формирований.

Изложенное актуализирует значимость изучения процесса восприятия КТ деструктивной направленности в контексте развития и совершенствования методик экспертной оценки — унификации алгоритмов и критериев анализа и оценки информационных материалов [9]. С целью определения особенностей восприятия креолизованных текстов деструктивной направленности было проведено экспериментальное исследование.

Описание дизайна, методики, стимулов и показателей эксперимента

Гипотезой исследования стало предположение о различиях в восприятии деструктивных текстов с разноплановыми объектами деструкции. Ее проверка осуществлялась путем применения доэкспериментальной схемы с предварительным отбором испытуемых по критерию наличия опыта деструктивного поведения и последующим предъявлением участникам экспериментальных изображений с разными объектами деструкции, фиксации их глазодвигательных реакций. Все изображения предъявлялись испытуемым с одинаковым периодом экспозиции — 30 с и паузой между ними продолжительностью 1 с.

Стимулами послужили изображения, размещенные в сети Интернет и адресованные широкому кругу читателей. Стимулирование глазодвигательных реакций нами осуществлялось путем применения образов интраперсональных, интерперсональных и метаперсональных объектов деструкции (рис. 1). Всего использовалось 9 изображений стимульного ряда (по три для каждого объекта), а также одно изображение для подготовки испытуемых к обследованию и тестирования аппаратуры.

Рис. 1. Примеры стимульных изображений, применявшихся в исследовании:
а — интраперсональный объект [13]; б — интерперсональный объект [15]; в — метаперсональный объект [14]

На изображениях запечатлен ряд элементов: инструменты деструкции (например, огнестрельное или холодное оружие); деструктивные действия,

условно разделенные на этапы: а) подготовительный — непосредственно перед совершением действия; б) реализующий — запечатлевающий субъекта в момент выполнения действия; в) констатирующий, изображающий объект, перенесший деструктивное воздействие.

В исследовании использовались следующие показатели, характеризующие процесс восприятия изображений:

- 1) частота и продолжительность морганий;
- 2) длительность фиксации взгляда на элементах изображения;
- 3) движения взгляда по изображению (саккады);
- 4) изменение диаметра зрачка.

Выборка исследования. В выборочную совокупность включались испытуемые, имевшие опыт агрессивных и деструктивных действий. Данное допущение обусловлено необходимостью контролировать эмоциональный эффект восприятия образов, содержащих элементы насильственных действий. Опыт деструктивных действий у участников эксперимента изучался путем структурированного самоотчета, включавшего пункты, касающиеся совершения деструктивных действий (например: «Стреляли ли вы из огнестрельного оружия по людям?»), а также нахождения в ситуации их осуществления («Были ли вы свидетелем стрельбы из огнестрельного оружия?»). Полученные ответы суммировались. В результате самоотчета установлено, что 47 % зрителей имели опыт деструктивных действий, совпадающий с представленным на изображениях, у 53 % подобного опыта не было. Данный показатель использовался при отборе испытуемых в выборку исследования, что определило ее размер — 21 человек. 9 испытуемых — мужского пола, 12 — женского. Средний возраст — 19 лет, $\sigma = 2,1$ лет.

Испытуемые были предупреждены о содержании изображений и им предъявлялись альтернативные варианты изображений перед показом стимульного ряда.

Аппаратура и методы. Восприятие КТ проводилось с помощью системы для регистрации движения глаз RED 500 (ай-трекер), в состав которой входят программные пакеты:

- 1) Experiment Center — для предъявления стимульного материала;
- 2) iView X — для регистрации данных эксперимента;
- 3) BeGaze SMI — для анализа данных.

Полученные результаты. Результаты исследования процесса восприятия изображений представлены в табл. 1 и на рис. 2–4.

Статистика свидетельствует о количественных различиях показателей морганий, фиксаций и саккад при восприятии различающихся по виду объектов изображений. При просмотре интраперсональных объектов испытуемыми осуществляется меньшее количество морганий, увеличивается продолжительность просмотра и количество зон внимания на изображении. Максимальное количество морганий в сочетании с минимальным количеством фиксаций и саккад характерно для восприятия метаперсональных объектов.

Таблица 1

Глазные реакции испытуемых при просмотре изображений деструктивной направленности

Вид объекта деструкции	Количество морганий		Количество фиксации		Количество саккад	
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение
Интраперсональный	1,8	3,44	45,0	24,70	46,1	26,42
Интерперсональный	3,0	6,13	42,5	19,90	44,8	24,99
Метаперсональный	3,5	7,74	40,1	14,16	43,4	21,62

Анализ результатов эксперимента

1. Оценка продолжительности моргания показывает, что испытуемые находятся с закрытыми глазами при предъявлении изображений метаперсонального и интерперсонального типа в среднем на 120 мс меньше, чем при просмотре интраперсональных изображений (см. рис. 2). Следует отметить, что средняя продолжительность моргания равна 300 мс [23], а количество морганий во время просмотра различных видов изображений статистически значимо не различалось.

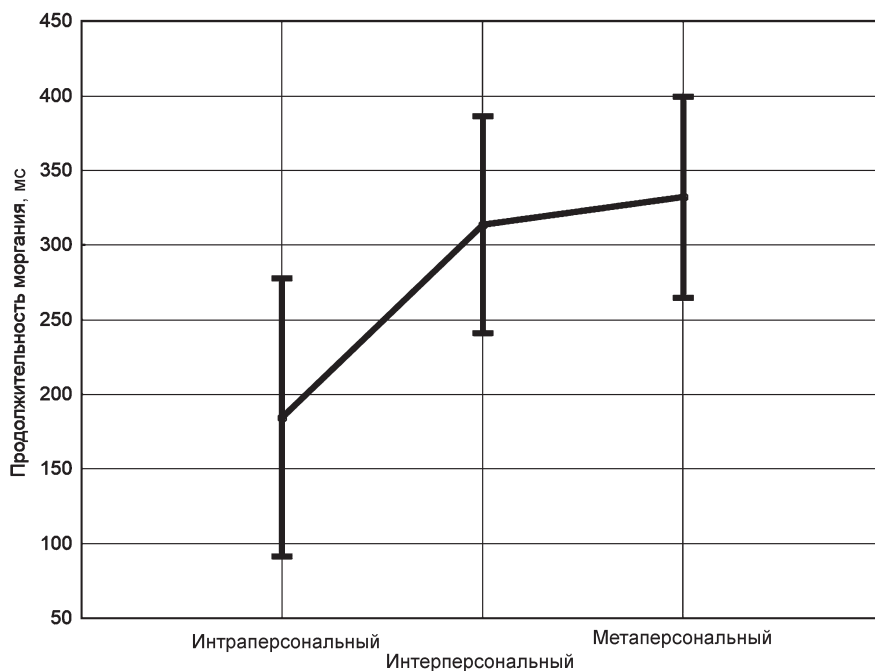

Рис. 2. Различия в продолжительности моргания при предъявлении изображений с различными объектами деструкции (статистически значимы, $F = 3,432$, $p < 0,03$)

Интерпретация изменения продолжительности моргания может опираться на: а) концепцию значимости воспринимаемой информации [22]; б) концепцию фильтра неприятной информации [24].

Снижение продолжительности моргания может быть обусловлено значимостью воспринимаемой информации: испытуемый подавляет нейрофизиологический механизм регуляции зрительного восприятия, сосредотачиваясь на важных для него объектах. Полученный результат позволяет предположить, что для испытуемых группа интраперсональных деструктивных изображений имела большее значение по сравнению с другими изображениями.

2. Как показывают исследования J. Gross и R. W. Levenson, продолжительность моргания может быть обусловлена стремлением избежать негативной информации, она выполняет защитную функцию, ограждая психику от неприятных изображений [18]. При этом снижение частоты моргания наблюдается при восприятии позитивных образов, а повышение частоты и увеличение продолжительности моргания наблюдается у испытуемых, воспринимающих негативные образы [17].

Для проверки этой статистической гипотезы нами были сгруппированы показатели частоты и длительности моргания (табл. 2).

Таблица 2

**Характеристика реакций моргания
при просмотре изображений деструктивной направленности**

№ п/п	Вид объекта	Частота морганий		Продолжительность моргания, мс	
		среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение
1	Изображения с интраперсональным объектом	1,2	1,61	171,7	85,55
2		1,4	1,25	183,4	87,63
3		1,3	1,31	201,5	93,14
4	Изображения с интерперсональным объектом	2,9	1,35	389,5	75,58
5		2,6	1,21	355,1	80,66
6		2,8	1,24	342,3	79,22
7	Изображения с метаперсональным объектом	3,1	1,23	332,4	72,96
8		3,5	1,57	351,8	69,4
9		3,9	1,64	406,3	65,26

Восприятие образов интраперсональной деструкции характеризуется минимальными реакциями моргания — меньшим количеством морганий и их продолжительностью. Максимальные значения эти показатели принимают при предъявлении изображений интер- и метаперсональной направленности. Отметим, что сопоставление реакций на изображения внутри групп (т. е. с одним объектом деструкции) методом ANOVA не показало значимых различий ($F = 1,12$, $p < 0,833$), что свидетельствует о гомогенности реакций моргания на изображения, относящиеся к одной категории.

В соответствии с концепцией фильтра неприятной информации изображения с деструктивными действиями в межличностном либо общественном контексте оказывают более негативное влияние, чем изображения, описывающие саморазрушающее поведение.

3. Длительность фиксации взгляда статистически значимо различается в зависимости от вида изображений (см. рис. 3). Элементы изображений, репрезентирующих метаперсональный объект деструкции, воспринимаются испытуемыми с большими временными задержками, чем элементы интра- и интерперсональных изображений (см. рис. 3; различия в длительности фиксации статистически значимы, $F = 4,546, p < 0,001$).

Дополнительно нами был проверен эффект неоднородности детализации изображений, т. е. простоты одних против усложненности других. Контроль простоты/сложности изображений позволяет оценить степень однородности стимулов и снизить риск возникновения ошибочных выводов при измерении восприятия. Для этого: а) было рассчитано количество фиксаций, которые делали испытуемые применительно к каждому изображению; б) полученные данные были сопоставлены друг с другом с помощью критерия χ^2 . Значимых различий по количеству фиксаций внутри групп изображений не установлено ($\chi^2_{\text{эмп}} < \chi^2_{\text{крит}}$), что, с одной стороны, свидетельствует об однородности стимульного материала, с другой — подтверждает наше предположение о семантической обусловленности фиксаций в противовес перцептивной. Испытуемые, рассматривая изображение, сосредотачиваются на интерпретации смысла запечатленных образов, а не на яркости, контрастности и иных визуальных особенностях, выделяющих его из числа предъявленных стимулов.

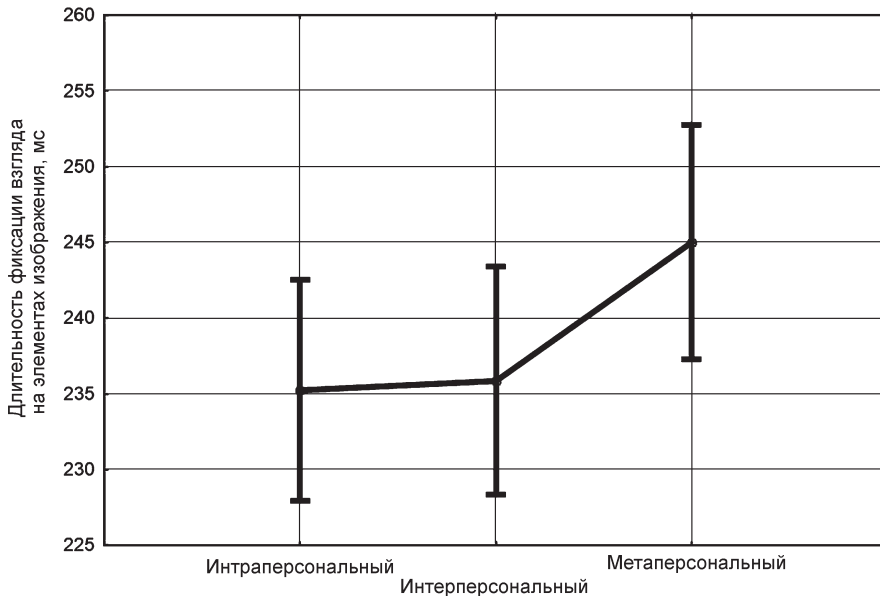

Рис. 3. Различия в средних значениях фиксации взгляда при просмотре изображений с различными объектами деструкции

С психологической точки зрения, большая продолжительность фиксаций на метаперсональных объектах, по сравнению с интраперсональными и интерперсональными объектами, на наш взгляд, обусловлена социальной значимостью этой группы изображений и, как следствие, большей познавательной активностью испытуемых.

4. Различия в диаметре зрачка обусловлены содержанием изображений (см. рис. 4) и статистически значимы ($F = 4,446, p < 0,001$).

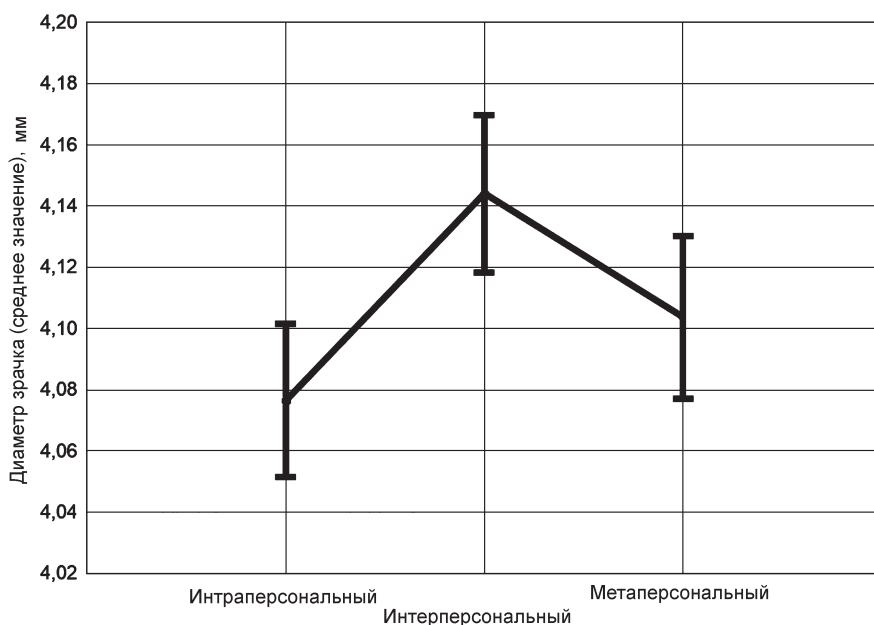

Рис. 4. Различия в диаметре зрачка у лиц, просматривающих изображения с различными объектами деструкции

Известно, что реакции зрачка здоровых людей отражают активность вегетативной нервной системы в ситуации физической, когнитивной нагрузки [16]. Установлено, что увеличение диаметра зрачка обусловлено психическим напряжением, возникающим в связи с воздействием различных источников стресса [20].

В нашем исследовании измерение диаметра зрачка осуществлялось с целью определения уровня эмоционального напряжения, вызванного просмотром изображений, содержащих объекты деструктивной направленности.

Представленные на рис. 4 реакции свидетельствуют о том, что просмотр интраперсональных объектов деструкции сопровождался минимальным диаметром зрачка, что, возможно, говорит об их низкой стрессогенности по сравнению с метаперсональными и интерперсональными.

Выводы

При кратковременном зрительном восприятии креолизованных текстов деструктивной направленности выявлена различная перцептивная активность реципиентов. Ее специфика определяется нами путем предъявления специально подобранных изображений и регистрации глазодвигательных реакций просматривающего их зрителя. Установлено, что разновидности объектов, претерпевающих деструктивное воздействие, вызывают дифференцированные глазодвигательные реакции аудитории. Так, восприятие интраперсональных объектов, т. е. образов, ассоциирующихся с телом, здоровьем и жизнью субъекта, характеризуется стремлением удерживать зрительный контакт, что проявляется в уменьшении продолжительности фазы «закрытых глаз» при моргании. Восприятие метаперсональных объектов, включающих образы общественных институтов (например, общественный порядок, правоохранительные органы, государство), сопровождается продолжительными фиксациями взгляда испытуемых на элементах изображений, что свидетельствует о когнитивных усилиях зрителя, направленных на детализацию воспринимаемой информации, стремлении более полно и точно понять смысл происходящего.

Эти выводы нуждаются в дальнейшем развитии, выходящем за рамки представленного исследования.

Перспективные направления экспериментальной работы можно условно разделить на текстовые, связанные с изучением особенностей вербальной и невербальной составляющих креолизованного текста, и субъектные, обращающие нас к психологическим свойствам читателя (зрителя). Оценка параметров восприятия креолизованного текста нуждается в разработке экспериментальной процедуры оценки траекторий движений взгляда по элементам изображений, сочетающейся с диагностикой нейропсихологических коррелят когнитивных процессов. Данное исследование позволит уточнить роль и значение элементов изображения в репрезентации смысла зрителем.

Анализ психологических свойств личности читателя (зрителя) имеет следующие исследовательские перспективы. Поскольку интраперсональные, интерперсональные и метаперсональные объекты деструкции, воплощенные в изображениях, раскрывают специфические типы отношения человека с социальной средой, показатели их восприятия косвенным образом свидетельствуют об особенностях ценностно-смысловой сферы зрителя. Дальнейшие исследования в этом направлении с привлечением респондентов без опыта деструктивных действий помогут расширить представления о специфике восприятия деструктивных креолизованных текстов. Поиск связей между личностными особенностями зрителя и восприятием текста расширяет возможности психологической диагностики и экспертизы.

---

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.

2. Булатова Э. В., Ефимова Т. Ю. Особенности смысловой структуры рекламного креолизованного медиатекста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4 (107). С. 11–18.

3. Булатова Э. В., Ефимова Т. Ю. Смысловая структура креолизованных медиатекстов малоформатных жанров // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 28–36.
4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 180–189.
5. Злоказов К. В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 244–251.
6. Креолизованный текст и его восприятие реципиентом, принадлежащим к другой лингвокультурной общности // Уч. зап. Ульян. гос. ун-та: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сер. : Лингвистика ; вып. 2 (5) / под ред. проф. А. И. Фефилова. Ульяновск, 2000. С. 53–57.
7. Кулагина И. В. Воздействие цвета в креолизованном рекламном тексте [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/211/06/737> (дата обращения: 25.06.2015).
8. Проект Ю. Л. Личностные детерминанты понимания и переживания стихотворного текста // Письма в Emissia. Offline : [электрон. науч.-пед. журн.]. СПб., 2007. URL: <http://www.emissia.50g.com/offline/2007/1168.htm> (дата обращения: 25.06.2015).
9. Савинов В. Н., Дорожжская Е. А., Сигарев А. В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминол. журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. № 2(9). С. 209–222.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–196.
11. Шелестюк Е. В. Этапы и макролингвистические средства воздействия на структуры сознания в текстах практической психологии // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2007. № 13 (91). С. 142–154.
12. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян. Екатеринбург, 2014. 272 с.
13. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/picsearch/post107146851/#> (дата обращения: 01.06.2015).
14. [Электронный ресурс]. URL: <http://photo.sf.co.ua/id383?lang=uk> (дата обращения: 01.06.2015).
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipnews.in.ua/index.php/> 2014/11/21/v-melitopolzhestoko-izbili-shkolnika (дата обращения: 01.06.2015).
16. Beatty J. The pupillary system // Psychophysiology: Systems, processes, and applications. N. Y., 1986. P. 43–50.
17. Jackson C., Malmstadt R., Larson L., Davidson J. Suppression and enhancement of emotional responses to unpleasant pictures // Psychophysiology. 2000. № 37. P. 515–522.
18. Gross J., Levenson W. Emotional suppression: Physiology, self-report, and expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. № 64(6). P. 970–986.
19. Evolution of Jihad Video, v 1.0. [Electronic resource]. URL: <http://www.intelcenter.com/EJV-PUB-v1-0.pdf> (accessed: 01.06.2015).
20. Partala T., Surakka V. Pupil size variation as an indicator of affective processing // International Journal of Human-Computer Studies. 2003. № 59. P. 185–198.
21. Salem A., Reid E., Chen H. Multimedia content coding and analysis: Unraveling the content of jihadi extremist groups' videos // Studies in Conflict & Terrorism. 2008. № 31. P. 605–626.
22. Shultz S., Klin A., Jones W. Inhibition of eye blinking reveals subjective perceptions of stimulus salience // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2011. № 108. P. 21.
23. Vanderwerf F., Brassinga P., Reits D. et al. Eyelid movements: behavioral studies of blinking in humans under different stimulus conditions // Neurophysiology. 2003. № 89. P. 2784–2796.
24. Volkman F. C., Riggs L. A., Moore R. K. Eyeblinks and visual suppression // Science. 1980. № 207. P. 900–902.

НАРУШЕНИЯ РАЗВИТИЯ АФФЕКТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИ АУТИЗМЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

В статье развивается уровневый подход к диагностике и психотерапии аутистических расстройств у детей. Автором обобщен эмпирический материал собственных лонгитюдных наблюдений за развитием поведения, невербальной коммуникации, символической активности 170 детей с сочетанными аутистическими и аффективными расстройствами. Описываются принципы и линии диагностики аутистических симптомов и новый способ анализа глубины аутизма по типу связей аутистических симптомов со здоровыми проявлениями. Фокус диагностики — на оценке возможностей положительной динамики центральных симптомов в рамках даже одного терапевтического наблюдения. Выявление люфта, движения симптомов на разных уровнях развития поведения позволяет определить порядок восстановления нарушенных ранее аффективно-поведенческих комплексов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: развитие; терапевтическое наблюдение; диагностика; аффективно-поведенческие комплексы; аутизм.

Недостаточность системных исследований психического развития детей с аутизмом в последнее время очевидна. С одной стороны, в России очень быстро распространяются поведенческие технологии коррекции аутизма, основанные на простой скиннеровской схеме «стимул — реакция». С другой стороны, появляются новые теории аутизма, пытающиеся объяснить все аутистическое развитие, исходя из отдельных фрагментов поведения ребенка с аутизмом.

Наблюдая за развитием большого количества детей с аутизмом на протяжении длительного времени, мы можем утверждать, что каждый феномен их поведения, который берется как эмпирическая основа какой-либо частной теории аутизма (сенсорной дезинтеграции, зеркальных нейронов, theory of mind), имеет противоположный себе, который эта теория не учитывает. Например, ребенок с аутизмом, симбиотически привязанный к матери, может время от времени обнаруживать очень высокую способность к сенсорной интеграции, тонко реагируя на малейшие изменения эмоционального состояния матери и мгновенно меняя свое поведение в соответствии с этими сигналами. Способность детей с аутизмом, пусть и отсрочено, воспроизводить дословно слышанный текст, диалоги, шумы, изображать действия понравившихся им персонажей из мультфильмов и компьютерных игр — общеизвестный факт, который указывает на то, что периодически зеркальные нейроны у детей с аутизмом работают в очень интенсивном режиме. Идея дефицита способности у детей с аутизмом понимать внутренние состояния

БАРДЫШЕВСКАЯ Марина Константиновна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (e-mail: marinabard@yandex.ru).

© Бардышевская М. К., 2016

другого человека, на которой строится theory of mind, находит опровержение в наблюдениях за аутичными детьми с садистическими фантазиями. Например, ребенок, который изолирует себя от контактов, находясь в группе детей, на индивидуальном занятии, напротив, активно играет и оценивает каждое свое действие по тому эффекту, которое оно производит на психолога. Так, ребенок, увлеченный разыгрыванием садистического сюжета, в котором делает фигурку, изображающую психолога, своей жертвой, очень внимательно отслеживает переживания взрослого и интересуется его состоянием, правильно и вежливо формулируя вопросы («Чтобы ты чувствовала, если бы это происходило с тобой?»). Кроме того, у детей с аутистическими проявлениями (до времени «кристаллизации» синдрома раннего детского аутизма) в условиях рано начатой коррекции эмоционального контакта достаточно быстро восстанавливаются именно коммуникативные способности (отклик на обращение к ребенку по имени, глазной контакт, заражение улыбкой, удовольствие от внимания взрослых). Однако эти проявления дольше, чем у типично развивающегося ребенка, остаются неустойчивыми: вероятность их возникновения в каждом конкретном случае взаимодействия с ребенком непредсказуема.

Таким образом, устойчивой характеристикой психического развития детей с аутизмом оказывается только *легкость возникновения* у них даже при небольшом усилении аффективной нагрузки собственно аутистических состояний, форм поведения, контакта и символической активности. Мы считаем, что основное нарушение психического развития детей с аутизмом — **в искажении связей** между доступными им полярными проявлениями, в отсутствии ряда промежуточных ступеней, в нарушении динамики, а не в самих феноменах.

Целью нашего исследования вариантов развития аутичных детей является разработка такой методики диагностики, в которой акцент переносится с оценивания тяжести и характера аутистических проявлений как таковых на оценку *связей* этих проявлений со здоровыми паттернами. Это важно для разработки индивидуальной терапевтической программы для конкретного ребенка. В настоящей методике по сравнению с предшествующим авторским вариантом оценки тяжести эмоциональных нарушений по уровням регуляции [3] на первый план выходят динамические особенности аутистических проявлений, условия и шаги перехода к более здоровым паттернам.

Характеристика исследованных детей

Нами наблюдались 170 детей с сочетанными аутистическими расстройствами и аффективными нарушениями из следующих групп: 1) младенцы из дома ребенка (от 0 до 2,5 лет; 27 детей, длительность наблюдения за каждым ребенком — от 2 месяцев до 2 лет); 2) дети дошкольного возраста (от 3 до 8 лет) из острого отделения психиатрической больницы (88 детей, длительность наблюдения — от 2 месяцев до 5 лет); 3) дети с мягкими чертами аутизма (от 1,5 до 7 лет) из детского сада комбинаторного типа (7 детей); 4) дети (от полутора до 15 лет), к которым применялась индивидуальная психотерапия (48 детей, длительность наблюдения — от полугода до 13 лет).

Спровоцировали развитие аутистических проявлений воздействия, связанные с эмоциональной депривацией, совпавшие с обострением соматического неблагополучия, вплоть до угрозы для жизни ребенка (поствакцинальные осложнения, травмы, инфекции, интоксикации). Сопутствующие отягощающие факторы: длительная социальная изоляция (пребывание детей из дома ребенка в изоляторе; нахождение недоношенных в отделениях выхаживания с ограниченным доступом матери к младенцу); интрузивные медицинские процедуры на первом году жизни; многократные хирургические вмешательства под общим наркозом, а также психическое состояние матери (депрессия, связанная с тяжелыми жизненными обстоятельствами, в первые два года жизни ребенка; биполярное расстройство).

У всех наблюдавшихся детей аутистические расстройства сочетались с аффективными (депрессивными, маниакальными проявлениями, страхами использования новых навыков, истериками и аффективными вспышками). В большинстве случаев именно проявления сильного аффекта ребенка наряду с «провалами» в его психическом развитии, а не аутистические симптомы как таковые, сильнее всего беспокоят родителей и воспитателей.

Явления неравномерности и неустойчивости в развитии детей с аутизмом

Психическое развитие детей с аутизмом характеризуется высокой неравномерностью с фиксацией ранних, а порой и архаических, типов контакта ребенка с другим человеком, форм аффективного реагирования, поведения, символической активности, утверждения себя. При этом в некоторых областях ребенок мог опережать сверстников.

Следствием высокой неравномерности является крайняя неустойчивость «здоровых» (своевременных или даже преждевременных) проявлений психической активности и поведения ребенка. Нарушения динамики собственно аутистических проявлений носят несколько иной характер: после длительного периода зацикливания, жесткой фиксации симптома он внезапно исчезает, а на его месте возникает новый.

Основные принципы диагностики и терапии ребенка с аутизмом в уровневой модели развития аффективно-поведенческих комплексов. Метод терапевтического наблюдения

Диагностика психического развития ребенка с аутизмом в рамках **терапевтического наблюдения** [2] — это диагностика возможностей сглаживания неравномерности развития ребенка, без редуцирования этой неравномерности до недоразвития; оценка возможной положительной динамики, т. е. достижения произвольной регуляции аутистического поведения и устойчивости использования здоровых форм.

Исследование неравномерности психического развития у детей с аутизмом мы проводим в связи с особой динамикой их эмоционального состояния в условиях

терапевтического наблюдения. Мы считаем, что, по крайней мере, часть аутистических симптомов (нарушения типа контакта) связана с аномальным аффектом, в наиболее грубых случаях повреждения раннего развития — с тем, что ребенок ощущает себя неживым или не ощущает себя вовсе. Терапевтическое наблюдение отличается от других методов стимуляции (фармацевтической, биоакустической и пр.) развития тем, что мы стимулируем развитие не отдельных функций, а, прежде всего, развитие ощущения ребенком себя как живого источника активности, индивидуально подбирая мягкие аффективные нагрузки, опираясь на знание естественных механизмов развития и компенсации.

Психологу, работающему с ребенком с аутизмом, надо четко представлять, какое место в норме занимают симптомы, сходные с аутистическими, и как нормальный ребенок отказывается от их использования. Поэтому в наблюдении мы опираемся на разработанные нами таблицы развития аффективно-поведенческих комплексов (АПК), в которых конкретные паттерны различных видов поведения, невербальной коммуникации, символической активности распределяются по уровням¹. Таблицы разработаны нами на основе анализа видеозаписей развития поведения детей, за которыми велось лонгитюдное наблюдение. Эти видеозаписи являются и иллюстрацией, и доказательством валидности исследования. Для анализа терапевтического потенциала развития конкретного ребенка оптимально иметь 10 коротких (продолжительностью не более 1–2 минут) видеофрагментов (по 2 на каждый аффективно-поведенческий комплекс), иллюстрирующих возможности изменения поведения ребенка.

Аутизм как *нарушение человеческих связей* может быть излечен только через живую человеческую связь. Дети с аутизмом чувствуют связи с другим человеком намного более интенсивно из-за нарушения регуляции своего состояния в контакте с окружающими и поведения в контакте по принципу «все или ничего». Так, в группе они чувствуют линии направления взглядов большого количества людей, ощущают эти взгляды как проникающие внутрь себя и даже более интенсивные, чем прикосновения, так что быстро перевозбуждаются и истощаются. Поэтому в своей работе мы исключаем «голые», не опирающиеся на опыт хорошего контакта с психологом, жесткие директивные поведенческие воздействия, которые могут привести к фиксации пассивности, аутистических защитных форм поведения и ощущения ребенком себя как неживого. Повторяю, что речь идет о терапии детей с аутизмом, т. е. именно с искаженным развитием [4], в противоположность дрессуре, которая является основным методом *педагогической* (не психологической) коррекции нежелательного поведения детей с недоразвитием умеренной степени и тяжелым сочетанным дефектом (т. е. с олигофренией или ранней деменцией, осложненной аутистической и иной симптоматикой). Более того, мы ничего не имеем против обычной дисциплины и четкого структурирования жизни любого ребенка в соответствии с правилами его семьи, но это не терапия.

---

¹ В настоящее время таблицы готовятся к публикации в книге автора «Уровневая диагностика психического развития ребенка с аутистическими и эмоциональными расстройствами», в которой подробно описывается процедура оценки развития аффективно-поведенческих комплексов.

Сопоставление данных наблюдений разной продолжительности за явлениями неравномерности и неустойчивости

В *кратковременном наблюдении* за детьми с аутистическими и аффективными расстройствами (на первом-втором диагностических занятиях с пробными терапевтическими воздействиями) мы отмечаем внезапную, вызванную минимальными внешними стимулами смену эмоционального состояния на противоположное. Эта смена сопровождается резкими изменениями типа контакта с матерью и психологом, характера символической активности ребенка.

Как отмечалось выше, в некоторых ситуациях ребенок с аутизмом обнаруживает точное моментальное понимание эмоционального состояния матери по минимальному внешнему изменению ее эмоционального выражения, демонстрирует мощную по своему воздействию на окружающих невербальную коммуникацию. Эти проявления чередуются с периодами «выпадения» ребенка из контакта. Нормальные слова или краткие моменты психологически понятной ролевой игры с игрушками могут внезапно прерываться, и ребенок погружается в свою, аутистическую игру, сопровождаемую криками, всплеском стереотипных движений без всякого внешнего интереса к игрушкам. Нередко подобным образом ребенок реагирует на изменение интенсивности общей аффективной нагрузки, например, в случае обсуждения при ребенке его болезненного состояния или несовпадения позиций матери и психолога, которые ребенок может воспринять как конфликт и угрозу для себя.

В *среднесрочном наблюдении* (цикл из нескольких наблюдений) за детьми с аутизмом в разных режимах активности отмечают разные по уровню онтогенетического развития достижения ребенка. В ряде случаев эти перемены на определенном этапе терапевтического наблюдения можно связать с изменениями в близких контактах ребенка с матерью или отцом (отъездом или возвращением и пр.).

Долговременное наблюдение (терапевтическое наблюдение раз в неделю на протяжении нескольких месяцев и/или лет) позволяет увидеть увеличение удельного веса явлений задержки по сравнению с явлениями искажения при благоприятном изменении следующих внешних и внутренних условий развития: а) нормализации (стабилизации) настроения ребенка; б) смене социальной ситуации развития (адаптации в детском коллективе), в) восстановлении ранних форм привязанности между ребенком и матерью; г) восстановлении целостности ранних аффективно-поведенческих комплексов и их упорядочивании.

В этих случаях реакции ребенка с первоначальной острой депрессией и страхами перед использованием новых навыков (отказом от развития) становятся более простыми и понятными, а сам ребенок — более ласковым. При этом готовность ухода в первоначально наблюдавшиеся аутистические состояния остается высокой, однако глубина их значительно уменьшается (ребенок откликается на обращение).

Все эти проявления неустойчивости развития у детей с аутизмом описываются нами в *динамических* показателях (паттерн неожиданно возникает вне сензитивного периода, неожиданно пропадает, колеблется между полюсами, отмечаются «рваный» ритм контакта, задержка ответа, парадоксально сильные

реакции на нагрузки малой интенсивности и, наоборот, парадоксальные реакции на лекарства, «пляска» образов, в которые перевоплощается ребенок, и т. д.).

Эти разнообразные феномены неравномерности послужили толчком для создания и разработки уровневой модели развития аффективно-поведенческих комплексов, метода терапевтического наблюдения, диагностической пошаговой схемы анализа развития поведения, эмоциональных состояний, символической активности и типа контакта ребенка с другим человеком, а также программы терапевтических воздействий для детей с аутизмом.

Диагностика тяжести повреждения

Тяжесть аутизма определяется нами не по количеству аутистических симптомов как таковых (как в МКБ-10), а, во-первых, по количеству шагов, которые должен проделать ребенок с аутизмом для овладения поведением, которое мы могли бы ожидать у типично развивающегося ребенка его возраста; во-вторых, по степени неравномерности: зазору между наиболее и наименее «здоровыми» проявлениями данного поведения, типа контакта, символической активности, которые наблюдаются у ребенка, т. е. по расстоянию между типичными для данного ребенка полюсами.

Диагностика основного поврежденного аффективно-поведенческого комплекса. АПК: определение и виды

Аффективно-поведенческий комплекс (АПК) [1] — это особый режим активности, при доминировании или изоляции которого ребенок реагирует лишь на определенный набор аффективных нагрузок определенным эмоциональным состоянием, демонстрирует определенные типы поведения, допускает определенные типы контакта с другим человеком и по-особому их символизирует. Чаще всего повреждаются следующие виды АПК: психофизиологического выживания; симбиотический; экспансии; игровой-диалогический и привязанности; образно-символический. По тому, какие нагрузки являются наиболее непереносимыми для ребенка, мы определяем наиболее поврежденный АПК. При раннем повреждении АПК *выживания* любые сенсорные и эмоциональные перегрузки быстро вызывают у ребенка истощение и состояние страха собственной гибели, переживаются как болевой опыт, который ребенок парадоксальным образом выражает и усиливает в приступах аутоагрессии. При повреждении АПК *симбиотического* для ребенка непереносимо разрушение привычных связей, на которое он реагирует катастрофической депрессией или истерикой. При повреждении АПК *экспансии* непереносимы состояние собственной беспомощности, потери контроля над поведением другого человека, признаки доминантности другого человека или даже животного (ребенок, чтобы сохранить доминирующую позицию, седлает большую собаку и пр.). При повреждении АПК *игрового-диалогического и привязанности* непереносимы малейшие отклонения от идеального контакта, когда нарушается возможность предвосхищения поведения другого человека (непредсказуемые

реакции на одно и то же событие, опоздание, разлуки на неопределенный срок), в этих случаях ребенок реагирует агрессией или депрессией. При повреждении АПК *образно-символического* нарушается способность ребенка обобщать свой эмоциональный опыт как принадлежащий себе, т. е. как человеку с определенным именем (отрицание своего имени), и дифференцировать этот опыт по основным биполярным категориям: «плохой — хороший», «маленький — большой», «внутри — снаружи», «мальчик — девочка» и пр.

Экспресс-диагностика фиксированных фрагментов раннего поведения и контакта

Паттерн нами понимается как поведенческое проявление с определенной эмоциональной «подкладкой», определенным типом контакта с другим человеком, с символизацией этого типа контакта. Тип контакта чрезвычайно важен для диагностики и терапии, потому что *связи* между психическими функциями, видами поведения, между эмоциональным опытом и символической активностью вторичны по отношению к связям ребенка с другим человеком.

Признаком раннего повреждения развития АПК является упорное использование раннего паттерна, *циклические колебания между 2–3 ранними паттернами, принадлежащими разным АПК.*

Например, дети с аутизмом при доминировании изолированных элементов АПК выживания часто колеблются между неуловимой позицией сверху (ускользание от контакта путем перемещения по подоконникам) и «укоренением» в теле взрослого путем «прилипания» к нему сверху (забираются на спину, обхватывают шею взрослого сзади; это элементы АПК симбиотического и экспансии). При этом и связи между другими видами поведения будут представлять такое же парадоксальное сочетание изоляции и слияния.

Так, в раннем младенчестве ребенок реагирует фонтанирующей рвотой на предлагаемую ему пищу, но пристально следит за каждым движением ложки матери, когда она ест; в возрасте 3 лет тот же ребенок не делает предложенное задание сам, но боковым зрением отслеживает, как делают другие.

Следующий пример иллюстрирует колебания между изолированными проявлениями экспансии и спутанности в символической активности. Ребенок то настаивает на своем доминировании (в 2,5 года просто кричит зычным голосом: «Я-Я-Я!»; в 4 года произносит ясно, но с измененной интонацией: «Я могу», «Я пойду», «Я хочу»), то называет себя именем матери и «перепоручает» ей говорить за себя.

Типичный для ребенка с аутизмом «феномен тождества», включающий протесты против изменения окружающей обстановки, — это протест против разрушения его связей по типу «залипания» с ведущим изолированным симбиотическим АПК. Фиксации «феномена тождества» способствует особая символическая активность ребенка с аутизмом, которая проявляется при ощущении потери (признак раннего повреждения образно-ролевого АПК: пустота, потеря связи, расстояние между людьми символизируется раньше, чем сами люди).

Например, когда ребенок в магазине видит множество детской одежды и обуви при полном отсутствии детей, он кричит от ужаса, так как не понимает, куда делись все эти дети, одежду и обувь с которых, в представлении ребенка, сняли. Когда мать объясняет ребенку, что угрозы нет, ребенок успокаивается и позволяет примерить обувь. Ощущением пустоты с «оплакиванием» дети с аутизмом реагируют на отъезд членов семьи.

Диагностика динамики паттерна

Мы выделяем несколько проявлений *ситуативной* неустойчивости:

1) для проявления и поддержки нового паттерна требуется внешняя стимуляция, паттерн угасает, как только взрослый перестает «подпитывать» его проявление; состояние депрессии или стремительно наступающего истощения с явлениями психосоматического криза (рвотой и пр.) не позволяют ребенку практиковать паттерн. Эта особенность отмечается при доминировании или изоляции «отколотых» ранних паттернов от поврежденного АПК *выживания*;

2) спонтанная практика нового паттерна связана с сильным конфликтом и сопровождается вспышками негативного аффекта (агрессии и аутоагрессии) и аутостимуляции — при изоляции элементов рано поврежденного АПК *симбиотического*;

3) после разового спонтанного использования на приподнятом (иногда до маниакального) эмоциональном фоне паттерн (слово, жест, мимика, действие) «исчезает» из активного репертуара — *при слиянии элементов рано поврежденных АПК экспансии и АПК образно-символического*;

4) новый паттерн обнаруживается только тогда, когда ребенок находится в определенном — редком для него — эмоциональном состоянии, при этом паттерн является чуть ли не единственной меткой данного состояния — при изоляции рано отколовшихся от элементов АПК *образно-символического*.

Соответствующие возрасту новые достижения (например, речь у ребенка на втором году жизни) у типично развивающегося ребенка появляются на фоне достаточно ровного эмоционального состояния, а не в критических состояниях чрезмерного возбуждения или истощения. У ребенка с аутизмом (вне терапии) доминируют полярные эмоциональные состояния, без промежуточных и переходных, необходимых для правильного закрепления нормативного возрастного паттерна.

Диагностика связи аутистического проявления со здоровым поведением

Чтобы «измерить» глубину аутизма, мы должны знать, в каком возрасте, как часто, у каких детей «проскакивают», но не получают дальнейшего развития паттерны, сходные с аутистическими, и за счет чего эти явления исчезают, редуцируются или компенсируются. То есть механизмы компенсации аутистических проявлений мы можем понять, только зная более общие закономерности психического развития детей, которые имели в раннем детстве риск развития аутизма,

но не стали аутистами. Поэтому мы в нашей работе определяем аутистические симптомы как паттерны, которые находятся в определенной *связи* со здоровыми проявлениями. Мы не рассматриваем аутистические симптомы как нечто, что в корне отлично от здорового поведения и нуждается в мерах, сходных с хирургическими (устранение нежелательного поведения путем жесткой дрессуры, тяжелой психофармакотерапии).

Аутистический симптом в этой логике может быть понят как:

1) «нулевой цикл», самая начальная стадия развития поведения, когда находящееся в зачаточном виде, «недоношенное» поведение преждевременно стимулируется, вызывается к жизни, но срывается из-за незрелости механизмов регуляции — *риск повреждения АПК выживания*;

2) факультативный паттерн, дополняющий «здоровый», однако занявший в поведении ребенка не предназначенное для него в норме важное место, зафиксировавшийся — *риск повреждения АПК симбиотического*;

3) альтернатива «парному» здоровому признаку, отказ личности от развития² — *негатив АПК экспансии*;

4) маскированный, «утопленный» в потоке своеобразного поведения здоровый паттерн, обнаружению и озвучиванию которого психологом ребенок рад — *возрождение АПК игрового-диалогического*;

5) вычурный паттерн, имеющий длительную историю развития в изоляции, осколок раннего АПК, который «оброс» сверхценными фантазиями для данного ребенка — *своеобразие развития образно-символического АПК*.

Диагностика типов связей

Каждому АПК (при его доминировании) соответствует своя динамика переходов от одного эмоционального состояния к другому, от одного вида поведения к другому, от одного типа контакта к другому, от одного символа к другому.

На основе феноменологии этих переходов нами выделяются разные типы связей:

1) «точечная» связь с красивым фрагментом окружения (*при изоляции и доминировании АПК выживания*), при обрыве которой (вынужденном расширении фокуса внимания) возникает аутистическая изоляция (ребенок перестает чувствовать себя живым);

2) связи по типу спутанности, «залипания», цепочки (*при изоляции и доминировании АПК симбиотического*), при обрыве которых возникает вакуум активности, переживаемый ребенком как катастрофическая депрессия с соответствующей острой аффективной симптоматикой;

3) связь по типу жесткого доминирования отдельного элемента; «звездная» связь: в поведении ребенок руководствуется первым и исключительным выбором

² При оценке этих феноменов важно понять: какова позиция самого ребенка, наблюдаем ли мы в большей степени техническую невозможность использования паттерна или личностный отказ? Насколько произвольным является «расфокусирование», соскальзывание в речи и пр.?

при любых аффективных нагрузках (*при изоляции и доминировании АПК экспансии*);

4) неустойчивые иерархические связи, выбор поведения осуществляется на основе подстраивания к сигналам, исходящим от находящегося рядом человека, без учета того, является ли он «своим» или «чужим» («аутизм наизнанку») (*при изоляции и доминировании АПК игрового-диалогического*);

5) гибкие иерархические связи, заданные определенным образом или социальной ролью (*при доминировании образно-символического АПК*).

При невозможности реализации, повреждении двух последних, наиболее эволюционно сложных типов связей происходит регресс к первым трем как более примитивным, заданным этологически.

Терапевтические воздействия подбираются нами в зависимости от только что рассмотренных структурно-динамических характеристик нарушенного паттерна и в зависимости от его места в определенном АПК. Так как тип контакта является наиболее гибким компонентом АПК, то основные воздействия связаны с изменениями его характеристик. Терапевтические воздействия, направленные на восстановление рано поврежденных АПК нижних уровней, скорее поведенческие. Это дозировка контакта; выбор наиболее предпочитаемого ребенком пространственного расположения и канала коммуникации; подстраивание динамических характеристик эмоционально-выразительного и игрового поведения психолога к особенностям и интересам ребенка. Более директивные воздействия (просьбы, инструкции) возможны только при условии установления многоканального полноценного эмоционального контакта между ребенком и психологом.

Терапевтические воздействия, направленные на развитие АПК игрового-диалогического, привязанности и образно-символического, — смысловые. Это связывание психологом фрагментов деятельности ребенка в целое; синхронная символизация на доступном ребенку языке текущих параметров взаимодействия с матерью и психологом; одновременное взаимодействие с ребенком и матерью (у детей с симбиотической связью); «улавливание» маскированных слов, жестов, рисунков, игровых действий ребенка и их озвучивание, прояснение, выжидание отсроченного ответа ребенка и его эмоционально-смысловое подкрепление; использование любимых книжек, игрушек ребенка как эмоционального словаря; помощь ребенку в представлении одного и того же эмоционального опыта в игре, рисунке, речи.

Чтобы сделать развитие ребенка с аутизмом более устойчивым, предсказуемым, сгладить неравномерности, добиться произвольности реагирования и выбора из широкого репертуара поведения и спектра переходных, промежуточных между полюсами состояний, необходимо укоренение паттерна по всей «пирамидке» аффективно-поведенческих комплексов. В терапии мы двигаемся от изолированного «осколка» АПК к более целостному паттерну, который в зависимости от текущей эволюционной задачи может быть включен в любой АПК.

Например, ребенку, избегающему смотреть в глаза, отслеживающему взрослого боковым взглядом и только изредка пользующемуся прямым глазным контактом для выражения требования достать что-либо, предстоит восстановить целый ряд других

паттернов, в том числе промежуточных между теми, которыми он владеет произвольно. Постепенно усложняющийся репертуар глазного контакта будет выглядеть так: 1) избегание при угрозе; 2) произвольное «отзеркаливание» особенностей взгляда другого человека и его мимики при приспособлении к контакту с новым человеком; 3) доминантный прямой взгляд при отстаивании своих интересов в монологе; 4) исследование взглядом лица взрослого (сочетание взгляда и прикосновений); 5) правильное чередование глазного контакта с речевым высказыванием в диалоге; 6) сочетание взгляда с улыбкой и живой мимикой в близком контакте, что позволяет ребенку делиться своим хорошим эмоциональным состоянием (теплом от лучистого взгляда) с другим человеком; 7) «внутренний взгляд» (ребенок прикрывает глаза) в состоянии задумчивости и при размышлении.

Повторим, что восстановление преждевременно разорванных ранних связей в рано поврежденном АПК требует выжидания появления намеков или зачаточных, «замороженных» проявлений рано выпавших паттернов, длительного наблюдения за развитием ребенка, но не исключают директивных воздействий (просьб, инструкций). Однако в нашей практике директивные воздействия возможны только после того, как ребенок начинает осмысленно (с интересом) смотреть на взрослого (на его лицо целиком) в сочетании с улыбкой. Конкретная пропорция директивного воздействия и тонизирующего, оживляющего ребенка эмоционального контакта подбирается на основе знания следующих одного-двух шагов в развитии ребенка и с учетом индивидуальных особенностей психолога. Детям с аутизмом удобнее выстраивать диалог с эмоционально теплым (не ледяным и не «затапливающим» ребенка своими эмоциями) взрослым, при условии, что эмоциональные проявления этого взрослого очень четкие и предвосхищаемые.

Методика оценки уровневого развития аффективно-поведенческих комплексов и представленные выше линии анализа аутистических проявлений могут использоваться не только психологами, но и специалистами в других областях (психиатрами, педиатрами, логопедом, дефектологами), занимающимися: 1) профилактикой аутистических и аффективных расстройств у детей раннего возраста из групп риска; 2) консультированием родителей детей с аутизмом; 3) диагностикой типа развития ребенка с аутизмом с целью выбора оптимального маршрута обучения и социализации; 4) разработкой пошаговой программы помощи детям с неустойчивостью и непредсказуемостью психического развития; 5) составлением научно обоснованного прогноза психического развития детей с отказами от развития в ключевых областях.

В настоящее время методика уровневой диагностики развития аффективно-поведенческих комплексов включена в стандарт комплексного обследования детей с расстройствами аутистического спектра³ на этапе первичной диагностики и на этапе оценки эффективности проведенного лечения в Научно-практическом

---

³ В тот же комплекс входят методика ADOS, которая, однако, применяется только на этапе первичной диагностики, так как не способна выявить изменения в динамике состояния ребенка, и клинично-психиатрическая методика CARS. Презентация стандарта обследования состоялась 3 декабря 2015 г. в рамках внутрибольничной конференции.

центре психического здоровья детей и подростков им. Г. Е. Сухаревой Департамента здравоохранения г. Москвы.

1. Бардышевская М. К. Уровневая модель развития аффективно-поведенческих комплексов // Вопр. психологии. 2012. № 3. С. 68–77.
2. Бардышевская М. К. Терапевтическая роль наблюдения за детьми с аффективно-поведенческими комплексами // Вопр. психологии. 2014. № 3. С. 118–130.
3. Бардышевская М. К., Лебединский В. В. Диагностика эмоциональных нарушений у детей. М., 2003.
4. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей. М., 1985.

Статья поступила в редакцию 11.12.2015 г.

УДК 159.943.6-053.2 + 616.89-084

С. Ю. Киселев
О. А. Львова
Н. И. Бакушкина

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ДИАГНОСТИКЕ НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ, ИМЕЮЩИХ РИСК РАЗВИТИЯ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В статье рассмотрены основные подходы к оценке становления и развития нейрокогнитивных функций у детей раннего возраста. Особое внимание уделено таким методам, как шкалы Бэйли, ЭЭГ и ай-трекинг. На примере двух младенцев из группы риска по развитию расстройств аутистического спектра показано сочетание клинических методов и инструментальной диагностики, а также уровень информативности указанных методик в оценке нейрокогнитивного развития детей в течение первого года жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дети первого года жизни; расстройства аутистического спектра; шкалы Бэйли; ЭЭГ; ай-трекинг.

Становление нейрокогнитивных функций в онтогенезе — междисциплинарная проблема, исследованием которой занимаются педиатры, неврологи, психологи, нейрофизиологи и специалисты других областей научного знания. Когнитивное развитие определяют многие факторы: процесс внутриутробного развития

КИСЕЛЕВ Сергей Юрьевич — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: s.j.kiselev@urfu.ru).

ЛЬВОВА Ольга Александровна — кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой неврологии детского возраста и неонатологии Уральского государственного медицинского университета, г. Екатеринбург (e-mail: olvova@bk.ru)

БАКУШКИНА Надежда Игоревна — аспирант кафедры Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: naday_92@mail.ru).

© Киселев С. Ю., Львова О. А., Бакушкина Н. И., 2016

и родов, генетические особенности, влияние окружающей среды, состояние здоровья и социальное положение родителей, а также их личностно-психологические характеристики [1]. Кроме того, темпы и качество становления нейрокогнитивных функций нередко выступают в качестве манифестного маркера органической патологии головного мозга, своевременное распознавание которого определяет успех терапевтических мероприятий. Актуальность данной проблемы остается неизменной, в том числе в связи с ростом количества детей, имеющих те или иные отклонения от типичного развития [3].

На сегодняшний день существует ряд вопросов, связанных с оценкой нейрокогнитивного развития детей. В первую очередь это сложность ранней верификации и интерпретации данных оценки нервно-психического развития, отсутствие междисциплинарных и отраслевых стандартов, а также практически утерянный интерес со стороны медицинского сообщества к данной теме. Нередко различного рода когнитивные нарушения в раннем возрасте интерпретируются как патология моторного развития.

Кроме того, накоплено достаточно данных, демонстрирующих, что дети с риском формирования расстройств аутистического спектра (РАС) имеют особенности нейрокогнитивного развития, которые проявляются уже в течение первого года жизни. Так, например, Марк Х. Джонсон с коллегами в своих исследованиях показали, что младенцы могут демонстрировать нетипичную реакцию при предъявлении в качестве зрительного стимула лица человека (этот стимул не является для них доминирующим среди прочих) [7, 14].

В данной статье представлены результаты комплексного обследования двух младенцев, имеющих риск формирования РАС (оба имеют сиблингов с подтвержденным диагнозом РАС). Диагностика проводилась дважды с промежутком примерно в 4–5 месяцев, в возрасте 6 и 11,5 месяцев для первого ребенка, 6 и 10,5 месяцев для второго ребенка.

С целью получения полноценной картины уровня становления нейрокогнитивных функций был применен комплекс диагностических методик, который включал в себя как аппаратурные, так и поведенческие подходы. В частности, были использованы шкалы Бэйли (Bayley Scales of Infant Development (Third Edition)), ай-трекинг (eye-tracking – регистрация движений глаз) и 128-канальная высокоплотная электроэнцефалография.

Bayley Scales of Infant Development (Third Edition, 2005) – методика, разработанная Н. Бэйли совместно с ее коллегами по Калифорнийскому университету в Беркли и предназначенная для диагностики нервно-психического развития детей в возрасте от 1 до 42 месяцев. С помощью 5 шкал определяют уровень когнитивного, речевого (экспрессивная и импрессивная речь) и моторного (крупная и мелкая моторика) развития [4]. Данную методику широко применяют как для обследования младенцев, развивающихся согласно нормативам, так и для тех, кто имеет те или иные ограничения физических возможностей [2].

В настоящее время методика претерпела три модификации, последняя из которых была утверждена в 2005 г. [4]. Процедуру проведения обследования характеризует высокая степень формализованности: необходимо четко следовать

указаниям авторов, соблюдать все условия проведения обследования. Можно утверждать, что шкалы Бэйли являются «золотым стандартом» для неинструментальной оценки нейрокогнитивного развития детей в заявленные возрастные периоды [5, 9, 10, 12].

Ай-трекинг (регистрация движений глаз с применением инструментальных систем) — метод отслеживания направления, продолжительности фиксации и других параметров взгляда ребенка. Ввиду своей неинвазивности, простоты применения и математической обработки, однозначности трактовки, в настоящее время ай-трекинг является одним из наиболее широко используемых инструментов изучения когнитивных процессов у младенцев, например, различных видов внимания и зрительного восприятия [6, 13]. В то же время метод имеет свои ограничения при обследовании младенцев, связанные с незрелостью зрительного аппарата, слабостью поддержания внимания; также данный способ диагностики отвечает только на узкий круг вопросов о состоянии нервно-психического развития.

Электроэнцефалография (ЭЭГ) признана в качестве наиболее информативного и доступного на сегодняшний день функционального метода исследования головного мозга в неврологии, психиатрии и психофизиологии. У детей ЭЭГ позволяет анализировать не только состояние функциональной активности мозга, но и этапы качественного развития его биоэлектрической активности в течение первых лет жизни. Также ЭЭГ позволяет получать данные о работе глубоких структур головного мозга [8, 15]. ЭЭГ используется как в клинических целях (при верификации диагнозов эпилепсии, ДЦП, СДВГ, энцефалопатии и др.), так и для оценки зрелости нейрокогнитивных функций ребенка. При этом проведение ЭЭГ у детей младшего возраста связано с рядом трудностей, которые заключаются в ограничениях регистрации (ЭЭГ в большинстве случаев требует от пациента спокойного состояния), сложности качественной интерпретации данных опытным специалистом, технического оснащения и т. д. [11]. При всех достоинствах ЭЭГ не является опорной точкой для постановки диагноза и служит только в качестве подспорья в комплексной диагностике уровня нервно-психического развития.

Исследовательский протокол, использованный в данной работе, был разработан группой ученых из Центра мозга и когнитивного развития Birkbeck college (University of London). Там же были отработаны процедуры и стимульный материал для изучения развития младенцев в рамках Европейского проекта изучения факторов риска синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и аутизма, которые были использованы при проведении настоящего исследования.

Таким образом, именно сочетание клинических (активного наблюдения) и валидных неинвазивных инструментальных методик, реализованных одновременно и в динамике, может наиболее полно и адекватно ответить на вопрос о состоянии нейрокогнитивных функций и соответствии их возрастным и физиологическим нормативам.

Обратимся к рассмотрению исследуемых младенцев.

Первый случай. Ребенок Е., первое исследование проводилось в возрасте 6 месяцев, второе — 11,5 месяцев. Ребенок родился от 3-й беременности в срок

путем кесарева сечения. Беременность протекала на фоне аутоиммунного тиреоидита с гипотериозом, миопии, носительства агентов внутриутробных инфекций.

При рождении вес составил 2950 г, рост — 47 см, окружность головы — 32 см, окружность груди — 30 см. Оценка по шкале Апгар составила 6/7. Из родильного дома был выписан с диагнозом гипоксии легкой степени, синдромом задержки роста плода (СЗРП) по гипопластическому типу.

Таким образом, перинатальный анамнез был отягощен, что само по себе являлось фактором риска РАС, синдрома дефицита внимания и гиперактивности, а также задержки нервно-психического развития.

При плановом посещении невролога в возрасте 1, 3, 6, 11 месяцев был зафиксирован диагноз: «Перинатальное поражение центральной нервной системы (ЦНС)».

Старший брат К. (6 лет) имеет диагноз (поставлен в 5 лет): резидуальная цереброорганическая недостаточность — синдром дефицита внимания и гиперактивности; аутистический синдром; субклиническая эпилептиформная активность. Особенности поведения старшего брата К. появились к 2 годам: задержка развития речи, звукоподражание; неусидчивость в поведении.

Результаты, полученные в ходе проведенной диагностики, показаны на рис. 1.

Рис. 1. Данные первого обследования ребенка Е. (возраст — 6 месяцев) по шкалам Бэйли

- Из рис. 1 видно, что при первом обследовании в возрасте 6 месяцев:
- по когнитивной шкале ребенок набрал баллы выше среднего значения;
  - по шкале рецептивной коммуникации — ниже среднего значения;
  - по шкале экспрессивной коммуникации — ниже среднего значения;
  - по шкале мелкой моторики — выше среднего значения;
  - по шкале крупной моторики — ниже среднего значения.

- Из рис. 2 видно, что при втором обследовании в возрасте 11,5 месяцев:
- по когнитивной шкале ребенок набрал баллы выше среднего значения;
  - по шкале рецептивной коммуникации — выше среднего значения;
  - по шкале экспрессивной коммуникации — выше среднего значения;
  - по шкале мелкой моторики — выше среднего значения;
  - по шкале крупной моторики — выше среднего значения.

Рис. 2. Данные второго обследования ребенка Е. (возраст — 11,5 месяцев) по шкалам Бэйли

По данным ай-трекинга, при первом обследовании была зафиксирована ориентировочная реакция (ребенок реагировал на появление новых зрительных объектов). Однако качество регистрации данных (движений глаз) было очень низкое — на записи взгляд не отразился. Интерпретация зарегистрированных данных была невозможна. Однако по результатам наблюдения, зафиксированным сразу после проведения исследования, можно утверждать, что социальные реакции у ребенка были — он активно реагировал на фигуры людей и лица, переключал взгляд, присутствовали двигательные реакции на музыку.

Во время второго обследования также была зафиксирована ориентировочная реакция. Благодаря более хорошему качеству регистрации данных удалось определить присутствие реакций на социальные объекты (лица и фигуры людей), способность выявлять лишний стимул из ряда представленных (выявление в трети случаев), а также присутствие совместного внимания, соответствующие возрасту.

Регистрация ЭЭГ проводилась в состоянии бодрствования с открытыми глазами, при первом обследовании — на протяжении 11 минут, при повторном — 11 минут 36 секунд. В обоих случаях в ответ на предъявленные зрительные и слуховые стимулы ребенок показал среднюю реактивность (в пределах нормы).

Таким образом, при проведении обследования было установлено, что при первом посещении в 5 месяцев ребенок Е. продемонстрировал разнонаправленные векторы нервно-психического развития: при помощи клинического анализа было зафиксировано несоответствие нормативам развития нейрокогнитивных функций; инструментальные методы дали противоречивые результаты. Однако к 11,5 месяцам при повторной диагностике было отмечено выравнивание и гармонизация показателей нервно-психического развития. Это позволило сделать вывод о нормальном становлении нейрокогнитивных функций на этапе младенчества.

Второй случай. Ребенок М., первое исследование проводилось в возрасте 6 месяцев, второе — 10,5 месяцев. Ребенок родился от 4-й беременности в срок с отягощенным акушерским анамнезом в виде хронического гепатита С (ремиссия). Течение беременности: на сроке 14 недель — гестационный сахарный диабет, патология плаценты; с 33-й недели — нарушение маточно-плацентарного кровообращения первой степени; с 34-й недели — хроническая фетоплацентарная недостаточность.

При рождении вес был 4030 г, рост — 54 см, окружность головы — 37 см, окружность груди — 35 см. Оценка по шкале Апгар составила 7/7. Из родильного дома ребенок был выписан с диагнозом гипоксии легкой степени и СЗРП по гипопластическому типу.

Таким образом, как и в первом случае, перинатальный анамнез был отягощен, что само по себе становится фактором риска РАС, СДВГ и задержки нервно-психического развития. Диагноз при плановом осмотре у невролога в 1, 3, 6, 10 месяцев: «Последствия перинатального поражения ЦНС».

Старший брат Д. (7 лет) имеет диагноз детского аутизма; у него отмечаются последствия органического поражения головного мозга неуточненного происхождения, общее недоразвитие речи.

Рис. 3. Данные первого обследования ребенка М. (возраст — 6 месяцев) по шкалам Бэйли

Из рис. 3 видно, что при первом обследовании в возрасте 6 месяцев 2 дней:

- по когнитивной шкале ребенок набрал баллы выше среднего значения;
- по шкале рецептивной коммуникации количество набранных баллов соответствует среднему значению;
- по шкале экспрессивной коммуникации ребенок набрал баллы выше среднего значения;
- по шкале мелкой моторики количество набранных баллов соответствует среднему значению;
- по шкале крупной моторики количество набранных баллов также соответствует среднему значению.

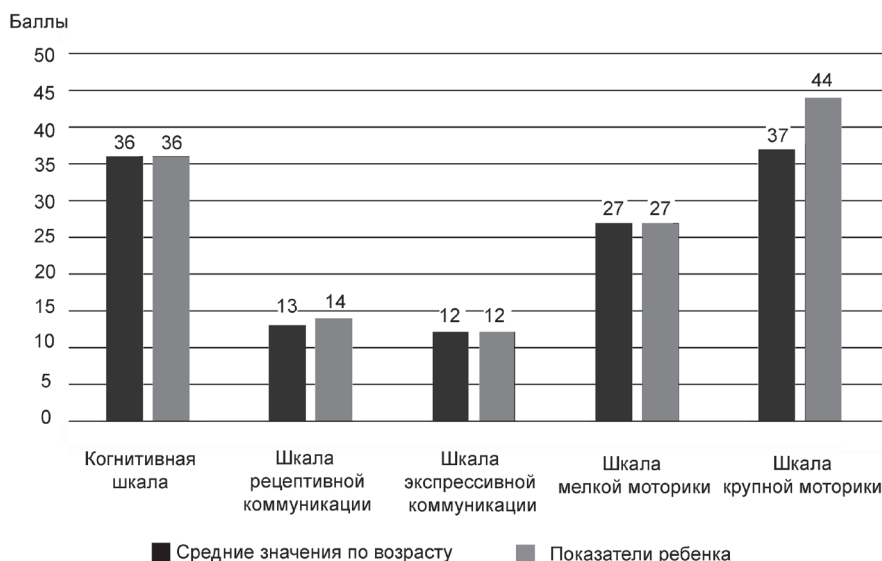

Рис. 4. Данные второго обследования ребенка М. (возраст — 10 месяцев 13 дней) по шкалам Бэйли

Из рис. 4 видно, что при втором обследовании в возрасте 10,5 месяцев:

- по когнитивной шкале количество набранных баллов соответствует среднему значению;
- по шкале рецептивной коммуникации — выше среднего значения;
- по шкале экспрессивной коммуникации количество набранных баллов соответствует среднему значению;
- по шкале мелкой моторики количество набранных баллов соответствует среднему значению;
- по шкале крупной моторики ребенок набрал баллы выше среднего значения.

По данным ай-трекинга, как при первом, так и при втором обследовании были выявлены: ориентировочная реакция, реакция на социальные объекты (ребенок реагировал на появление новых зрительных объектов), способность определения лишнего стимула из ряда представленных (в трети случаев), а также присутствие совместного внимания.

Регистрация ЭЭГ проводилась у ребенка в состоянии бодрствования с открытыми глазами на протяжении 14 минут во время первого обследования. В ответ на предъявленные зрительные и слуховые стимулы ребенок показал реактивность ниже среднего (в пределах нормы). Во второй раз ЭЭГ не была зарегистрирована.

Таким образом, при проведении обследования по шкалам Бэйли было установлено, что при первом посещении в 6 месяцев ребенок М. показал результаты выше средних значений по когнитивной шкале, а также результаты, соответствующие средним значениям, по всем остальным шкалам (рецептивной и экспрессивной коммуникации, крупной и мелкой моторики). При втором посещении в 10,5 месяцев значительно увеличились относительно нормативов показатели по шкале крупной моторики. Остальные показатели находились в пределах среднестатистических.

Данные, полученные в результате проведения ай-трекинга и ЭЭГ, соответствовали возрастным нормативам. Это позволило сделать вывод о нормальном становлении нейрокогнитивных функций на этапе младенчества.

Таким образом, нами продемонстрировано, что в отношении пациентов раннего возраста необходима комплексная диагностика нейрокогнитивного развития с использованием стандартизированных поведенческих шкал, высокоплотной ЭЭГ и ай-трекинга, которые повышают точность оценки уровня развития исследуемых функций. Это дает основания утверждать, что введение подобного подхода с использованием методов разной модальности является необходимым условием для полноценного анализа развития детей в период с новорожденности до двух лет.

---

1. Баранов А. А., Маслова О. И., Намазова-Баранова Л. С. Онтогенез нейрокогнитивного развития детей и подростков // Вестн. Рос. акад. мед. наук. 2012. № 8. С. 26–33.

2. Кобрин Л. М., Денисова О. А., Калинина А. В. Раннее сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья (опыт и перспективы) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 3, № 4. С. 7–26.

3. Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных (данные Минздрава России, расчет Росстата) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/ (дата обращения: 01.10.2015).

4. Bayley N. Bayley scales of infant and toddler development. 3rd ed. San Antonio, 2006.

5. Cromwell E. A., Dube Q., Cole S. R. et al. Validity of US norms for the bayley scales of infant development-III in malawian children // European Journal of Paediatric Neurology. 2014. № 18 (2). P. 223–230. doi:10.1016/j.ejpn.2013.11.011

6. Franchak J. M., Kretch K. S., Soska K. C., Adolph Karen E. Head-Mounted Eye Tracking: A New Method to Describe Infant Looking // Child Development. 2011. Vol. 82, № 6. P. 1738–1750.

7. Johnson M. H., Gliga T., Jones E., Charman T. Annual research review: Infant development, autism, and ADHD — early pathways to emerging disorders // Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2015. № 56 (3). P. 228–247. doi:10.1111/jcpp.12328

8. Lamblin M. D., Villepin-Touzery A. de. EEG in the neonatal unit // Neurophysiologie Clinique/ Clinical Neurophysiology. 2015. Vol. 45, iss. 1. P. 87–95. doi: 10.1016/j.neucli.2014.11.007.

9. Macha T., Petermann F. Bayley scales of infant and toddler development, third edition — german version. [Bayley Scales of Infant and Toddler Development, Third Edition — Deutsche Fassung] // Zeitschrift Fur Psychiatrie, Psychologie Und Psychotherapie. 2015. № 63(2). P. 139–143.

10. *Milne S., McDonald J., Comino E.J.* The use of the bayley scales of infant and toddler development III with clinical populations: A preliminary exploration // *Physical and Occupational Therapy in Pediatrics*. 2012. Vol. 32, iss. 1. P. 24–33. doi:10.3109/01942638.2011.592572
11. *Orekhova E. V., Elsabbagh M., Jones E.J. H. et al.* EEG hyper-connectivity in high-risk infants is associated with later autism // *Journal of Neurodevelopmental Disorders*. 2014. Vol. 6, iss. 1. P. 40. doi:10.1186/1866-1955-6-40
12. *Piñon M.* Theoretical background and structure of the bayley scales of infant and toddler development, third edition // *Bayley-III clinical use and interpretation*. 2010. P. 1–28. doi:10.1016/B978-0-12-374177-6.10001-7
13. *Johnson S. P., Amso D., Slemmer J. A.* Development of object concepts in infancy: Evidence for early learning in an eye-tracking paradigm [Electronic resource]. URL: <http://www.pnas.org/content/100/18/10568.full>
14. *Senju A., Johnson M. H.* Is eye contact the key to the social brain? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. Vol. 33, iss. 6. P. 458–459. doi:10.1017/S0140525X10001275
15. *Wikström S., Pupp I. H., Rosén I. et al.* Early single-channel aEEG/EEG predicts outcome in very preterm infants // *Acta Paediatrica*. 2012. Vol. 101, iss. 7. P. 719–726.

Статья поступила в редакцию 11.12.2015 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.74:7 + 316.74:81 + 808.1

Н. Б. Кириллова

ЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИАКУЛЬТУРЕ КАК КОДИФИКАТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются знаковые системы медиакультуры в контексте эволюции. Анализируя особенности языка разных видов медиа (письменных, визуальных, аудиальных и аудиовизуальных), автор концентрирует внимание на языке экранных медиа, основой восприятия которых является кадр, дающий иллюзию реальности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиакультура; семиотика; язык медиа; артефакт; знак; код; медиатекст; кадр; аудиальный; визуальный; аудиовизуальный; фотогенез; экранная культура.

Изучая систему функционирования медиакультуры, нельзя обойти такую сферу исследования, как семиотика — наука о языке, ставшая одним из открытий XX в. Предметом семиотики являются любые объекты, которые могут рассматриваться в качестве языка. Вот как его трактует современная социальная философия: «Язык — это знаковая система, посредством которой осуществляется человеческое общение на самых различных уровнях, включая мышление, хранение и передачу информации и т. п.» [9, 548]. У истоков семиотики — труды философов конца XIX — начала XX в. Ч. Пирса и Ф. де Соссюра, которые первыми исследовали природу языка, в результате чего начала складываться новая научная дисциплина.

Большой вклад в развитие науки о языке культуры внесли многие отечественные и зарубежные исследователи: А. Базен, Р. Барт, М. Бахтин, В. Библер, Ж. Бодрийяр, Л. Деллюк, Л. Выготский, М. Маклюэн, Ж. Деррида, Я. Линцбах, Ю. Лотман, Ю. Кристева, К. Разлогов, Ю. Тынянов, У. Эко, Р. Якобсон, М. Ямпольский и др. Методы, предложенные ими, применимы и для анализа языка медиакультуры.

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru).

© Кириллова Н. Б., 2016

С информационно-семиотической точки зрения медиакulturа предстает в трех основных аспектах: как система артефактов (от латинского *arte* — искусственный и *factus* — сделанный), как система символов и знаков. А «всякая система, служащая целям коммуникации, — утверждал Ю. Лотман, — может быть определена как язык» [7, 19]. Применяя методы лингвистики в исследовании языка произведений искусства, Лотман доказал, что любые культурные явления следует рассматривать как тексты, содержащие информацию и смысл.

Поскольку у Ю. Лотмана «текст» — понятие многозначное, то с точки зрения языка медиакulturы имеется в виду не только письменное сообщение (книга, газетная или журнальная статья), но и любой носитель информации. К примеру, кино-, теле- или видеofilm, телепрограмма или видеоклип, сайт Интернета и др.

Медиатекст прошел долгий путь эволюции, как и вся система массовых коммуникаций. Канадский социолог М. Маклюэн в истории человеческой цивилизации и в истории медиакulturы выделил следующие вехи: 1) эпоху дописьменного варварства; 2) тысячелетие фонетического письма; 3) «Гутенбергову¹ галактику» — пятьсот лет печатной техники; 4) «Галактику Маркони²» — электронную цивилизацию. Американский социолог М. Кастельс выявил особенности новой информационной цивилизации — «Галактики Интернет» [4, 5–7].

Таким образом, язык медиакulturы — это знаки и совокупности знаков («тексты»), в которых «зашифрована» определенная информация, т. е. вложенные в них содержание, значение, смысл. А из этого следует, что понимать то или иное явление медиакulturы — значит «читать» его невидимый смысл. Только осмысленный текст становится фактом культуры [5, 39].

Согласно учению М. Бахтина, текст может быть идеологичным, правда, в том случае, когда у него есть опора: «единство сознания» и единство говорящего «я», которые гарантируют истинность той или иной идеологии [1]. Тем самым, как констатирует Ю. Кристева — последователь Бахтина в области лингвистики и семиотики, «Бахтин намечает важнейшую границу между идеологией и текстом». Правда, по ее же мнению, «текст (полифонический) не имеет собственной идеологии, ибо у него нет субъекта (идеологического). Это особое устройство — площадка, на которую выходят разные идеологии, чтобы обескровить друг друга в противоборстве» [6, 20–21]. Для соотношения текста и реальности Кристева предлагает такой императив: «Высказываемый и коммуницируемый смысл текста (“структурированный фенотекст”) проговаривает и репрезентирует то революционное действие, которое производится посредством означивания при условии его эквивалента на сцене социальной действительности». А отсюда ее вывод: «Таким образом, текст обретает двойное место в порождающей его реальности — в материи языка и в социальной истории...» [6, 295]. Вообще труды Ю. Кристевой по семанализу стали в свое время сенсацией еще и потому, что она ввела в семиотику термин «интертекстуальность» — ключевой для постмодернистской эстетики,

¹ Гутенберг Иоганн (1399–1468) — немецкий изобретатель, создатель европейского способа книгопечатания подвижными литерами.

² Маркони Гудьельмо — итальянский радиотехник. Используя электромагнитные волны, изобрел беспроводной телеграф и радио как средства связи.

обозначающий особые диалогические отношения текстов, которые строятся как мозаика цитат.

Итак, тексты медиакультуры, «кодифицируя реальность», сохраняют социальную память. При этом знаковая система языка у каждой группы видов медиакультуры своя.

Попробуем дать определение такого понятия, как «знак». Вот как его трактует современная социальная философия: «Знак — предмет, служащий замещению и представлению другого предмета (свойства или отношения) и используемый для хранения, переработки и передачи сообщения. Знак — это интерсубъективный посредник, структур-медиатор в обществе» [9, 147]. Но для того, чтобы знаковая система функционировала, необходим код как «обозначение совокупности правил или ограничений, обеспечивающих деятельность. Код должен быть понятным для всех участников коммуникативного процесса и поэтому носить конвенционный характер» [Там же, 206].

Существует определенное различие между письменными, аудиальными, визуальными и аудиовизуальными знаковыми системами.

Первооснова здесь — письмо, система записи знаков естественного языка, устной речи. Изобретение знаковых систем записи — одно из величайших достижений человеческой мысли. Особенно большую роль в истории культуры сыграло появление и развитие письменности, в том числе и славянской кириллицы. Именно этот факт дал человечеству возможность выйти из примитивного состояния, подготовив почву для дальнейшего развития науки, техники, искусства, права и т. д. Письменность открыла путь к тиражированию текстов — книгопечатанию, а оно, в свою очередь, стало условием сохранения языковых традиций и непрерывности существования культуры.

В постмодернистских сентенциях Ж. Деррида, прозвучавших в его работах «Голос и явление», «Письмо и различие», «Нечто, относящееся к грамматологии», «Позиции» и др., письмо, буква, чувственное начертание воспринимаются в соответствии с западной философией как тело и материя по отношению к духу, глаголу и логосу. Суть концепции Деррида сводится к следующему: между человеком и истиной существует весьма значимая череда посредников, располагающаяся в основном в сфере языка коммуникации, который «предполагает передачу, призванную переправить от одного субъекта к другому тождественность некоего обозначенного объекта, некоего смысла или концепта, формально позволяющего отделить себя от процесса этой передачи и от операции означивания... Через знак передающий коммуницирует нечто получателю...» [3, 31].

Письменность является важным способом транспонирования речи в другую среду. Текст в языкознании выступает как последовательность словесных знаков, образующих сообщение. В художественном тексте, как отмечал Ю. Лотман, выделяются пять функций: 1) сообщение, направленное от носителя информации к субъекту; 2) коллективная память, способная к непрерывному пополнению; 3) общение читателя с самим собой, тем самым текст актуализирует какие-то личностные стороны; 4) текст становится собеседником; 5) общение между текстом и культурным контекстом [7].

Письменный язык имеет тенденцию к развитию собственных структурных свойств. Это и дало возможность Ю. Кристевой заглянуть «по ту сторону языка», выявить «довербальный» уровень существования субъекта, где безраздельно господствует бессознательное, и перейти к разрушению монолитных институтов знака, сместив собственные интересы от лингвистики и семиотики к «семанализу». Кристева текст «динамизировала», дифференцировала, обозначив границу между «генотекстом» и «фенотекстом», которые, по ее мнению, соотносятся друг с другом как поверхность и глубина, как символика и формула. Следовательно, «генотекст — это процесс» (означивания, структурирования и т. д.), а «фенотекст — это структура», подчиняющаяся правилам коммуникации и предполагающая как субъекта высказывания, так и его адресата [6, 297–299].

В исследованиях коммуникации необходимо проводить грань между гомогенными сообщениями и сообщениями, основывающимися на комбинации, т. е. синтезе разных знаковых систем. Существует различие между аудиальными (слуховыми) и визуальными (зрительными) медиа. В первых системах, к которым относятся радио, граммофон, магнитофон, CD-Rom и т. д., в качестве структурного фактора на первый план выходят звук, речь, музыка, вокал; *здесь важным фактором является время*, выступающее в двух измерениях — последовательности и одновременности. Структурирование *визуальных систем связано с пространством*. В традиционных визуальных искусствах (живопись, графика, плакат) *доминируют иконические знаковые системы*.

Аудиовизуальная медиакультура, репродуцирующая реальность, связана с «фотогенией» [2, 3–5] — эстетикой кадра. Это свойство не только фотографии, но и самых действенных экранных средств коммуникации (кино, телевидение, анимация, DVD, дисплей компьютера, Интренет и т. д.). Что касается «языка экрана», то можно согласиться с К. Разлоговым в том, что по реальной сфере своего применения он скорее может быть сопоставим с естественным языком, а не с системой художественных средств. «Язык экрана» — знаковый, семиотический потенциал — у всех перечисленных медиа общий, несмотря на специфические особенности каждого из них.

Здесь происходит процесс интеграции, синтеза всех предшествующих знаковых систем, обусловленный тем, что экранные виды медиакультуры являются результатом технического прогресса. На их знаковую систему влияют общие закономерности развития электронной культуры, связанной с техникой репрезентации действительности. На этой базе формируется новое видение или «второе зрение» (Д. Менделеев) — особый тип образного мышления, интегрирующий речевые и визуальные формы. И если в письменной культуре основой знаковой системы выступают буква, слово, то в аудиовизуальной (экранной) культуре «первокирпичиком» является кадр, дающий иллюзию реальности.

В зависимости от того, каким образом осуществляется «включение» кадра в «поток событий», можно выделить фотографическую, кинематографическую и телевизионную формы культуры кадра.

Фотографическая культура кадра связана с использованием фотокадра, передающего непосредственное впечатление от реального события.

Кинематографическая культура кадра использует кадр как «ячейку монтажа» [10, 290], что позволяет не только передать непосредственное впечатление от события, но и выявить его смысл.

Телевизионная культура кадра дает возможность зрителю как бы непосредственно включаться в «поток события» и видеть его «изнутри».

Осмысление эстетики кадра, его роли в репрезентации реальности в конечном итоге привело к формированию того синтетического способа образного мышления, который был наиболее адекватен новому видению действительности. Не случайно классики отечественного кино С. Эйзенштейн и В. Пудовкин видели в кинокадре тот технический «первофеномен», на базе которого возникла поэтика «киноязыка», обращенная лицом к эпохе, истории, способная помочь зрителям научиться «диалектически мыслить» [10, 199].

В отличие от тех языковых форм, которые используются в классической визуальной культуре, язык кадра универсален. Кадр может выполнять функции иконического, символического и речевого знака, не будучи тождествен ни одному из них. Взятый сам по себе кадр формален, т. е. не обладает никаким определенным образным содержанием. Это дает возможность использовать язык кадра не только в культуре и искусстве, но и в разных науках.

«Используя универсальные языковые возможности кадра, можно достаточно легко интегрировать область искусства и науки, область беллетристики и “текущей истории”, область творчества и массового общения», — отмечает исследователь кино и фотографии Г. Пондопуло [8, 95].

Язык дигитального экрана, основанный на цифровом кодировании (компьютер, Интернет, планшет, смартфон и т. д.), не только что-то сообщает нам с помощью кадра или визуальных образов, не только передает нам «картинку», речь, музыку, но и беседует с нами; благодаря интерактивности мы вступаем с ним в контакт, т. е. он становится нашим собеседником. При этом в глобальной информационной сети циркулируют мириады текстов, статических и движущихся изображений, и все они принадлежат сфере аудиовизуальных технологий, новых медийных стратегий, которые доказывают универсальность, интерактивность языка экрана, его способность к диалогу и полилогу культур.

Все это подтверждает актуальность теоретических исследований, практическую значимость языковых технологий медиакультуры как кодификаторов реальности и необходимость их активного использования в медиаобразовательном процессе.

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
2. Деллюк Л. Фотогения кино. М., 1924.
3. Деррида Ж. Позитивизм. М., 2007.
4. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
5. Кириллова Н. Б. Медиадиалогия как синтез наук. М., 2013.
6. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
7. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1994.
8. Пондопуло Г. К. О взаимодействии художественных, научных и технических моментов в фото-, кино- и телевизионном творчестве // Философско-эстетические проблемы киноискусства. М., 1983.

9. Социальная философия : словарь / сост. и ред.: В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М., 2003.
10. *Эйзенштейн С. М.* Избранные статьи. М., 1956.

Статья поступила в редакцию 15.08.2015 г.

УДК 7.036(470.54-25) + 7.04 + 316.773.3

А. А. Егорова

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТРИТ-АРТ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИК ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ)*

Статья является попыткой проанализировать феномен уличного искусства с точки зрения коммуникативных стратегий, выстраиваемых художником с потенциальными реципиентами. Анализ основывается на теоретическом рассмотрении стрит-арта как стихийного авангарда, наследующего модернистскую интенцию разрушения границы между искусством и жизненной практикой. Особый акцент сделан на современном стрит-арте Екатеринбурга. Фактический материал иллюстрирует основной авторский тезис о сосуществовании в художественном поле города уличного искусства, базирующегося на одной из двух коммуникативных стратегий. Первая названа стратегией сопротивления и заключается в противостоянии существующим политическим или социокультурным реалиям. Вторая именуется стратегией гуманизации — суть ее в очеловечивании урбанистического ландшафта и формировании лично окрашенных связей городских сообществ с конкретной локацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стрит-арт; уличное искусство; уличное искусство Екатеринбурга; публичное пространство; визуальные коды города; коммуникация; арт-практики; современное искусство.

Уличное искусство — благодатный для исследования материал. С одной стороны, оно физически доступно и злободневно — уличные художники быстро и остро реагируют на изменения различного порядка (политические, социальные, культурные), визуализируя свою реакцию. Оно создается здесь и сейчас и зачастую снабжено медийным авторским комментарием. С другой стороны, стрит-арт обладает свойством сопротивления теоретическому скальпелю исследователя. Это искусство активное и живое, оно подвижно и подвержено изменениям, как сама городская среда, его порождающая и питающая. Стрит-арт ускользает почти буквально, когда его физическая доступность и открытость оборачиваются скоропостижной визуальной смертью — атмосферные осадки и коммунальные службы смывают рисунки с городских стен. Образы стрит-арта подвержены ментальному

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в форме гранта, проект № 15-14-66004 «Визуальные коды городов Урала как основа достижения региональной идентичности», номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № 115042070040.

устареванию: они теряют свою актуальность, когда угасает стимулирующий их жизненный импульс. Короткий и динамичный жизненный цикл стрит-арта зачастую не позволяет создавать релевантные произведениям теоретические фреймы.

Уличное искусство разнообразно и многолико: исследователи дифференцируют стрит-арт на граффити, наклейки, вязание, трехмерные объекты, перформансы, видеоискусство, световые инсталляции и др. При этом каждый стрит-артист вкладывает в свою художественную практику субъективное понимание того, чем для него является уличное искусство. Однако, несмотря на присущую стрит-арту гетерогенность, можно выделить ряд особенностей, характерных для любого его проявления.

Во-первых, жизненной средой уличного искусства является город, конкретнее — общественные и публичные урбанистические пространства. Зачастую объекты уличного искусства сайт-специфичны. Во-вторых, как и любой другой вид искусства, стрит-арт предполагает наличие коммуникации между автором — создателем произведения (невзирая на кажущуюся анонимность объектов уличного искусства) и реципиентом. Стрит-арт диалогичен, он заостряет, пытается нивелировать или решить некую общественно значимую проблему политического, социокультурного, экзистенциального характера. Разнородные проявления стрит-арта объединяет изначальная интенция, связанная со стремлением художника к непосредственному преобразованию действительности. Это априорное стремление может обладать разной степенью революционности, но оно есть всегда. Такова третья особенность уличного искусства.

Итак, реперными точками нашего нарратива о стрит-арте станут публичная среда и вписанный в нее арт-объект, художник и та коммуникативная стратегия, которую он своим произведением реализует. Обозначенные маркеры позволяют ограничить общую историческую хронологию развития уличного искусства и конкретные его проявления, связанные с Екатеринбургом.

Стрит-арт — искусство публичных пространств

Теоретический анализ стрит-арта естественным образом должен начинаться с дефиниции данного искусства. Проявления стрит-арта многообразны, поэтому выделить единое основание, определяющее стрит-арт с точки зрения жанра, медиаресурсов, визуальных особенностей, представляется неэффективным. В данной статье стрит-арт будет трактоваться как искусство визуальной интервенции в публичные урбанистические пространства, строящееся по принципу коммуникации с горожанами.

В статье «Пересборка города» В. Вахштайн артикулирует разнообразные возможные логики мышления о городе, выливающиеся в несколько языков описания, каждый из которых продуцирует собственное понимание категории «публичное/общественное пространство». Для целей нашего исследования обратимся к трактовке «публичного/общественного пространства», предложенной левым урбанистическим дискурсом (термин А. Лефевра) и дискурсом «хипстерского урбанизма» (термин В. Вахштайна). Логике левого урбанизма релевантна трактовка

публичного пространства, предложенная Х. Арндт. По мысли последней, общественное пространство оказывается связанным с гражданским обществом — добровольной и осознанной самоорганизацией граждан, свободно и самостоятельно выстраивающих коммуникацию о своей общей судьбе и осознающих собственную идентичность как друг с другом, так и с конкретной локацией. «Принципиально иначе публичное пространство кодируется в языке хипстерского урбанизма. Здесь оно именно публичное — пространство, где люди даны друг другу не как члены сообщества, а как наблюдатели» [8, 15].

Наше гипотеза заключается в том, что оба рассмотренных урбанистических дискурса порождают соответствующее им уличное искусство, действующее либо в логике коммуникативной стратегии сопротивления, либо — гуманизации.

Стрит-арт как коммуникация

Данное исследование исходит из классического понимания коммуникации: от латинского термина *communico* — «делаю общим», «связываю», «общаюсь». Коммуникация, таким образом, трактуется здесь как процесс обмена вербальной и иной (в том числе — иконической, т. е. образной) информацией между субъектами, в процессе которого рождаются новые смыслы исходящих сообщений. Визуальный социолог Р. Брекнер рассматривает всякое изображение как средство коммуникации, более того, онтологический смысл изображения заключается именно в коммуникации: «Материальный объект становится изображением, только если на него смотрят как на изображение. Без “смотрения”, которое всегда происходит в рамках определенного контекста <...> изображение может не превратиться в “представление” (презентацию) и, таким образом, останется объектом, не имеющим значения» [5, 17]. В силовом поле современного искусства коммуникация становится базовой составляющей и, более того, способом бытия произведения. Обратимся к художнику и теоретику П. Вайбелю: «Художественный объект, в классическом понимании, заменяется открытой сферой действия, в которой создаются новые союзы между автором, произведением и зрителем» [2]. Будучи искусством публичного (общественного) пространства, стрит-арт априори может реализоваться лишь в коммуникации автор — произведение — реципиент.

Стрит-арт как стихийный авангард

Концептуальное начало стрит-арта зачастую видят в практиках авангардных художников 10–20-х гг. прошлого века. Одной из значительных находок авангарда стал радикальный пересмотр отношения искусства и жизни. Господствующее со времен кантовской эстетики представление об автономности сферы искусства, независимости ее от окружающей реальности подвергается модернистами первой волны критике и пересмотру. «Европейские авангардные движения можно описать как удар по статусу искусства в буржуазном обществе. Они отрицали не предшествующую им форму искусства (стиль), но сам институт искусства,

обособленный от жизненной практики человека <...> искусство надлежит не просто разрушить, но перевести в жизненную практику, где оно сохранилось бы, пусть и в измененном виде» [7, 76–77].

Обозначенный П. Бюргером буквальный «перевод искусства в жизненную практику» физически реализовывали художники, украшавшие улицы российских городов к празднованиям годовщин Октябрьской революции 1917 г. Средой обитания нового искусства становится город. «Новая индустриально-городская среда, пространство интенсифицированной, ускоренной коммуникации постоянно привлекали внимание художников, литераторов и музыкантов, искавших возможности прямого контакта между искусством и жизнью», — читаем у Е. Бобринской [3, 167–168].

Футуристическое стремление смести границы между искусством и жизнью было перенято стрит-артистами 60–70-х. Уличное искусство этого периода наполнено революционным пафосом. Трансформация реальности и человека посредством искусства рассматривается стрит-артистами в качестве своей миссии. Миросозидательные, равно как и разрушительные, интенции уличного искусства позволяют рассматривать его в рамках авангардной социокультурной парадигмы.

Исследователи выделяют две доминирующие культурно-географические линии в уличном искусстве 60–70-х гг.: американскую и французскую. Французский стрит-арт выкристаллизовывался во многом под влиянием ситуационистского интернационала, призывавшего к трансформации радикального художественного жеста в радикальный политический. В программном для французских стрит-артистов тексте «Тезисы о культурной революции» Г. Дебора читаем: «Цель ситуационистов — непосредственное участие в чувственном изобилии жизни через изменение намертво организованных преходящих моментов» [10]. Потенциал искусства ситуационисты предполагали направить на критику как существующего политического строя, так и общества потребления. Современная жизнь метафорически понималась ситуационистами как «общество спектакля»: «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представлении» [9, 13]. По контрасту с социальной практикой продуцирования и потребления симулякров стрит-арт, в свою очередь, призывает зрителя-соучастника к непосредственному переживанию реальности — к переживанию-действию, переживанию-перекраиванию. Уличное искусство актуализируется в непосредственной коммуникации с горожанином, выстроенной, как мы считаем, либо согласно стратегии сопротивления, либо — стратегии гуманизации.

Американское уличное искусство семидесятых в прямом смысле этого слова было андеграундным — территорией его обитания была нью-йоркская подземка. Интенсивную активизацию граффити, захлестнувших в этот период «большое яблоко», Ж. Бодрийяр связывает с подавлением крупных городских волнений 1966–1970 гг. «Подобно им, это стихийная борьба, однако иная по типу, иная по содержанию и развертывающаяся в ином пространстве. Это новый тип выступления на сцене города — города уже не как средоточия экономико-политической

власти, но как пространства/времени террористической власти средств массовой информации, знаков господствующей культуры» [4, 156].

Коммуникативные стратегии уличного искусства Екатеринбурга: сопротивление и гуманизация

Понятие «стратегии сопротивления» было заимствовано из труда философа Е. Г. Трубиной «Город в теории»: «Смутное представление людей о том, что жизнь, которая разворачивается перед их глазами, при всем ее жестком на них давлении, только одна из возможных, реализуется в своеобразном этосе — этическом измерении проживаемой жизни. Этос, в свою очередь, проявляется в разнообразных, как сказали бы сегодня, стратегиях сопротивления современности, в поведении и психологических предрасположенностях различных городских типов» [14, 55]. Стратегия сопротивления заключается в визуализации, призыве к осмыслению и, в конечном итоге, противостоянию существующим в жизненной практике несправедливостям. Смысл художественно-коммуникативной стратегии сопротивления ясно сформулировал инсайдер стрит-арт сообщества А. Бренер: «Вопрос о граффити, также как и о других формах культурного производства, является вовсе не частным вопросом современной эстетики или городской субкультуры, но широкой социальной и политической проблемой, напрямую связанной с тем, кому служит нынешняя культура, к кому она обращается, к каким целям она стремится и за что она борется» [6].

Исповедующий сопротивление стрит-арт зарождается как реакция на социально-экономическую и символическую гетерогенность городского пространства. Такое уличное искусство реализовывалось как протестная активность, практика радикального жеста, снабжающая художественное высказывание политической коннотацией. Фракталы, составляющие урбанистическую ткань, маркированы не только географически, но и символически — посредством знаков. «Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всем — в передачах массмедиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [4, 157]. Проанализированная Бодрийяром ситуация тотальной безличности обуславливает релевантные ей механизмы художественного сопротивления, которые артикулируются в попытке персональной самоидентификации посредством знака-граффити. Обозначить себя, свое происхождение или место обитания, свою экзистенцию — такова первоначальная функция нью-йоркских граффити 60–70-х — Таки 183, Cornbread и других райтеров.

Однако стрит-артисты, по мысли Бодрийяра, совершают и более радикальный жест — попытку истребить или, по крайней мере, сбить с толку близкую тотальность медийного городского кода своей партизанской активностью. Суть последней заключалась в использовании знаковых одежд «врага» — надписей-кодов, которые принципиально не могут быть декодированы в силу того, что не обладают внутренним содержанием. Партизанский потенциал стрит-арта

реализован екатеринбургским художником Тимофеем Радей в акции «Улучшения на районе» (апрель, 2012 г.). Само название акции, играющее со сленговым «у нас на районе», содержит скрытое обращение к представителям локальных сообществ, свидетельствует о коммуникативной подоплеке проекта. Рекламные плакаты, несанкционированно размещенные на стволах живых деревьев, превращаются в скворечники, фотографии-документы акции снабжены авторским комментарием: «справедливое использование рекламных поверхностей» [16]. Художник работает с распространенным в екатеринбургской среде медиа — рекламными плакатами. Проект в гуманистическом ключе перерабатывает объективированные медиасферой женские тела. Так, голый русалочий торс прикрывают бюстгалтером, в руках вместо зеркала оказывается сборник Бродского, на безымянном пальце правой руки — обручальное кольцо. Полуголую модель, рекламирующую женское нижнее белье, заботливо драпируют плащом, трогательно защищая плакатную красавицу и от капризов погоды, и от вождедеющих липких взглядов. Реципиент сталкивается с ситуационистским приемом переворачивания — художник трансформирует первичную семантику образа на кардинально противоположную. Места остановок общественного транспорта обустроиваются коврами, по-стариковски покрывающими стены остановочных комплексов или скамейки для отдыха пассажиров. Заметим, что попытка переосмыслить «ничейность» площадок ожидания общественного транспорта также предпринималась художницами Антониной и Александрой Воробьевыми в рамках проекта «По пути», реализованного фондом «Культурный транзит» в Екатеринбурге в мае — сентябре 2013 г. Девушки превратили обычную остановку в уютную беседку с чаем, кофе и сушками для пассажиров. Рассмотренные проекты работают с преодолением переживания «бесчувственного равнодушия» [11, 27] публичного пространства, зафиксированного представителем классического урбанистического дискурса Г. Зиммелем. Будучи художественно освоенным, общественное пространство начинает восприниматься горожанами по-новому — как пространство лично окрашенное.

При всей присущей им социальной и философской серьезности, рассмотренные проекты несут и игровую составляющую. Однако избранная екатеринбургским стрит-артом стратегия сопротивления предполагает, наряду с иронией, выражение острой социальной или политической критики. Выполняя миссию социального рупора, стрит-артист, по мысли А. Бренера, выступает катализатором «...подрывного элемента, стремящегося усилить социальное напряжение внутри наличествующей системы, чтобы увеличить вероятность перемен» [6]. Екатеринбургу известны многообразные примеры критического стрит-арта.

Проект «Уличная грязь» Славы PTRK и Владимира Абиха — ярчайшее воплощение социального арта — получил огромное количество как журналистских, так и профессиональных откликов. В качестве художественных медиа стрит-артисты избрали щиты ДВП, грунтованные белой водоэмульсионной краской, и обычную грязь, в изобилии покрывающую Екатеринбург в период межсезонья. Именно этой грязью авторы работали, создавая портреты реальных екатеринбургских бездомных. Технология нанесения грязи различалась: ее оставляли пешеходы, проходя

по расположенным в оживленных переходах щитам, мчавшиеся по трассам автомобили буквально «поливали» грязью доски, расположенные на обочинах дорог. Авторы комментируют концептуальную задачу акции: «Это проект о людях, видя которых, мы сразу же стараемся отвести взгляд, как только их замечаем. О лицах с навсегда отпечатавшейся на них улицей, безнадегой и грязью, но в первую очередь это все же не грязь, а человеческие лица» [15]. Художники расшатывают бессознательное желание зрителя перманентно пребывать в зоне комфорта, в стерильной как в физическом, так и в социальном отношении среде, где все, что может этот комфорт разрушить, игнорируется, загоняется в область «слепого пятна». Избранный размер щита — масштабные 120 × 80 см — также выступает выразительным средством актуализации социально игнорируемого. «Уличная грязь» стала художественной операцией по визуализации замаскированных социальных нарывов. Заметим, что работа с дискомфортными темами и материалами, реализованная арт-практикой в модусе «телесного низа», широко артикулируется современным художественным дискурсом. В перформансе 1999 г. «Ванная комната» Шихару Шиоты также используется грязь, в ванне с которой художница дрейфует, ритмично поливая себя из ковшика отталкивающей кашицей.

Уличные художники оперативно и провокативно реагируют на турбулентный политический климат государства. Здесь политический стрит-арт сохраняет некоторую преемственность с практикой ситуационистов: «...главным их (ситуационистов. — А. Е.) стремлением было соединить искусство и политику на всех стадиях развития» [12]. Искусство в данном случае (в случае избрания стрит-артистом коммуникативной стратегии сопротивления) становится реальным действием, свидетельствующим о гражданской позиции художника. Физический жизненный цикл таких объектов особенно недолговечен, однако они продолжают свое существование в медиапространстве. В мае 2015 г. в историческом центре города участники арт-группы «Злые» нанесли граффити: «Что ты будешь делать, если завтра начнется война?» На асфальте рядом — экспрессивные брызги, неминуемо вызывающие у реципиента ассоциации с кровью. Не заметить, миновать или пройти мимо граффити не получится — начертанная кричащей красной краской надпись крупной строкой бежит поверх разрисованного ромашковым лугом и голубым небом строительного забора, защищающего от строительного котлована главную пешеходную артерию города — улицу Вайнера. Буквально в паре шагов — площадь 1905 года, место ежегодных парадов в честь празднования Дня Победы. Симптоматичным представляется факт появления надписи 10 мая. В Сети художники снабжают свое граффити комментарием: «Понятие “патриотизм” будет стоять над чувством страха только до той поры, пока войну можно удерживать в рамках телевизионной картинки, а потери измерять временем на просмотр фильмов о войне и деньгами, потраченными на билеты в кино. Война, разрушающая чужие миры, позволяет смерти оставаться философской категорией, но рядом с реальной смертью места для философии не остается...» [19]. Телевизионный экран, монитор компьютера или телефона — гаджеты, транслирующие известия о кровавых бойнях, одновременно служат для обывателя некой умозрительной защитной оболочкой, свидетельствующей о том, что война происходит хоть

и сейчас, но не здесь. Мнимая иллюзия персональной безопасности разрушается, когда праздно фланирующий горожанин получает прямой и страшный вопрос в лоб — вопрос, загоняющий в тупик, вопрос-нокаут. Современные художники зачастую работают с проблемой перманентных локальных конфликтов, вспыхивающих повсеместно. Коллажи Марты Рослер из серии *Bringing War to Our Homes*, проект группы Amnesty International *It's Not Happening Here, but It's Happening Now* («Не здесь, но сейчас») расшатывают домашнее призрачное спокойствие потребителя, заставляя размышлять и в конечном итоге — действовать.

По мысли А. Бренера, «всякая серьезная эстетическая позиция и всякое подлинное индивидуальное и коллективное существование день ото дня становится все более невозможным без радикальной социальной критики, которая, разумеется, является только началом освобождения» [6]. Коммуникативная стратегия сопротивления, реализованная в рассмотренных проектах екатеринбургских стрит-артистов, строится на критике существующего миропорядка с присущими ему несправедливостями, социальной апатией, режимом игнорирования всего, что может нарушить зону комфорта. Главной задачей стрит-артистов становится вскрытие и проявление посредством художественного текста социальных и политических проблем, заострение внимания публики на последних, а также «пробуждение» зрителя как рефлектирующего, самостоятельно и критически мыслящего носителя социальной активности, политической воли и гражданской ответственности.

Вторая линия развития стрит-арта, выделенная в тексте Ж. Бодрийера, — легитимированные городскими властями паблик проекты масштабных росписей городских стен — также артикулируется уличным искусством Екатеринбурга. Работы, созданные в рамках обозначенной социологом муниципальной программы *City Walls*, зачастую вписываются в формат традиционного монументального искусства. «Инициатива такой стеновой живописи идет сверху, это проект обновления и оживления города, осуществляемый на муниципальные средства. <...> Ее художественная идеология — “естественный союз зданий и монументальной живописи”. Ее цель — “дарить искусство населению Нью-Йорка”» [4, 161–162]. Мы называем избранную такими стрит-артистами коммуникативную стратегию стратегией гуманизации, поскольку главная цель подобного «прирученного» стрит-арта заключается в «очеловечивании» городской среды, в ее гуманизации художественными средствами. «Легализованному» уличному искусству, как правило, чужд разрушительно-революционный пафос визуальных практик, избирающих коммуникативную стратегию сопротивления.

Коммуникативная стратегия гуманизации зачастую приобретает в Екатеринбурге фестивальный формат. В качестве примера остановимся на двух событиях: фестивалях «Длинные истории Екатеринбурга» (2003–2009 гг.) и «Стенограффия» (с 2010 г.).

По словам идейного вдохновителя и организатора «Длинных историй Екатеринбурга» Н. Аллахвердиевой, фестиваль можно рассматривать как образчик работы «по культурной реанимации городских пустот» [1]. Заказчиком проекта выступила муниципальная компания «Столица Урала», которой необходим был

имиджевый проект, приуроченный к двухсотосьмидесятому юбилею Екатеринбурга. Организаторы фестиваля решили использовать в качестве медиа идентичные бетонные заборы, окружающие многочисленные строительные площадки города. Гладкие бетонные изгороди-«временки» представляли неожиданно благоприятный для визуальной и художественной обработки материал — им были присущи модульность, серийность, нейтральность, «кадрированность». «Каждую секцию бетонной ограды можно представлять как экран или кадр, а весь забор — как монументализированную киноплёнку, или очень длинную Comic Strip, или бегущую строку, — пишет Н. Аллахвердиева. — Бетонные заборы как будто специально приготовлены для актуальных художественных проектов, тяготеющих к регулярным структурам, кинематографичности, динамизации восприятия статичных изображений в эпоху серийности и сериальности» [1]. «Длинные истории Екатеринбурга» просуществовали шесть лет, за этот период было реализовано 62 художественных проекта, актуализировавших новый способ освоения городского пространства в неожиданно возникающих культурных маршрутах.

Фестиваль уличного искусства «Стенография» проводится в Екатеринбурге ежегодно, с июля 2010 г., при поддержке администрации города. Отбор художников-участников осуществляется посредством открытого конкурса эскизов. В начале нового календарного года оргкомитет «Стенографии» анонсирует тему предстоящего фестиваля, «исходя из актуальных, общественно-политических, социальных и других важных повесток, существующих в Екатеринбурге и России» [13]. Магистральными темами «Стенографии-2014» стали «Образы Екатеринбурга», «Футбольный уголок» и «Создай свою достопримечательность по движению красной линии». Сам способ определения фестивальных тем симптоматичен — художественное высказывание строится по принципу соответствия мейнстримному муниципальному/федеральному дискурсу. Арт-объекты актуализируют концепт национальной культурной памяти, о чем говорит даже беглый анализ сюжетов: портреты исторических деятелей (Татищев, Петр I, Екатерина I), национальных героев (Юрий Гагарин), рисунки, посвященные Великой Отечественной войне. Наряду с обращением к теме национального достояния, участники работают с урбанистическими средовыми лакунами, преобразуют однообразный ландшафт спальных районов города, создавая эмоциональную привязанность представителей локальных сообществ к местам своего обитания. Поверхности для художественного высказывания многочисленны и разнообразны: монументальные росписи покрывают и торцевые стены жилых домов, и малые архитектурные формы — хозблоки, трансформаторные будки и т. д. Объекты «Стенографии» должны быть принципиально понятны своему зрителю — они строят коммуникацию простым и ясным языком, фигуративны и миметичны, активно используют яркие цвета. В целом такое художественное высказывание должно выполнять функцию социальной терапии — восприниматься реципиентами как позитивное и снимать возможное социальное напряжение.

Выводы

Пребывая в публичном пространстве города, реципиент оказывается включенным в силовое поле уличного искусства. Результатом анализа уличного искусства Екатеринбурга, которое было избрано в качестве примера иллюстрации коммуникативного потенциала стрит-арта, стало представление о двух форматах коммуникации, которые были обозначены как стратегия сопротивления и стратегия гуманизации. Было установлено, что уличное искусство, избравшее коммуникативную стратегию сопротивления (работы Тимофея Ради, арт-группы «Злые», Славы PTRK и Владимира Абиха), действует в рамках «левацкого урбанизма», занимая критическую по отношению к мейнстримному государственному дискурсу позицию. В то же время стрит-арт, придерживающийся стратегии гуманизации, реализуется в русле «урбанизма хипстерского». Легализованный муниципальными властями стрит-арт отказывается от изначально присущей уличному искусству интенции социальной шоковой терапии. Его задача — в снятии потенциального социального напряжения и укреплении эмоциональных связей жителей с местами их обитания. Город, как мы считаем, нуждается в визуальном и экзистенциальном балансе — как в гуманизирующем общественные пространства искусстве, так и в «разжижении» зоны комфорта шоковой терапией сопротивления.

---

1. *Аллахвердиева Н.* Современное искусство в городской среде: стратегии, ресурсы и технологии : [сайт проекта «Про публик арт. Современное искусство в общественных пространствах»]. URL: <http://www.propublicart.ru/publication?id=18/> (дата обращения: 18.09.2015).

2. *Biennale Way, отказ от денег и коммуникативные игры* [Электронный ресурс] // Конференция факультета журналистики МГУ. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/4841-konferentsiya-zhurfaka-mgu-biennale-way-otkaz-ot-deneg-i-kommunikativnye-igry> (дата обращения: 13.10.2015).

3. *Бобринская Е.* Русский авангард: истоки и метаморфозы. М., 2003. 304 с.

4. *Бодрийяр Ж.* Kool Killer, или Восстание посредством знаков // Символический обмен и смерть. М., 2009. Гл. 2. С. 155–166.

5. *Брекнер Р.* Изображенное тело. Методика анализа фотографии // Интер. 2007. № 4. С. 13–32.

6. *Бренер А.* Как должны действовать граффити? : [сайт Арба]. URL: <http://www.arba.ru/article/194> (дата обращения: 01.08.2015).

7. *Бюржер П.* Теория авангарда. М., 2014. 200 с.

8. *Вахштайн В. С.* Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

9. *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000. 184 с.

10. *Дебор Г.* Тезисы о культурной революции [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2007. № 79–80. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/debord/> (дата обращения: 19.08.2015).

11. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.

12. *Новоженова А.* Ситуационистский интернационал : [сайт Colta]. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/8136/details/23239/> (дата обращения: 12.07.2015).

13. Стенограффия : [официальный сайт фестиваля уличного искусства «Стенограффия»]. URL: <http://stenoграфия.ru/> (дата обращения: 18.09.2015).

14. *Трубина Е. Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2011. 518 с.

15. «Уличная грязь» : интервью с художниками В. Абихом и Славой PRTK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/portrety-bomzhej-narisovali-ulichnoj-gryazu-494405/> (дата обращения: 16.09.2015).

16. «Улучшения на районе» : [официальный сайт художника Т. Ради]. URL: <http://t-radya.com/street/31/> (дата обращения: 10.09.2015).

17. *Целуйко А.* Субкультура граффити: проблема самоидентификации автора. URL: <http://www.thewallproject.ru/dopstuff/problema-samoidentifikacii-avtora/> (дата обращения: 16.09.2015).

18. *Чистякова М. Г.* Измени пространство — измени жизнь: социально-антропологические контексты стрит-арта // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2013. № 10. С. 168–173.

19. Что ты будешь делать, если завтра начнется война? : [официальный сайт арт-группы «Злые»]. URL: http://zeart.ru/job/chto_ty_budesh_delat_esli_nachnetsya_vojna (дата обращения: 16.09.2015).

Статья поступила в редакцию 28.10.2015 г.

УДК 008 + 316.74(4/5) + 316.347(571.15)

И. А. Жерносенко

АЛТАЙ КАК ЗОНА ПОГРАНИЧЬЯ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Статья посвящена изучению проблемы пограничья как особой зоны культурогенеза. Цель: проанализировать логику становления культуры пограничья — целостной общности, сформировавшейся на основе симбиоза двух или более этносов. Объект исследования: территория Алтая, где культурогенез зоны пограничья приобретает свою специфику, обусловленную его географическим положением на перекрестке ландшафтов Великого пояса степей и горных краёв Евразии, а также путей великих миграций и распространения мировых религий. В условиях современных переходных процессов Алтай, обладающий «биосферно-ноосферным» потенциалом, может стать моделью для отработки стратегии регионального развития, имеющей эвристическое значение для разных регионов Евразии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пограничье; культурогенез; историко-культурная зона; горный ландшафт; Алтай; локус; «биосферно-ноосферный» потенциал.

В трудах современных культурологов «переходный период» рассматривается как особая фаза историко-культурного развития, осуществляющая выход культуры на новый уровень организации и позволяющая снять ее внутрисистемные противоречия. Еще на заре нынешней переходной эпохи М. С. Каган дал исчерпывающую дефиницию переходного типа культуры, когда в лоне отмирающего предшествующего периода историко-культурного развития зарождаются новые отношения, вступающие со старым порядком вещей в самые разнообразные виды взаимодействий: от компромиссов до непримиримой борьбы. Главным качеством переходности автор называет широкий спектр вариаций способов разрешения противоречий между прошлым и будущим [5].

ЖЕРНОСЕНКО Ирина Александровна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, г. Барнаул (e-mail: irina.jernosenko@gmail.com).

© Жерносенко И. А., 2016

Осмысленное переживание настоящего как *пограничья* между прошлым и будущим, в котором эти два вектора пребывают синкретично, позволяет этим будущим управлять. Гениально прозрение поэта, утверждавшего, что *настоящая* жизнь — это лишь «миг между прошлым и будущим», и постичь ее мудрость может только тот, кто способен уловить это пограничье: «ослепительный миг»¹. Ситуация пограничности, как во временном измерении, так и пространственном, обостряет проявление факторов, находящихся в потенции или латентном состоянии, открывает новые горизонты исследования.

В России категории пространства и времени обладают специфическими свойствами, вступая в сложные связи с категориями границы и пограничья. Как утверждает Г. Д. Гачев, «...Россия своих границ и пределов никогда не знает, и хоть увидишь их на карте, но в ощущении — нет. Связано это с соседством с Арктикой, Севером, с просторами, лесами и тайгой Сибири... границ нет, и своя земля прямо переходит во Вселенную» [1, 34]. На протяжении всей своей истории, еще от Древней Руси, наша страна находилась в двойственном положении: с западной стороны ее границы были четко очерчены, политически закреплены, и любые инсинуации соседних государств получали адекватный отпор (начиная от Александра Невского и до XX в. включительно); собственно пограничные богатырские заставы стояли со стороны *поля* (юго-восточное направление), но они не были границей в подлинном смысле слова. Это было пограничье, открытое в обе стороны, оно расширялось в сторону востока, упираясь в естественную границу океана. Н. Н. Моисеев, анализируя типологию техногенных и традиционных цивилизаций, усматривает причину такого неудержимого влечения русского человека вдаль существованием «некой системы внутренних установок, присущих целому народу и даже группе народов, этносам». Удивительно, но факт: «...Не японцы открыли и осваивали лежащие у них под боком Курильские острова и Камчатку. Это сделал русский мужик, который пешком прошел через всю Сибирь. Он пришел из Европы, неся динамизм ее культуры» [8, 267]. В этом смысле «русский мужик» по сравнению с японцами (крайний восток) — вполне европеец. Но в отношении самого себя — он закрыт для Европы и открыт полю, степи, Востоку.

Историческое время российской государственности маркируется пространственными вехами новых пограничій (но не границ). Удивительно точно это подметил В. О. Ключевский: «Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине...» [7, 32].

Именно в такой логике происходило освоение русским человеком пространств Евразии до того, как новые территории включались в состав государства. В процессе земледельческих миграций, либо промышленного освоения (от слова

¹ Леонид Дербенев, автор слов популярной песни «Есть только миг» из к/ф «Земля Санникова».

«промысел»; в XVI–XVIII вв. «промышленниками» называли людей, занимавшихся рудознатским или охотничьим промыслами), либо скрываясь от барщины, от церковной реформы, от преследований, в поисках лучшей доли, русский человек осваивал новые пространства, преобразуя ландшафт в земледельческие области. Но закрепиться на новых землях он бы не смог, если бы не выстраивал комплементарной зоны пограничья. Завоевание и правительственная колонизация шли, как правило, позади естественного расселения и надеяться на силу закона или государственных институтов не приходилось.

В такой же логике, вероятно, происходило выстраивание межкультурных отношений и в более древние времена. В частности, на территории Алтая это можно проследить на примерах сохранившихся сакральных центров, где в конструктивный диалог, синтезирующий взаимное признание ценностей, вступали земледельческие и кочевые культуры как в синхронии, так и в диахронии. Во всех этих случаях основой успешности закрепления на новой территории было выстраивание пространства пограничности. Причем сначала именно ментефакты как «единицы культурного пространства» (В. В. Красных), входящие в когнитивную базу взаимодействующих национальных культур, становились каркасом культурного ландшафта, закреплялись в мифологической картине мира, системе сакральных объектов, ономастиконе территории (В. Н. Калуцков), а потом уже происходило совместное выстраивание культурного ландшафта.

Культуры пограничья становятся качественно новыми, целостными общностями, сформировавшимися на основе симбиоза двух или более этносов, на рубежах религиозных миров. Это открытые культуры: полиэтничные и поликонфессиональные, способные к восприятию чужих ценностей и готовые поделиться своими. Не случайно ряд современных исследователей выделяют их в самостоятельные локальные цивилизации.

Я. Г. Шемякин называет параметры пограничных цивилизаций: особая значимость природного фактора, слабая способность к формообразованию, примат пространства над временем, переход через грань меры, преобладание многообразия над единством, противостояние стихии иррационального. По его мнению, классические цивилизации органичны и синтетичны, а пограничные — симбиотичны и расколоты [14]. В. Б. Земсков расширяет трактовку пограничных цивилизаций, отмечая историческую относительность этого концепта. Он утверждает, что культуры практически всех классических цивилизаций на этапе становления были периферийными и пограничными, характеризовались чертами пограничных образований, в которых наблюдаются расколотая идентичность, фрагментарность ценностных систем, конфликтность цивилизационных процессов и т. п. При этом автор подчеркивает культуuroобразующее значение симбиоза [3].

Этот процесс амбивалентен: пограничные цивилизации, развиваясь, осуществляют свою экспансию (чаще всего весьма агрессивно) от периферии к цивилизационному центру и тем самым, в свою очередь, трансформируют классические цивилизации в пограничные. Следовательно, пограничность — это временное состояние любой цивилизации, а не имманентное свойство каких-то особенных пограничных цивилизаций, противопоставляемых классическим. А значит,

культурный синтез как культуuroобразующий фактор принадлежит не только «классическим цивилизациям», и симбиотичность не есть сущностная характеристика пограничных цивилизаций.

Но Россия и здесь порождает парадокс: освоение восточных пространств идет от центра к периферии, где «русский мужик», как подлинный пассионарий, «нося динамизм» «европейской», по отношению к народам Сибири, культуры, выстраивает новое пограничье. Причем, как точно подмечает В. Б. Земсков, синтетические элементы формирующейся цивилизации в процессе культуuroгенеза возникают значительно раньше в идеальной (ноуменальной) сфере и лишь затем обретают свою плоть через практику культуuroтворчества [3].

Если рассматривать Россию как пограничье Востока и Запада, где временная координата, сжимаясь, как пружина, накапливает колоссальный энергетический потенциал, чтобы затем развернуться в очередном историческом рывке, то Алтай является средокрестием этой конструкции, где уравниваются время и пространство. Время меняет свой горизонтальный вектор (из прошлого в будущее) и начинает двигаться по векторам вертикали (из профанного времени к сакральному), а пространство обретает точки «привязки» — «чакы»² и ищет «укрытий».

Географическое положение русского Алтая на стыке Великого пояса евразийских степей и просторов Центральной Азии, оказавшегося как раз на пути движения древних ариев, а затем огромных масс кочевников во время Великого переселения народов, сыграло роль своеобразного «конденсатора евразийского культурного многообразия» (А. С. Суразаков), давшего начало большинству евразийских культур. Историко-культурная зона Алтая погранична как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах: сменяющие друг друга во времени и в пространстве племена и народы ткали четырехмерное полотно мультикультурного пространства, создавая в особо значимых локусах многослойные культурные тексты (например, сакральные центры, не утратившие своей культуuroстабилизирующей функции и по сей день) — по сути, палимпсесты.

Конфигурация самого алтайского ландшафта изначально погранична: два колоссальных ландшафтных массива — Великий пояс евразийских степей и горная страна Центральной Азии — лаконично делят сегодня русский Алтай на два субъекта Российской Федерации: Алтайский край (степная зона) и Республику Алтай (горный ландшафт). Эта граница, дитя перестройки, повлекла за собой целый шлейф вопросов, проблем, недопониманий, взаимных претензий, как на этнокультурном, так и на социально-политическом уровнях, подняв, как знамя, проблему **культурной идентичности**. Но историко-культурная зона русского Алтая, фрактальная Большому Алтаю (историко-культурная зона алтайского горного ландшафта, объединяющего сегодня территории России, Монголии, Казахстана и Китая), на протяжении нескольких тысяч лет складывалась как единый пространственно-временной континуум, позволяющий органично развиваться населяющим его этносам, сочетающим кочевой, оседлый и полuosедлый способы

² Чакы — у алтайцев коновязь — обязательный атрибут дома, выполняет не только бытовую, но и сакральную функцию: Axis mundi, фиксация в пространстве по горизонтали и вертикали. Имеет вид многоярусного столба (от 6 до 24 ярусов).

хозяйствования, тем самым обретая устойчивость к разнообразным природным и историческим вызовам.

Если теоретиками евразийской концепции достаточно подробно рассмотрена степная зона, собственно воплощающая в себе изначальные условия для «размаха геополитических комбинаций» (П. Н. Савицкий), куда всегда стремилась «стихийная душа русского народа» (А. А. Коринфский), то горные ландшафты не получили у них столь тщательной проработки. Вместе с тем горные ареалы играют специфическую роль в процессах этно- и культурогенеза.

По утверждению исследователя первобытной культуры А. Д. Столяра, горы как особый «вещающий ландшафт» выполнили *первичную функцию инкубатора культурогенеза* (выделено нами. — И. Ж.): от убежища, способствовавшего выживанию, до моделей структурирования сознания, способствовавших осмыслению вершин Духа [11]. Не случайно храмы всех древних цивилизаций строились по образу и подобию Мировой Горы, воплощавшей в себе космогонию, пространственную модель мироздания и социальную иерархию, ставшую основой государственности. Более основательно это наблюдение прорабатывают авторы теории регионалистики: «По мере развертывания энтропии и нарастания социокультурного опыта именно горные районы перманентно остаются очагами его концентрации и напряжения... Древнейшие архаические этноконфессиональные стереотипы в наивысшей чистоте удерживаются и вступают в резкое противоречие с тенденциями глобальной интеграции урбанистической постиндустриальной цивилизации именно здесь, превращая горные ИКЗ (историко-культурные зоны. — И. Ж.) в зоны конфликта и этноцида. Однако именно горная ИКЗ Западной Европы, альпийская Швейцария, представляет форму сбалансированной федерации в качестве возможного средства разрешения такого рода конфликтов. Исторически развившаяся в Альпах кантональная структура стала одним из полюсов и эталонов мирового сообщества, и здесь, как и в палеолите, горы остаются первоисточником появления новых отношений человека с окружающим миром» [9, 91–92]. Сегодня Горный Алтай тоже представляет собой точку бифуркации (в значительно более мягкой форме, чем это проявляется в кавказской ИКЗ), где вызревают новые сценарии саморазвития не только данного региона, но и российского социокультурного пространства в целом. Только очень важно, какой аттрактор будет выбран в качестве приоритетного.

Особенностью алтайской «точки бифуркации» является ее двойственная природа (центробежная и центростремительная). С одной стороны, такой точкой ветвления, выбора пути, перекрестка Евразии Алтай был во все времена. В разные эпохи в разных направлениях через него двигались племена и народы: с запада на восток (в эпоху бронзы и в Новое время), с юго-запада на северо-восток (в скифо-сарматское время), с востока на запад (в эпоху Средневековья). Но этот перекресток как бы «втягивал» в себя, в свою сердцевину, укрывал, давая отдохновение и преображение тем, кто сюда попадал. После монотонных степных ландшафтов, после гибельных пустынь и болот Монголии, после суровых труднопроходимых кражей Кунылуна и Тянь-Шаня Алтай воспринимался как благословенное место. Гумилев не случайно называет его «укрытием». «Склоны

этих гор, — пишет он, — одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей степи... По отношению к степным соседям, Алтай — крепость, “Крутой скат” (Эргене Кун), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища...» [2, 151]. А. М. Сагалаев также акцентирует внимание читателя на определении «укромный»: «После открытых просторов слегка волнистой равнины погружение в горные долины воспринимается как переход от пространств незащищенных к местам *укромным*, которые дадут человеку приют и надежную защиту. Алтай обступает, обволакивает, принимает в себя человека. **Но он же требует и ответных усилий души...** (подчеркнем это. — И. Ж.)» [10, 61].

В русском языке семантика слова «укромный» содержит в себе изначально смысл пограничности: «...укромь — “край, предел”, оукромие, ср. р. — то же, укроть — “отдельно, самостоятельно”, укротьнь — “крайний” (Кирилл Туровский; см. Срезн. III, 1188). Связано с кром, кромá» [14, 157].

Не случайно и главный этногенетический миф тюрков рассказывает о волчице, которая спасла их первопредка Ашину, укрыв его от неминуемой гибели в пещере в горной долине Алтая. Здесь двойная защищенность (пещера и горная долина) конкретного географического локуса переходит в семантическую «открытость» топоса Горы — осевой структуры мироздания, *Axis mundi*, пронизывающая собой миры трехчастной Вселенной. В алтайской мифологической картине мира Родовая Гора ежегодно выпускает на свет души людей своего рода и животных, обеспечивая, таким образом, бесконечный круговорот жизни. Она как бы придает материальную оболочку душам, спускающимся с Неба, чтобы они могли прийти в этот мир. Родовая Гора открыта как небесному миру, так и земному. Так же лоно мифической алтайской Горы «открылось» в начале времен тюркской истории — дало начало правящему тюркскому роду ашина.

Алтайская мифологема Родовой Горы буквально иллюстрирует дефиницию А. Д. Столяра о том, что горы являются *инкубатором* культурогенеза. Для южных хунну Алтай стал пределом, где закончился их исторический путь — время свернулось в точку. Но лоно Алтая рождает новый народ — пассионарный, с новыми стереотипами поведения, новой системой ценностей, позволившей тюркам в кратчайший срок стать «господами полумира» (Л. Н. Гумилев). В бесконечных евразийских просторах алтайский локус укрытия не только позволял получить некую успокоенность, обрести равновесие, но пережить **преображение** — «*incipit vita nova*» (начало новой жизни), по определению М. Элиаде [15, 42]. Так же и русские старообрядцы после смуты раскола, уходя за Камень (так они называли алтайские горы), находили защиту от преследований и укрытие в благословенных долинах Уймона и Ак-Кема, обретя свое Беловодье.

И сегодня на Алтай из разных уголков планеты едут многочисленные туристы, паломники, последователи учений живой этики, буддизма, йоги, трансперсональной психологии, транссерфинга и еще огромного количества концепций, систем и т. д. и т. п. Независимо от идеологических установок и духовных ориентаций, люди интуитивно чувствуют Нечто трансцендентное, что способно, по их мнению,

изменить их повседневную реальность, заполнить пустоту бездуховности; стремятся прикоснуться к сакральному.

Ученые разных специальностей: философы, экологи, экономисты, культурологи — отмечают наличие «биосферно-ноосферного» потенциала алтайского региона как реального фундамента для преобразования — преодоления глобального системного кризиса. Сегодня как никогда ощущается необходимость поиска конструктивных концептуальных и практических решений преобразования социума, экологии, экономики и т. п. Но очевидно, что столь масштабные изменения невозможны без изменения типа мышления современного человека: от потребительского и присваивающего отношения к окружающей среде и социально-политического соперничества к «ноосферному сознанию», основанному на принципах умеренности, интеграции, рационального использования, сохранения и развития культурно-биосферного потенциала как локальных территорий, так и всей планеты. Комплексный подход к решению интегративных проблем современного евразийского культурогенеза предполагает практическую реализацию принципов духовной зрелости, культурного единства, комплементарности, а также наличие способности к конструктивному диалогу.

На примере Алтайского региона ученые предлагают начать разработку ноосферной модели стратегии регионального развития, имеющей эвристическое значение для разных регионов Евразии [4]. В основание данной модели заложена идея сохранения целостности культурных ландшафтов коренного населения и устойчивого развития локальных территорий, обладающих «биосферно-ноосферным» потенциалом. Необходим осознанный подход к управлению такой территорией, основанный на долгосрочном сохранении сакральных ландшафтов Алтая как особых экосистем и механизмов ноосферогенеза (гармоничного соразвития человека и природы), повышении устойчивости бытования в ландшафте коренного населения. И устойчивость поступательному развитию территории опять же придаст процесс выстраивания нового пограничья на основе культурного диалога между представителями традиционных культур и представителями цивилизаций Запада и Востока.

И еще: для осуществления преобразований такого масштаба необходимо создать условия для формирования нового типа сознания — ноосферного. Только сформировав в сознании подрастающего поколения систему духовно-экологических ценностей, опредметив их в культуротворческой, эколого-этической, преобразующей и природосберегающей деятельности, можно ожидать, что будет сформирована духовная платформа для реализации стратегических программ ноосферного развития региона.

---

1. *Гичев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.

2. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.

3. *Земсков В. Б.* Латинская Америка и Россия (проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // *Общественные науки и современность.* 2000. № 5. С. 96–103.

4. *Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.* Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы : монография. Барнаул, 2001.
5. *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание : [избр. статьи]. Л., 1991.
6. *Калуцков В.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1, лекция 2 // Соч. : в 8 т. М., 1956. Т. 1.
8. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М., 1998.
9. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / [В. А. Булкин, А. С. Герд, Г. С. Лебедев, В. Н. Седых] ; под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999. 389 с.
10. *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.
11. *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
12. *Суразаков А. С.* Алтай в центре евразийского этнокультурного синтеза // Алтай — Космос — Микрокосмос : тез. докл. 2-й междунар. конф. Алтай, 1994.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева ; ред. и авт. предисл. Б. А. Ларин. М., 1987. Т. 4.
14. *Шемякин Я. Г.* Отличительные особенности «пограничных цивилизаций» (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114.
15. *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994.

Статья поступила в редакцию 08.12.2015 г.

УДК 008 + 130.2 + 2-264

О. Ю. Астахов

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ ИДЕИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФА О ДИОНИСЕ В ФИЛОСОФИИ ВЯЧ. ИВАНОВА

Рассматриваются культуротворческие идеи в теории дионисийства Вяч. Иванова в связи с необходимостью решения проблемы преодоления привычной реальности, скрывающей подлинное теургическое содержание жизни. Определяется значимость дионисийского универсализма в преодолении разобщенной индивидуальности на пути развития сверхличностного символического искусства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : символизм; культуротворческие идеи; теория дионисийства; миф; теургия.

Философские идеи Вяч. Иванова занимают особое положение в системе взглядов конца XIX — начала XX в. на проблемы переосмысления традиционных представлений роли творческих поисков в развитии культуры. Его суждения о символизме как особом мировидении в культуре неизменно сопровождались полемикой и вызывали интерес А. Белого, А. А. Блока, Д. С. Мережковского,

---

АСТАХОВ Олег Юрьевич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры (e-mail: astahov_oleg@mail.ru).

© Астахов О. Ю., 2016

З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта и других участников символистского движения. Так, например, при переписке с А. Блоком А. Белый отмечал: «Для меня несколько человек обведены магическим кругом; в ссоре я с ними или нет — они в общем круге. В числе этих немногих — Вячеслав и Ты. Оттого-то душно и грозно мне, когда мы в ссоре; в дружбе ли, в ссоре ли — все одно: мы в одном круге; а если круг обведен, лучше быть в дружбе; тяжело плыть с врагом в одной каюте, на одном корабле; а мы вместе плывем...» [2, 397]. Подобная общность настроений не исключала дискуссий, вызванных необходимостью определения направлений развития культуры, и в этих спорах позиции первенства были незыблемыми, при одновременном культивировании возможности построения универсалистских теорий, утверждающих значимость рефлексии творчества. М. Альтман свидетельствовал о том, как Вяч. Иванов высказывался о своем отношении к участию в таких дискуссиях: «Нужно, чтоб всякий творческий человек испытывал известное самообольщение, что он в некоем отношении в своем творчестве первый из своих современников. Так, на нашем опыте это чувство первенства испытывали Бальмонт, Брюсов, Блок, Белый и я. Да, и я. И если в 1904 году (в эпоху “Прозрачности”) я писал, что первую пальму и лавр предоставляю Бальмонту, то этим я не хотел отнюдь сказать, что я считаю его выше себя: нет, я как жюри — вне сравнения, он первый среди всех остальных, кроме меня. То же хваля Брюсова, я этим говорю, что сам-то я еще больше. И так же, как я, думал каждый из нас» [1, 50–51]. И в этом ключе рассуждений формировались индивидуально-авторские представления Вяч. Иванова о символизме, базирующемся на мифотворческих идеях, формирующих новую парадигму онтологии культуры, получившей свое развитие в XX в. Подобная ситуация, несомненно, выдвигала на первый план вопросы, связанные с обращением к универсалистским идеям, открывающим новые пути развития культуры.

Основой для формирования универсалистских идей Вяч. Иванова стал миф о Дионисе. Его интерпретация определялась авторскими установками на соединение несоединимого, связанного с построением научной модели, включающей в себя религиозное мифотворчество при одновременном обращении к художественным практикам. Характеризуя специфику теории дионисийства, С. Д. Титаренко справедливо отмечает, что она вбирает в себя «и теорию мифа, и модель творчества как теургического “перехода” за “границы искусства”, и процесс художественного и религиозно-философского мышления, и образец философской герменевтики и мифокритики, и предвосхищение открытий К. Г. Юнга в области “коллективного бессознательного” и архетипов» [6, 116]. Поэтому, обращаясь к проблеме интерпретации мифа о Дионисе, необходимо акцентировать внимание на рассуждениях автора об универсальных сущностях, лежащих в основе мистической связи человека с высшим началом, определяющим подлинное содержание культуры в ее онтологическом статусе.

Первым произведением, в котором автор ставил вопросы изучения природы мифа о Дионисе, явилось исследование «Эллинская религия страдающего бога», первоначально представленное в лекциях, прочитанных в парижской Высшей школе общественных наук в 1903 г. и в дальнейшем опубликованных в журналах

«Новый путь» и «Вопросы жизни» (1904–1905). Идеи Вяч. Иванова, получившие широкий резонанс среди символистов, определили модель культуротворческих исканий автора, базирующихся на принципах теургии, открывающих возможности постоянного развития и движения вперед. Итоги эзотерических исканий философа были представлены в книге «Дионис и прадионисийство», посвященной проблемам преодоления привычной реальности, скрывающей подлинное теургическое содержание жизни, открытие которого возможно через экстатическое трансперсональное состояние божественного вдохновения. Миф о Дионисе как раз и демонстрирует эту реализацию перехода от одного предела к другому, открывающего полноту жизни как абсолютную ценность. Поэтому не случайно, определяя специфику исследования мифа о Дионисе, Вяч. Иванов писал: «Предлежащая монография — работа, прежде всего, филологическая, потому что главная задача ее — установить, описать и истолковать во всем его своеобразии некий творческий акт эллинского духа. К целостному постижению последнего, через посредство одного многообъемлющего религиозного феномена огромной и всесторонней значительности, она существенно устремлена — и потому отличается самым целеположением от сравнительно-исторических изучений религии, ищущих уловить постоянные признаки, закономерную последовательность, родовое и типическое общей религиозной эволюции...» [4, 259]. Филологический анализ, отличающийся от сравнительной истории религий и этнографии, являющихся, по мнению автора, вспомогательными дисциплинами, открывает возможности целостной интерпретации мифа о Дионисе. И хотя Вяч. Иванов отмечает значимость сравнительно-исторического исследования Дж. Фрезера «Золотая ветвь», в котором рассуждения о видах магии также ориентированы на реконструкцию особенностей архаического мышления при обращении к огромному количеству примеров верований и обрядов «дикарей», мифологий религий народов Европы, древнейшего политеизма Египта, мифологии Древней Греции, автор указывает на необходимость преодоления соблазна установления сходства отдельных черт религиозного быта и мифотворчества вне индивидуального исторического круга. Поэтому его привлекает метод «высшей» герменевтики, способствующий открытию духа эпохи и даже философского истолкования той или иной стороны античного сознания и творчества в целом [Там же, 261].

Таким образом, аргументируя содержание подлинных принципов установления причинности явлений, Вяч. Иванов определяет логику исследования мифа, связанную с воссозданием его первичного смысла, первообраза. Однако сложность такого анализа обуславливается большим количеством исторических напластований, что усугубляется противоречивостью исходных идей, не поддающихся одномерной оценке. Поэтому, обращаясь к исторической перспективе дионисийства, Вяч. Иванов акцентирует внимание на множественности его антиномичных атрибуций. Так, например, автор, указывает на символическую связь образов змеи и быка в представлениях о Дионисе: «Существо бога, вечно рождающегося и вечно умирающего, есть постоянная смена этих двух образов или состояния бытия: бык превращается в змию, змий — в быка. Бык мыслится при этом как оплодотворитель, умирающий после акта оплодотворения, и как

жертва; змий — как его неистребимая сущность и семя в земле» [4, 112]. Одновременно этот ряд антагонистических образов осложняется антропоморфическими чертами: смерть жертвенного быка — это брак с Землей, в котором он становится супругом в виде змия. Череда происходящих метаморфоз в различных культах Диониса свидетельствует о постоянстве его стремлений к преодолению границ своего существования. Потому, выявляя первичный мифологический принцип дионисийства, автор указывает на органику множественности его прочтений, которая диктуется природной двузначностью его рождения: «Утверждение двойного рождения Дионисова, как и ряд других проявлений диады в существе Диониса, во всем мыслимого двуликим и двуприродным, есть как бы шов, указывающий на образование новой религии из сложения двух частей противоборствующих: женской религии всеобъемлющего темного женского божества и мужской — прадионисийского Зевса, сближенных общими чертами оргазма, человеческих и, в частности, детоубийственных жертв и представлением о жертве как о ритуальном богоубийстве, — мы бы сказали: изначальном присутствии принципа диады в каждой из обеих религий, отдельно взятой, ибо нет оргазма без полярности религиозного переживания, без антиномизма религиозных представлений» [Там же, 93]. В этих рассуждениях автор преодолевает понимание дионисийства в узком смысле как обращение к конкретному богу Дионису, значимым становится более общий религиозный феномен, который в контексте греческой культуры определяется как прадионисийство. Таким образом, примеры, подтверждающие двойственность Диониса, становятся свидетельством его синтетического универсализма как основы развития религиозного сознания.

В этом ключе, рассматривая историческую перспективу дионисийства в исследованиях Вяч. Иванова, Ф. Вестбрук выделяет ряд синтезов, обуславливающих характер его развития:

— географический синтез, свидетельствующий о параллельном распространении материкового и островного культа в развитии оргиастической религии архаического греческого мира;

— мифологический синтез, который выражается в фиванском культовом мифе соединением земли и неба (с которого прадионисийство в Греции становится дионисийством);

— религиозный синтез, связанный с приходом Диониса в святилище Аполлона в Дельфах, в результате чего оба божества обмениваются качествами, и Дионис становится истинным носителем главных свойств Аполлона — дара пророчествования («мантика») и очищения («катартика»);

— политический синтез, связанный уже с дионисийством в Аттике, представляемым образом Писистрата как распространителя орфического культа, стремящегося к национальной «орфической церкви»;

— мистический синтез, определяемый соединением и выражением всех главных элементов народного прадионисийского верования и актуализацией Дионисовой религии страдающего бога [3].

В итоге Ф. Вестбрук отмечает, что в понимании Вяч. Иванова все истинно религиозные явления греческой культуры должны быть связаны с идеей страдающего

бога, что приводит к «дионисификации» греческой религиозной культуры. В огромном количестве богов, героев, полубогов и других мифологических существ Вяч. Иванов последовательно раскрывает типологию страдающего бога. Даже Аполлон, как символ олимпийской стороны «обрядового дуализма», — божество, которое не только у Ф. Ницше, но и во всей традиции изучения античной культуры составляет прямую противоположность Дионису, оказывается под его влиянием.

И более того, в представлении Вяч. Иванова универсализация монотеистической тенденции Дионисовой идеи приводит к установлению его связи с христианством. Отмечая, что все божества олицетворяют закон, все они — законодатели и закономерны сами, автор указывает на стремление Диониса к свободе, что связывает его с христианством: «Отрицание закона, противоположение ему свободы есть в дионисийском античном идеале черта христиански-новозаветная. Ибо Дионис-освободитель не мятежен и не горд, и так нисходит к людям, как к своим кровным, и так же восходит к отцу, в котором пребывает: ведь Зевс и Дионис, по коренному воззрению эллинов, одна сущность, даже до временного или местного слияния самих обличий» [4, 56]. В результате тенденции отождествления этих обличий формируется понятие единого божества, примером идентификации которого становится соотношение субстанционального тождества и ипостасного различия. Эти особенности проявляются в двух отчужденных и сыновних аспектах, представляемых Вяч. Ивановым в следующем взаимоотражении сущностей:

1) аспект верховного Отца — Зевс;

2) аспект того же бога, повторенный или отраженный внизу, в недрах Земли и царстве мертвых, — нижний, подземный Зевс, или Аид;

3) сыновняя ипостась всевышнего Отца, созерцаемая как солнце живых, — зримый Гелий (с ним отождествляется и Аполлон, поскольку разумеется внешнее выявление Аполлона, а не его умопостигаемая сокровенная сущность как начало космической монады);

4) сыновняя ипостась Отца, прозреваемая как солнце мертвых, или — что то же самое — сыновняя ипостась подземного Зевса, — Дионис [Там же, 189].

Через соотношение этих ипостасей в орфизме, базирующемся на оргиастическом культе, осуществляется стремление к монотеизму, в котором особую роль играет Дионис, символизирующий собой страдания и воскресения, поэтому Вяч. Иванов пишет: «Мир — страстный модус единого бытия, и Дионис — имя этого модуса в абсолюте. Дионис равно жив в макрокосме и в микрокосме; смерти нет для души, как и для Бога» [Там же, 190]. В результате автор приходит к выводу о том, что дионисийство становится основой развития христианства, и орфизм знаменует собой неизбежность логики этого движения: «Развитие орфизма представляется с древнейшей поры водосклоном, по которому все потоки бегут во вселенское вместилище христианства» [Там же, 190–191]. Отмечая единство религиозной символики дионисийского и христианского культов, автор приходит к выводу о возможности реконструкции целостной общности, побеждающей кризис индивидуализации современной культуры.

Таким образом, Вяч. Иванов актуализирует мистические идеи универсальности дионисийства как открытие бога в человеке. И этот путь связи человека

с не постижимыми тайнами высшего божественного мира реализуется в модели дионисийского экстаза, открывающего способы преодоления пределов реальности, что потребовало обращения к проблеме создания новой онтологии сознания. В связи с этим С. Д. Титаренко пишет: «Делая дионисийскую модель онтологией сознания, поэт-исследователь создает арсенал универсальных символов и мифов из языка описания дионисийского ритуала, а также орфических, элевсинских и христианских культов, что было его вкладом в теорию символизма» [6, 138]. Рассматривая миф как динамический вид символа, Вяч. Иванов обращается к характеристике культуры в аспекте постоянства ее становления и реализации творческого потенциала как на диахронном, так и синхронном уровне. Поэтому, утверждая смысл существования человека в уподоблении и подражании божественной жизни, автор усматривает перспективы его развития в реализации культуротворческого потенциала при обращении к его теургическим возможностям.

Однако бунтующий характер человека открывает деструктивные характеристики культуры, но и в этом случае в нем проявляется раздвоенность божественной природы Диониса, даже при его богоборческих устремлениях. По мнению Вяч. Иванова, богоборчество — основа человеческого бытия и стимул для развития глубин человеческой души. Если человек не чувствует в себе потребности противления Божеству, значит, в душе его не разворачивается драма, и, следовательно, не происходит никаких действий и событий, являющихся стимулом к творчеству. Он не ищет изменений ни в себе, ни в окружающей его действительности. Богоборчество проявляется в разных религиях, и Христа можно признать богоборцем, поскольку он тоже проповедует идею неприятия мира в антиномии его глубинного содержания. Он любит мир в его кокетных проявлениях. Он восстанавливает истину в мире, восставая и побеждая зло [7, 81–84]. Поэтому Вяч. Иванов, обращаясь к характеристике современности, отмечает значимость истинной анархии, как вечно сотворяющей себя по образу и подобию Диониса: «Анархия, если она не хочет извратиться, должна самоопределяться как факт в плане духа. На роду написано ей претерпение гонений; но сама она должна быть чиста от преследований и насилия. Ее истиннейшая область — область пророческая: она соберет безумцев, не знающих *имени*, которое их связало и сблизило в общины таинственным сродством взаимно разделенного восторга и вещего соизволения. В таких общинах, которые будут как бы не от мира, чтобы преемственно продолжить древнюю войну с миром, приютится индивидуализм, не находящий себе места в мире» [5, 89–90].

Дифференциация современного личного сознания, неизбежно вовлекающая его в культивирование своего индивидуализма, по мнению Вяч. Иванова, преодолима в мистическом анархизме, открывающем стихию дионисийства как вечно преобразующего начала, обнаруживающего подлинный культуротворческий потенциал человеческой жизни. В единстве религиозной символики дионисийского и христианского культов открывается целостная общность, побеждающая кризис индивидуализации. Мистический анархизм, преодолевая пределы устанавливаемых норм, наполняется пафосом любви к невозможному, что реализуется в творческой фантазии пророка. Задача пророка-символиста — через отказ

от «индивидуального» создать сверхличностное искусство, знаменующее объективные реальности. Поэтому искусство должно быть направлено на создание религиозного мифа, являющегося высшей реальностью человеческого духа, а образ Диониса должен стать для поэта-символиста символом проявления сверхличного бытийного духа, его универсальности и интегративности.

-
1. *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
  2. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. 1903–1919. М., 2001.
  3. *Вестбрук Ф.* Дионис и дионисийская трагедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/issledovaniya_na_russkom/2000-2010/ (дата обращения: 02.12.2015).
  4. *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб., 2000.
  5. *Иванов Вяч.* По звездам. Броды и межи. М., 2007.
  6. *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012.
  7. *Чистоткина Е. С.* Мифологические основы культурософской эссеистики Вяч. Иванова // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2009. № 52. С. 81–84

Статья поступила в редакцию 08.12.2015 г.

УДК 72.01 + 159.955

Т. М. Степанова
А. В. Степанов

ИКОНИКА: АРХИТЕКТУРНЫЙ МЕТОД КАК ЦЕЛОСТНАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ СИСТЕМА

В статье на уровне методологического знания рассматриваются системные компоненты изобразительной и проектной деятельности, интегрируемые в *архитектурном методе*. Авторы предлагают аналитическое компонование понятия «архитектуризация» в рамках иконики как науки, отражающей целостный исторически сложившийся образ формирования визуально-объектной информации. Архитектурный метод позиционируется в роли ведущего проектного метода, методически ориентированного на синтез науки, искусства, инженерного творчества, техники и гуманитарного знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иконика; иконическое знание; визуально-объектная информация; визуально-предметный фактор; целостное визуальное мышление; архитектурный метод; «архитекторизация»; перцепция; анализ; синтез.

Иконика как современное научно-информационное направление, а также понятие, используемое в теории визуальных коммуникаций, психологии и др., в наше время постепенно набирает различные смыслы, формирует особое, новое «иконическое пространство» [18]. В данной статье понятие «иконика» ориентировано на такой объект (модально презентующий иконике), как интегральное знание (архитектурный метод), дающее возможность привнесения новых позитивных изменений в формирование целостного визуального мышления современного человека.

Значение целостного визуального мышления для науки и практики в статье обосновывается философскими, историческими, методологическими и практическими фактами, связанными с функционированием архитектуры. Новизна подхода к решению задачи доказательства актуальности целостного визуального мышления заключается в объединении совокупности соответствующих необходимых научных сведений и практических фактов в рамках иконики (как объекта) и архитектурного метода (как предмета).

Цель исследования — обосновать вектор синтеза науки, искусства и практики, осуществляемого в художественном и архитектурном пространствах, под интегралом *архитектурного метода*.

Методика исследования включает: предыдущие исследования авторов статьи по тематике иконики; анализ и синтез теоретических исследований архитектуры

СТЕПАНОВА Татьяна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: S49@list.ru).

СТЕПАНОВ Александр Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дизайна интерьера Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: S49@list.ru).

© Степанова Т. М., Степанов А. В., 2016

в предметных областях философии (Н. Ф. Федоров, П. А. Флоренский, А. К. Горский и др.), культурологии и искусствознания (К. С. Малевич, Ле Корбюзье, Л. М. Хидекель, К. Фостер и др.).

Научное значение статьи заключается, на взгляд авторов, в актуальности теоретического обоснования *целостного визуального мышления человека* как подхода, который оказывает решающее влияние на формирование ойкуменической системы *человек — среда*, а также необходимости включения данного подхода в рамки теоретико-практического понятия — *архитектурный метод*.

Под целостным визуальным мышлением понимается практико-ориентированная мыслительная деятельность человека, выражающаяся в совокупности символических ментальных операций и систем, — символов «числового типа» и символов «целостного типа», характерных для живописи, скульптуры и других видов искусств [3, 36]. В иконике, как интегральной науке, важно именно это видение «иконической ментальности», синтезирующей два вида символических репрезентаций, которые реализуются в современной визуально-предметной деятельности человека — изобразительной, дизайнерской, архитектурной и др. Данный взгляд (аспект) существенен для понимания факторного смысла как особенностей символических репрезентаций, так и их интегрального, целостного воздействия.

Интегральный подход к обучению визуально-объектному творчеству необходим для специфического конфигурирования обобщающего взгляда на систему пространственного интеллекта [3], понимания методологического уровня продуктивной деятельности, связанной с осмыслением, изменением и развитием визуально-факторной предметной реальности.

Визуально-факторное влияние в реализации объектов окружающей действительности носит тотальный характер, что обуславливает необходимость глобализации (целостности) всех образовательных, творческих траекторий, усилий и векторов: научно-теоретических, методологических, технологических, практических и др.

Под визуально-предметным фактором мы понимаем то, что оказывает визуально обусловленное воздействие на формирование большинства объектов окружающей действительности — предметов материально-субстратного характера, где субстрат — это пассивная пластичная материальная субстанция, подвергающаяся целенаправленному проектному и другим изменениям.

Реализация воздействия визуально-предметного фактора на «субстратную реальность» осуществляется в различных векторах. Само многообразие данного векторного поля требует определенного обобщения для более сформированного взгляда на векторное множество, в котором следует выделить так называемые системные блоки, определяющие базовые стратегии применения визуально-предметного фактора.

Одним из таких системных блоков, на наш взгляд, является *научный метод* визуально-предметной (включая и моделирующую) деятельности. Функционирование научного метода визуально-предметной деятельности человека выявлено давно. Данный метод, если его рассматривать в рамках иконики как интегральной

учебной дисциплины, присутствует, например, в деятельности художников, архитекторов, дизайнеров, конструкторов и др.

Научный метод интегрально выражен, например, в рисунке, который, по Микеланджело, есть высшая точка и живописи, и скульптуры, и архитектуры, источник и душа всех видов живописи и корень всякой науки. Системная типология рисунка может быть представлена перцептивным, аналитическим и композиционным его типами [16].

Перцептивный рисунок следует понимать как один из ведущих методов графической фиксации взаимодействия окружающего мира с органами чувств человека. Он является первоначальным этапом системного освоения реальной среды, но в то же время может быть реализован в определенной степени как творческий метод. В целом под перцептивным рисунком понимается объективно существующий метод естественного графического отражения действительности на основе восприятия, впечатлений, наблюдений и опыта.

Аналитический рисунок занимает значительное место в освоении окружающей действительности. Ведущим принципом аналитического рисунка следует считать объективность отображения действительности. Посредством данного принципа реализуются ориентированные на него категории научного метода и адекватности использования графических средств в изображении природы.

Композиционный рисунок, помимо своей художественно-образной составляющей, актуален тем, что представлен как специфический, профессионально направленный, практико-ориентированный уровень графического моделирования, вытекающий из перцептивного и аналитического рисунка как системных компонентов.

Уже в перцептивном рисунке, наиболее свободном по коммуникации «объект — моделирование», прослеживаются такие связанные с наукой подходы, как мониторинг, мотивация, интуиция и др. В аналитическом рисунке компонент научности возрастает, принимая целостный исследовательский характер, отражающийся в изучении положения объекта в пространстве, его структуры, пропорций, объема, поверхностей, фактуры.

В рисунке же композиционного типа отчетливо проявляет себя (наряду с научным методом) и другой метод, который можно обозначить как субъективный. В рамках этого метода реализуются особенности творческой деятельности индивида, выраженные в таких характеристиках, как индивидуальность, самобытность, авторский стиль, авторский почерк и т. д. Субъективный метод обеспечивает так называемую свободу творчества индивида, его отличие от других, выражает тенденцию движения творчества к разнообразию, а творческой личности — к уникальности и неповторимости.

Научный и субъективный методы, взятые целостно и интегрально, раскрывают (как методы образного и предметного моделирования) архитектурный метод в его синтезированном виде: методолого-методико-технологическом, а следовательно, также конфигурируют систему принципов иконика как науки, обусловленной визуально-предметными факторами.

Визуально-предметный фактор как категория синтеза наиболее полно и естественно проявляет себя в архитектуре, что дает основания для суждения о доминанте архитектуры как интегральном понятии (правда, в некотором соперничестве с дизайном) в социальной совокупности визуально воспринимаемых объектов, т. е. всего предметного комплекса окружающей среды.

Об этом свидетельствуют уже те факты, что сам термин *архитектура* употребляется сегодня в разных смысловых композициях, а именно: архитектура политики, архитектура экономики, системная архитектура, бизнес-архитектура, техническая архитектура, архитектура платформ, архитектура предприятия, архитектура компьютеров и т. д. и т. п.

То есть смысл понятия *архитектура*, традиционно связанный со строительством зданий, городов и др., получил активное центробежное векторное развитие почти во всех сегментах социума.

В последние годы стало заметным явлением «соперничество» *архитектуры и дизайна* за так называемый *интегральный приоритет термина*. Нарастающая активность термина «дизайн» обусловлена активной стратегией дизайна, его экспансией (предметной, понятийной и др.). Об этом свидетельствует множество видовых презентаций дизайна (графический, промышленный, одежды, имиджа, дидактический, арт-дизайн и др.). Заявил о себе даже *архитектурный дизайн*. Безусловно, эти факты нельзя исключать из внимания, но в то же время следует не забывать и о традициях использования термина: если *дизайн* — термин новый, то *архитектура* как термин и интегральное понятие функционирует давно и традиционно относится к категории синтеза.

В связи с этим уместно обратиться к творчеству такого выдающегося философа, как Н. Ф. Федоров, для которого термин «архитектура» был связующим звеном, объединяющим «три формулы» (термин Федорова): научную, художественную и религиозно-нравственную. У Федорова в понятии «архитектура» соединились «все искусства», «все науки», «все знания», «все миры» со всеми их средствами, физическими, химическими. Для философа архитектура стала связующим звеном между наукой и искусством: «Наука доказывается искусством: коперниканская астрономия, вмещающая все науки, доказывается небесною архитектурою, обнимающею все искусства, основанные на небесной механике, физике, химии, физиологии, антропологии и всей истории» [12, 80].

Характерно, что понятие «трехкатегориальности» жизни присутствует в трудах К. С. Малевича. Но если у Федорова триада представлена наукой, художественностью и религиозно-нравственной категорией, то у Малевича это «религиозная» и «гражданская» категории [9, 159]. Это сравнение, впрочем, обнаруживает больше сходства, чем различия, что свидетельствует об определенном единстве взгляда философа и художника на жизненную материю. Поясним, что науку Малевич не исключает, а относит в область гражданского (рационального, технического и т. д.).

Любопытно, что, формируя свою иерархию категорий (религия — высшая, далее искусство и гражданское), Малевич понятием «архитектура» связывает «гражданское» с «искусством» и «религиозным». Цитируем: «У граждан есть

свои постройки, вытекающие из потребностей чисто утилитарной необходимости. Первична необходимость сооружения; пройдя необходимость утилитарную, сооружение принимает архитекторизацию, т. е. эстетизацию. Отсюда все постройки чисто утилитарного назначения называются гражданскими сооружениями. Они обслуживают гражданскую потребность первой, или прямой необходимости. Архитектор обличает гражданскую постройку в том, что она лишена искусства, лишена красоты. Религия обличает гражданина в его чрезмерной заботе о делах гражданских, т. е. телесных, в том, что он уделяет мало времени духу, наитию, Богу. О-художествовать — все равно что о-Божествовать, о-красить, о-святить. Вот почему гражданин стремится освятить свой дом и окрасить, охудожествовать свое здание, чтобы оно перешло в высшую категорию. И по возможности стремится к внутренней его художественной категории» [9, 160].

«Архитекторизация» у Малевича приобретает характер «синтезирующей энергии», не только осуществляющей переход материального объекта из одного качества в другое, но и формирующей *новую целостность*, материально-мировоззренческую систему.

Наличие в истории культуры взаимосвязанности супрематизма и архитектуры — это одно из свидетельств того, что живописно-пластические идеи не замыкаются только в рамках одного жанра (в нашем случае — живописи), а «самопроизвольно» продолжают свое развитие в сторону архитектуры как синтезирующей «гравитационной формы».

Связь супрематизма и архитектуры как структурно-тектоническо-художественной системы в практическом аспекте охарактеризовал, например, российский архитектор Л. М. Хидекель: «Для правильного понимания моих работ следует указать на их индивидуальные, отличительные особенности по отношению к чисто беспредметным работам тех лет. К таким особенностям следует отнести: поиск форм в реальной естественной среде, окружающей человека. Вот почему даже в кажущихся на первый взгляд чисто отвлеченных композициях ощущается реальное пространство — небо, земля, вода. Формы живут, развиваются в ландшафте и даже взлетают в реальное небо. Вот почему в реальных композициях одинаковое внимание мною уделяется не только самим формам, но я воспроизвожу и среду, в которой им предстоит развиваться — существовать» [18, 460].

Позднее вектор архитектуры на «средовое осуществление» радикально выразил себя, например, в нью-йоркской выставке «Деконструктивистская архитектура» (1988). Участники данного проекта (Ф. Джонсон, П. Кук, П. Айзенман, Ф. Гери, Р. Коолхаас, Д. Либерскинд, Б. Тиуми и др.), отталкиваясь в значительной степени от идей советского конструктивизма двадцатых годов, попытались вывести архитектурные поиски (Ф. Джонсон, Р. Хичкок, А. Бар) тридцатых годов из рамок обозначившегося стилевого направления (так называемого «международного стиля», ставшего переходным явлением) в русло нового стилевого течения — деконструктивизма.

Наиболее целостно это течение представлено в архитектурном творчестве Либерскинда, «который стремится достичь невозможного — объединить живопись, скульптуру и литературу с архитектурой. Язык проектов Либерскинда

сложен для восприятия, многозначен, граничит с современной скульптурой, макеты выполнены из натурального металла и пластика. Комментаторы “Домуса” характеризуют его проект зданий для учреждений, жилья и общественных помещений в бывшем Западном Берлине следующим образом: “Проект отличается от других проектов, которые в противоречивом положении города видят архитектурные подмости для эпилогов и повторов на исторические темы или же “чистую доску”, на которой “рассеченные части” истории и архитектуры могут быть собраны в увлекательные натюрморты. Видения Либескинда в их умоглядной непримеримости, кажется, свешиваются с облаков или утопают в самой городской почве, но именно поэтому в них звучит почти неслышная интонация будущего”» (Курт Фостер) [18, 36].

Творчество архитектора Либескинда обнаруживает разомкнутость границ, сфер художественной деятельности, объектом интереса которых является пространственная среда человеческого существования [Там же, 37].

Тенденция архитектурного творчества к средовому синтезу, не только включающему в процессы привычные, традиционные предметно-пространственные компоненты и отношения, но и расширяющему средовую структуру за счет наполнения ее «живописно-скульптурно-литературно-архитектурными компонентами» (как у Либескинда), — это не только усложненная модификация привычной среды, но и выход за ее ограничения, пределы на основе «дисперсного видения» как составляющих компонентов, так и самой целостной системы, стремящейся к своему архитектурному воплощению на основе «тотального» средового синтеза. Деконструктивность в данном случае не является целью «саморазвивающейся» архитектурной системы. «Деконструктивизм» как термин приобретает символическое значение, связанное с появлением новой архитектоники, в которой архитектура как понятие не теряет своего значения, а получает новую центричность и конструктивность.

Один из векторов центричности архитектуры имеет традицию, скажем так, музыкально-пластического синтеза. Аналогия архитектуры и музыки стала уже банальностью, но тем не менее в ней присутствуют то мифологическое обобщение и та метафора, которые несут объективный смысл, позволяющий считать данную аналогию определенным научным понятием. Здесь можно вспомнить и многочисленных авторов этого понятия-анalogии: Гёте, Шеллинга, Шпегеля, Герреса, Шинкеля, Brentano и др., включая Ле Корбюзье, который писал: «Архитектура и музыка — сестры, и та и другая создают пропорции во времени и в пространстве... Общим присущи материальное и духовные начала: в музыке мы находим архитектуру. В архитектуре — музыку». Продолжая аналогию архитектуры с музыкой, Ле Корбюзье определил свой универсальный модуль как гамму: «Модуль — это гамма. Музыканты располагают гаммой и создают музыку по своим способностям — банальную или прекрасную» [8, 20]. К архитектурным смыслам и началам Ле Корбюзье относил поэзию: «Поэзия есть человеческий акт: создание согласованных связей между воспринимаемыми образами, Поэзия природы — это образное воссоздание разумом наших чувств. Город — это мощный образ, действующий на сознание человека. Разве не может он быть для нас

источником поэзии и сегодня?». Добавим, что занятия живописью Ле Корбюзье считал одним из источников своих архитектурных идей [8, 9, 42].

Еще более обобщенно, «антропологично» и радикально использовал метафорическое значение термина «архитектура» онтопсихолог А. Менегетти: «В принципе жизнь является разумом и мерой: человеческое существо может делать, изобретать, придумывать в определенном смысле все, что хочет. Если это будет функциональный результат, он всегда проявится в здоровье, в удовлетворении самим собой, в уверенном использовании средств, усиливающих функцию в полном соответствии со всеми инстинктами, являющимися не чем иным, как адресами, порядками базовой архитектуры жизни (или лучше, онтоархитектуры в экзистенциальной ситуации) [11, 38].

Органическо-экзистенциальный подход Менегетти, сформулированный в понятии «онтоархитектура», в определенной степени соотносится с пониманием архитектуры как «онтопроекции» в теоретических тезисах П. А. Флоренского.

Моделируя ряд базовых понятий, представляющих его теоретические взгляды, Флоренский видит архитектурную сущность в следующих модальных параллелях: архитектурная сущность костного вещества человека (Г. Мейер); жилище, дом как «синтетическое орудие», объединяющее всю совокупность наших орудий — все наше хозяйство; жилище, дом как прообраз тела — дома души.

Опираясь на классические изречения Витрувия (прекрасное здание должно быть подобно хорошо сложенному человеку), Микеланджело (части архитектурного целого находятся в таком же соотношении, как части человеческого тела), Флоренский делает прогностический вывод о линии развития архитектуры к образу храма как типа дома [12, 158–160].

Выводы

Рассмотрение архитектуры в контексте иконики и целостном культурном контексте свидетельствует не только о прямой функциональной значимости архитектуры, но и ее *глобальной интегральности*. Данная характеристика дает основания сделать следующие выводы:

- архитектура, если ее рассматривать в рамках иконики как науки, связанной с формированием визуально-объектной информации, является базовой формой, интегрирующей иконическое знание в его перцептивной, аналитической и композиционной модальностях;
- иконическое знание под интегралом архитектуры оформляется в метод, который целостно и системно презентует культурологическую деятельность человека;
- принцип архитектуризации визуально-объектной информации, связанной с художественным и проектным векторами, выражается в системной целостности *научного, субъективного, художественного, философско-методологического* и других компонентов;
- необходимость интегрального подхода реализуется в архитектурном методе как обобщающем, целостном, системном, связующем природу, человека и культуротворческий массив;

• иконическое знание, выражающееся в интегральном архитектурном методе, в определенном смысле возвращает нас к средневековому, ренессансному пониманию архитектуры, когда архитектура являлась «пространством и временем синтеза», так как под ее куполом органично существовали, живопись, скульптура, декоративное искусство, музыка, театральное действо (миракли, мистерии).

Новый современный вектор архитектуры направлен на возврат традиций в новом качестве, что дает основание считать архитектурный метод ключевым методом, формирующим целостное сознание человека.

Функционирование архитектурного метода в статусе понятия и категории можно связать с такими областями и сферами социальной деятельности человека, как гуманитарное знание, образование, культурология, искусствознание, архитектура, дизайн, художественное творчество и т. д.

1. Архитектурный дизайн : словарь-справочник / под общ. ред. Е. С. Агранович-Пономаревой. Ростов н/Д, 2009. 342 с.
2. *Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей : монография. Самара, 2009. 416 с.
3. *Гарднер Г.* Искусство и наука влияния на взгляды людей : пер. с англ. М., 2008. 256 с.
4. *Гороховская Е. А.* Этология: рождение научной дисциплины. М., 2001. 221 с.
5. *Ефимов А. В. и др.* Дизайн архитектурной среды : учебник для вузов / Г. Б. Минервин, А. П. Ермолаев, В. Т. Шимко, А. В. Ефимов, Н. И. Щепетков, А. А. Гаврилина, Н. К. Кудряшев. М., 2005. 504 с.
6. *Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009. 448 с.
7. *Крам Р.* Инфографика: Визуальное представление данных. СПб., 2015. 384 с.
8. Ле Корбюзье. М., 2014. 71 с.
9. *Малевич К.* Черный квадрат : ст. СПб., 2014. 288 с.
10. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999. 432 с.
11. *Менегетти А.* Ин-се искусства и творчество / пер. с итал. ; под общ. ред. О. Камаевой. Екатеринбург, 1997. 236 с.
12. Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. 369 с.
13. *Смиклас М.* Информатика. Коммуникация и влияние при помощи изображения. СПб., 2014. 152 с.
14. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 2. 1419 с.
15. *Степанов А. В., Степанова Т. М.* Начальное профессиональное образование... музыканта // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 9. С. 19–20.
16. *Степанова Т. М.* Практика профессионально-педагогического образования в области дизайна: рисунок как системная языковая форма (типология) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2011. № 6. С. 133–145.
17. *Степанов А. В., Степанова Т. М.* Классификация дизайна как теоретическая проблема // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. 2011. № 4. С. 96–98.
18. *Степанов А. В., Степанова Т. М.* Иконика: проектная концепция новой, интегральной дисциплины // Альманах современной науки и образования (Тамбов). 2013. № 12 (79). С. 160–164.
19. *Хан-Магомедов С. О.* Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). М., 2007. 520 с.

Статья поступила в редакцию 09.06.2015 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 37.018.4 + 37.011.33(410) + 325.1

Г. Е. Зборовский
Е. А. Шуклина

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Анализируются основные этапы образовательной политики Великобритании относительно обучения детей мигрантов и стратегии, определяющие этот процесс в течение последних 50 лет. Особое внимание уделяется развитию их инклюзивного образования, доминирующего в XXI в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обучение детей мигрантов; основные этапы образовательной политики; инклюзивное образование.

Хорошо известно, что одной из стран, добившихся заметных позитивных результатов в социокультурной адаптации детей мигрантов, является Великобритания. В ней накоплен большой опыт деятельности образовательных учреждений, прежде всего школ и университетов, касающийся обучения этих детей. Поскольку Великобритания раньше многих других европейских стран столкнулась с миграционными процессами из азиатских и африканских стран, входивших в состав ее колониальной империи, ей пришлось на протяжении долгого времени вырабатывать особую образовательную политику в отношении, по меньшей мере, двух поколений мигрантов и их детей. Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать особенности этой политики, основные этапы ее развития и стратегические задачи, которые ставятся перед образованием детей

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

ШУКЛИНА Елена Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: shuklina_elen@mail.ru).

© Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., 2016

мигрантов и их социокультурной адаптацией в рамках каждого из этих этапов. Сформулированные проблемы анализируются на материалах британской прессы и научной литературы в области образования, социальной политики, педагогики и социологии.

Последние пять десятилетий характер британской миграционной политики менялся, что не могло не сказаться на сфере образования, принципах организации систем обучения взрослых, образования и адаптации детей мигрантов, концепции непрерывного образования. Модели образовательной политики в отношении детей мигрантов концептуально коррелировали с идеологическими и политическими тенденциями выстраивания отношений государства и мигрантов (прежде всего трансграничных) как социальной общности. Методологические и методические подходы к организации и реализации образовательной деятельности детей мигрантов трансформировались от концепций ассимиляции и интеграции к идее мультикультурализма, а в настоящее время — к модели включения/инклюзии, инклюзивного образования.

Первый этап. Исторически формирование политики в области образования детей мигрантов в Великобритании датируют началом 1960-х гг. [14, 6]. В это время акцент был сделан на концепции ассимиляции детей мигрантов в образовательную и социальную среду. «Ассимиляция — интеграция» стали двумя маркерами, определяющими особенности образовательной политики данного периода, который мы обозначим в качестве *первого этапа*. В рамках классической теории ассимиляции иммигрантов предполагалось, что сближение этнических и контрольных групп принимающей стороны осуществляется по «прямой линии», со временем они становятся все более похожими, унифицируются по своим моделям поведения, общим характеристикам, ценностям, нормам. При этом роль образования заключалась скорее в «подавлении и амортизации этнических, языковых и культурных различий» [17].

В дальнейшем концепция ассимиляции значительно трансформировалась, поскольку ее классический вариант утратил свою объясняющую силу. Уже в 1990-е гг., обретя вид сегментированной ассимиляции, она хорошо описывала структурные барьеры, которыми могут выступать, например, маргинализованные школы, закрывающие иммигрантам доступ к продолжению образования, занятости, создающие препятствия социальному развитию, приводящие к застойной или нисходящей мобильности. Эта концепция ассимиляции уже позволяла анализировать многомерность жизненных путей и траекторий детей мигрантов, особенно наиболее уязвимых их групп, в отличие от одномерной классической модели [13, 74–96].

В рамках сегментированной концепции исследовались поведенческие модели радикализованного «оппозиционного» типа наиболее неблагополучных детей иммигрантов, которые часто отказывались от ассимиляции в целом, например, отвергая образование, вступая в уличные банды и пр. Кроме того, селективные эффекты постклассической концепции ассимиляции отчетливо видны при анализе поведенческих установок и стандартов детей с лучшими ресурсами и социально-экономическими перспективами. Данные «сегменты» социальной общности

детей-мигрантов, как правило, принадлежат к этническим сетям, имеющим достаточно ресурсов, чтобы предложить поддержку, недоступную за пределами этнической общности, например, элитные образовательные учреждения и иные образовательные ресурсные возможности. Более высокие уровни образования детей мигрантов (и их родителей) способствуют формированию у них оппортунистической ориентации в отношении принимающего сообщества и дальнейшей более успешной экономической инкорпорации в социальную среду.

Для формирования и корректировки образовательной политики в отношении детей мигрантов концепция сегментированной ассимиляции важна, поскольку ориентирована на выявление контекстных, структурных и культурных факторов, которые отделяют успешные социальные сообщества детей мигрантов от неблагополучных, с выраженной «негативной» ассимиляцией, для анализа комплекса факторов и социальных барьеров у детей мигрантов как первого, так и второго поколения [2].

Недостаточность классической концепции ассимиляции в рамках образовательного менеджмента начала осознаваться уже к концу 1970-х гг., когда проявилась дисфункциональность данной модели, ее несоответствие социальным запросам развития общества. Ранние версии теории ассимиляции детей мигрантов были подвергнуты критике как «англо-конформистские», поскольку иммигрантские группы с их социокультурными особенностями сопоставлялись с неизменной системой стандартов белых британцев среднего класса, с их религиозными установками и протестантскими ценностями. Исследования того времени указывают на обострение целого ряда социокультурных и образовательных проблем детей мигрантов, проявляющихся в сниженности академических успехов по сравнению с учащимися принимающего общества, формировании отрицательной самоидентификации среди представителей этнических меньшинств [9]. Кроме того, для данного периода была характерна активизация антирасистских настроений и протестов как в обществе в целом, так и в образовательной сфере [5].

Второй этап. Примерно к 1975 г. сформировались все предпосылки возникновения нового, *второго этапа* образовательной политики в отношении детей мигрантов, которая представляла собой переход от монокультурного к поликультурному образованию, когда в качестве базовой ценности артикулировалась значимость языка и культуры каждого ребенка [17, 25].

Концепция мультикультурализма в образовании выдвигала идею конца монокультурного подавления и предпочтительности культурных различий. Этот тезис лежал в основе конструирования такой образовательной политики, когда для детей мигрантов создавались равные с детьми принимающего общества возможности реализации образовательной деятельности. Выдвигался аргумент, что свободная ориентация на свои этнические и культурные корни повысит образовательные достижения ребенка, нивелирует предрассудки и дискриминацию.

Идея полностью кристаллизуется к 1985 г., когда перед школой ставится задача соблюдения баланса между простой реализацией образовательной услуги и активной поддержкой основных элементов культуры и образа жизни всех этнических групп. При этом базовой выступает идея принятия ценностей отдельных групп,

отличающихся от ценностей общества в целом [14, 6]. Впервые актуализируется подход, во многом контрастирующий с существующими настроениями того времени, когда «проблемой системы образования является не то, как воспитывать детей этнических меньшинств, но как воспитывать всех детей» [15, 10].

Идея мультикультурного образования в отношении детей мигрантов сразу столкнулась с критикой как расистского, так и антирасистского толка. В первом случае отмечалось «покровительственное» отношение белых британцев (отношение свысока) к иным этническим сообществам, во втором — опасность мультикультуралистского подхода из-за его потенциальной возможности создания институциональных условий для расизма. В 1988 г. рождение национальной учебной программы добавило новое измерение к дискуссии, в которой утверждалось, что представленный выбор учебных программ ограничен и все они центрированы на однородном, бело-британском видении реальности.

Кроме того, стало сразу очевидно, что концепция мультикультурализма также имеет свои пределы. Языковое разнообразие было признано в качестве «положительного актива», но идея двуязычного образования была отклонена. Утверждалось, что изучение языков меньшинств должно ограничиться домом и этнической общиной. Также была отклонена идея отдельной, финансируемой государством школы для этнического меньшинства (особенно исламской), хотя признавалось давнее присутствие англиканских, католических, еврейских школ. Перспектива создания мусульманских школ вызвала социальные разногласия. Кроме того, образование полностью дистанцировалось от религиозного обучения в школах [11, 307].

Учитывая, что это был период расцвета тэтчеризма, идея мультикультурного образования в отношении детей мигрантов в значительной степени игнорировалась центральным правительством, экспериментирование осуществлялось, как правило, на уровне местных органов власти и школ. Другой особенностью развития британской образовательной политики этого этапа была высокая степень враждебности между сторонниками мультикультурного и антирасистского образования на протяжении 1970–1980-х гг. К 1990-м гг. выяснилось, что и то и другое образование — это дуальная технология, наиболее характерная для британского и американского социального контекста и активно разрабатываемая в литературе.

Результативность образовательной политики этого этапа многие исследователи оценивают высоко. По крайней мере, с ней соотносят тот факт, подтверждаемый данными более чем десяти лет исследований, что дети этнических меньшинств демонстрируют сильное стремление к постобязательному образованию и квалификации высокого уровня. Эгалитаризм и демократизм подходов, по мнению экспертов, проявляется в том, что почти в равной мере к повышению уровня образования стремятся представители обоих полов во всех этнических группах, а также в разных этнических сообществах: дети мигрантов стран Карибского бассейна, африканские азиаты, китайцы и др.

Доступность и открытость выстроенной образовательной системы способствовали тому, что различные группы детей мигрантов смогли полностью или частично реализовать свои амбиции. Причем многолетние исследования показывают, что

дети мигрантов демонстрировали такие образовательные амбиции, которые не были присущи им до переезда в страну. Многие этнические меньшинства активно стремились превзойти белых либо достичь такого же уровня образования [10].

Достижения мультикультурализма в тот период (и в настоящее время) активно оспаривались его противниками (представителями антирасистских и других подходов), которые считали слишком оптимистичным взгляд на влияние мультикультурной учебной программы на социальные и экономические фьючерсы учащихся мигрантов [11, 311].

Другим аспектом критики стали все те же диспропорции мультикультурной учебной и воспитательной деятельности, приводящие к перекосам иного плана. Так, результаты исследования, заказанного Lambeth Council в южном Лондоне (2014), показывают, что школы, следуя мультикультурному графику, ограничивают и даже избегают обращения к собственно британской культуре и традициям. Многочисленные проекты, такие как «Black History Month», «Cultural days», ориентированные на повышение осведомленности учащихся о культурах других стран, приводят к тому, что, как правило, белые британские ученики из малообеспеченных семей часто не видят отражения себя и своей жизни в учебной программе. Дети этнических меньшинств имеют большее чувство культурной идентичности, чем белые британские дети низших слоев, которых «ничего не связывает» вместе.

Исследователи призвали Департамент образования разработать программу, которая была бы ориентирована на формирование белой британской идентичности в той же степени, как и идентичности этнических меньшинств. Эти выводы были сделаны на основании данных о том, что белые британские дети из рабочего класса резко отстают в школе, работают хуже, чем представители любой другой этнической группы с таким же социальным статусом. По данным исследования, только 32,3 % белых бедных британских детей окончили школу с результатами GCSE 5+ A – C, тогда как три четверти бедных китайских школьников и 61,5 % детей, выходцев из бедных семей Индии, достигли таких же результатов [12].

Другими словами, в силу консервативности образования как социального института, последствия политики мультикультурализма вполне ощутимы в настоящее время и нуждаются в коррекции.

Несмотря на присутствие элементов мультикультурного образования в сегодняшних практиках организации образования Британии, отказ от мультикультурализма в отношении детей мигрантов начался уже в 1990-е гг. Политики от образования, отреагировав на многостороннюю критику, переключились на идеи инклюзии, заключающиеся в том, что основная общеобразовательная школа может и должна развивать структуры и практики, которые позволят ей более полно отвечать на разнообразные потребности ученика. При этом обращение к концепции инклюзивного образования призвано соотнести английскую политику в области особых образовательных потребностей с международным движением инклюзии в сфере обучения детей мигрантов [3].

Третий этап. Таким образом, можно говорить о том, что начался *третий этап* развития политики правительства Великобритании в сфере образования детей

мигрантов. В 1999 г. Департаментом образования это направление было утверждено законодательно, разработаны рекомендации для учителей по реализации концепции инклюзивного образования [16]. С тех пор инклюзия является магистральным направлением в британской образовательной политике.

Понятие инклюзивного образования недостаточно разработано в настоящее время, в ряде подходов оно трактуется узко, его объект ограничивается отдельными маргинализированными социальными общностями. Вместе с тем его главная особенность — обеспечивать качественное образование для всех обучающихся в общеобразовательных школах. Под этим подразумеваются: идея равных возможностей, отсутствие дискриминации, обеспечение школой «гостеприимного сообщества» и условий сохранения и развития культурной самобытности каждого человека.

Ключевой характеристикой инклюзивного образования является то, что оно применяется ко всем обучающимся, но «с особым акцентом на тех, кто находится в большей опасности исключения или маргинализации» [1, 56].

Инклюзивное образование основывается на принципах интеграции, которые определены UNESCO Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education (1994):

- фундаментальным правом каждого ребенка является право на образование;
- каждый ребенок имеет уникальные особенности, интересы, способности и учебные потребности;
- системы образования должны принимать во внимание это разнообразие;
- лица с особыми образовательными потребностями должны иметь доступ к обучению в обычных школах, детская педагогика которых должна удовлетворить эти потребности;
- обычные школы с инклюзивной ориентацией являются наиболее эффективным средством борьбы с дискриминационными воззрениями, создания благоприятной атмосферы в общинах, построения инклюзивного общества и обеспечения образования для всех.

Инклюзивное образование — постепенный, тщательно организованный, бережный процесс включения ребенка в общую образовательную среду, учитывающий его индивидуальные особенности и особые образовательные потребности (базовый термин для данной концепции). Идея инклюзии в образовании детей мигрантов определяет три принципа, которые были заложены в разработку всеобъемлющего учебного плана: 1) постановка адекватных задач обучения; 2) соответствие разнообразным образовательным потребностям учащихся; 3) преодоление потенциальных препятствий и барьеров в обучении отдельных лиц и групп учащихся (мигрантов, в частности) [16].

Для реализации идеи инклюзии школы страны работают в рамках модели сплоченности, создания сильных позитивных отношений между учащимися из разных слоев, групп, всеми членами образовательного сообщества, что и было заявлено Департаментом образования Великобритании в 2006 г. в качестве важной задачи и инструмента, работающего на цели включения [6].

Стратегия сплоченности находится на повестке дня с начала 2000-х гг. В 2005 г. приверженность правительства Великобритании политике сплоченности была

оформлена в публикации *Improving Opportunity, Strengthening Society* (Home Office, 2005), в которой гарантировалось, что этническая принадлежность человека не будет являться препятствием для его успеха, будет способствовать социальной сплоченности, необходимой для того, чтобы люди из меньшинства и большинства в обществе работали вместе для социального и экономического прогресса [7, 16].

В одном из самых надежных, репрезентативных исследований сплоченности в Англии, осуществленном на национальном уровне в работе J. Laurence и A. Heath [8], указывается, что этническое разнообразие является положительным фактором инклюзии. Люди в этнически разнообразных сообществах более склонны общаться с людьми из разных слоев и, как следствие, продуцировать более высокий уровень сплоченности.

Исследований такого рода достаточно много, именно на них базируется стратегия сплоченности как инструмент управленческой политики. Так, S. Vertovec предполагает, что Великобритания достигла качественно нового этапа разнообразия, когда группы отличаются не только страной происхождения, этнической принадлежностью, но сложным комплексом взаимосвязанных переменных, включая многообразные характеристики иммиграционного статуса. Он считает, что признание этого «суперразнообразия» идентичностей может помочь улучшить опыт интеграции и сплочения [18, 19].

На этой идее базируется еще одно интересное исследование, в ходе которого осуществлялся анализ влияния школьной образовательной среды на процесс включения детей мигрантов. Оно проведено Sussex Centre for Migration Research университета Суссекса под руководством Grace Reynolds в рамках качественной стратегии исследования. Сравнивались две школы с разным типом школьного сообщества: полиэтническая и биэтническая. Было показано, что в условиях мультиэтнического «суперразнообразия» школы дети мигрантов могут достичь более эффективной интеграции (которая оценивалась по трем параметрам: отношения детей мигрантов со сверстниками; их отношения с учителями; успешность самореализации как личности) [14].

Еще одна группа авторов, представителей Centre for Regional Economic and Social Research, а также Centre for Educational and Inclusion Research, проведя масштабное исследование сплоченности молодежи, разработала стратегию формирования сплоченности на локальном и социальном уровнях, сформировала комплекс переменных, позволяющих измерить уровень сплоченности и факторы, ее обуславливающие, осуществить статистическое моделирование для анализа динамики показателей, прогнозирования социальных эффектов, выявления основных воздействий, а также контроля сплоченности с целью коррекции тех или иных переменных.

В выводах данного исследования указывается на то, что:

- увеличение социально-экономического микста (т. е. микста учеников из разных социально-экономических слоев) имеет положительное влияние на сплоченность;
- низкая сплоченность в молодежных сообществах связана с конкретными пропорциями отдельных этнических групп, их образующих;

— дети мигрантов не являются негативным фактором сплоченности, практически не влияют на локальную (местную) и социальную сплоченность молодых людей, тогда как для взрослого населения увеличение доли мигрантов, родившихся за пределами Великобритании, — это отрицательный фактор сплоченности.

Данные выводы являются важными для развития образовательной политики и заслуживают дальнейшего исследования и анализа, поскольку показывают, что существующая риторика относительно того, что школы численно перегружены детьми мигрантов, является слишком упрощенной [4].

Выводы целого комплекса исследований позволяют во многом реабилитировать социальную общность детей мигрантов, которые обеспечивают этническое разнообразие школьных коллективов, являющееся условием повышения их социальной сплоченности, не выступают агрессивным фактором дезинтеграции, в той или иной мере способствуют повышению эффективности и результативности образовательной деятельности школы. Чиновники от образования указывают на то, что их присутствие является академически выгодным для школ, особенно в регионах, где общее количество учащихся сокращается.

Вместе с тем перспективы движения в сторону инклюзивного обучения детей мигрантов во многом проблематичны, а реализация этой модели образовательной политики оказалась сложнее, чем предполагалось. Собственно, именно переход от концепции к ее реальному воплощению представляется весьма непростой задачей.

Особая сложность заключается в восприятии детей мигрантов как целостного образования, определенной социальной общности, имеющей общие социально-экономические и социокультурные основания. В реальности это не совсем так, поскольку данное сообщество чрезвычайно разнородно. Следует сказать о том, что в образовательной политике Великобритании статус учащегося «мигрант» практически отсутствует и заменяется категорией EAL (English as an additional language) или этнического меньшинства. Само понятие «дети мигрантов» определяется достаточно общо, абстрактно. Это происходит потому, что данная социальная общность неоднородна и дифференцирована в зависимости от пред- и постмиграционных факторов. Этот феномен включает подгруппы, диаметрально противоположные по статусу, экономическому положению, социальному и культурному капиталу, поэтому сложно говорить о единстве их социальных потребностей, а «особые образовательные потребности» сильно различаются. В отношении каждой из подгрупп мигрантов (беженцев; лиц, ищущих убежище; воссоединившихся детей; мигрантов ЕС и экономических мигрантов; мигрантов в зависимости от обстоятельств миграции (несопровождаемого несовершеннолетнего или миграции с семьей) и др.) возможна и необходима целая система специальных мер, ответственных за эффективность инклюзии. Поэтому сразу встает вопрос о ресурсных возможностях школы. Причем речь идет не только о финансовых ресурсах, но, прежде всего, социокультурных, образовательных, педагогических, профессиональных, методических и пр.

Охарактеризованные в статье этапы формирования британской образовательной политики в отношении детей мигрантов не являются строго фиксированными во времени, их идеи, практики, социальные последствия взаимопроникают друг

в друга, часто существуют параллельно, не имеют жестких границ в конкретных условиях применения отдельными образовательными учреждениями или местными властями определенных регионов страны. Эффективная реализация той или иной концепции и направления образовательной политики напрямую зависит от профессионализма и сложившейся культуры работы с детьми мигрантов в конкретных школах и местных сообществах, создающих для них благоприятную образовательную среду.

1. *Blanco R., Takemoto C. Y.* Inclusion in Schools in Latin America and the Caribbean: The Case of the Children of Haitian Descent in the Dominican Republic // *Global Migration and Education: Schools, Children and Families* / L. D. Adams, A. Kirova (eds). L.; N. J., 2006. 368 p.
2. *Brown S. K., Bean F. D.* Assimilation Models, Old and New: Explaining a Long-Term Process [Electronic resource] // Migration Policy Institute. 2006. 1 oct. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/assimilation-models-old-and-new-explaining-long-term-process> (accessed: 07.11.2015).
3. *Clarke C., Dyson A., Millward A., Robson S.* Theories of Inclusion, Theories of Schools: deconstructing and reconstructing the inclusive school // *British Educational Research Journal*. 1999. № 25 (2). P. 157–177.
4. *Demack S., Platts-Fowler D., Robinson D. et al.* Young People and Community Cohesion: Analysis from the Longitudinal Study of Young People in England (LSYPE) / Research Report DFE-RR033. Department for Education (DFE). 2010. 92 p. [Electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/181542/DFE-RR033.pdf (accessed: 02.11.2015).
5. *Glenn C. L., Jong E. J. de.* Educating Immigrant Children. N. Y.; L., 1996. 741 p.
6. Guidance on the duty to promote community cohesion / Department for Education and Skills (Dfes). 2007. 20 p. [Electronic resource]. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110203010257/http://www.multiverse.ac.uk/attachments/70a2b1ed-7197-48b8-a9c2-018bfe17cce9.pdf> (accessed: 25.10.2015).
7. Improving Opportunity, Strengthening Society: The Governments strategy to increase race equality and community cohesion. L., 2005. 56 p.
8. *Laurence J., Heath A.* Predictors of Community Cohesion: Multi-level Modelling of the 2005 Citizenship Survey. L., 2008. 79 p.
9. *Milner D.* Children and Race. Harmondsworth: Penguin, 1975. 288 p.
10. *Modood T.* Multicultural Politics: Racism, Ethnicity and Muslims in Britain. Edinburgh, 2005. 240 p.
11. *Modood T., May S.* Multiculturalism and education in Britain: an internally contested debate // *International Journal of Educational Research*. 2001. № 35. P. 305–317.
12. *Paton G.* Poor white pupils put off school by multicultural timetable [Electronic resource] // *The telegraph*. 2014. 27 Jun. URL: <http://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/10930854/Poor-white-pupils-put-off-school-by-multicultural-timetable.html> (accessed: 05.11.2015).
13. *Portes A., Zhou M.* The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. № 530. P. 74–96.
14. *Reynolds G.* The Impacts and Experiences of Migrant Children in UK Secondary Schools. University of Sussex. Sussex Centre for Migration Research // Working Paper. 2008. № 47.
15. *Swann M.* Education for All: Summary of the Swann Report on the Education of the Ethnic Minority Children (Runnymede Research Report). Runnymede Trust, 1985. 34 p.
16. The National Curriculum: handbook for primary teachers in England / Department for Education and employment (DfEE), Qualifications and Curriculum Authority (QCA). L., 1999.
17. *Troyna B.* Racism and Education. Buckingham, 1993. 176 p.
18. *Vertovec S.* New complexities of cohesion in Britain: Super-Diversity, Transnationalism and Civil-Integration. 2007. June [Electronic resource]. URL: <http://www.compas.ox.ac.uk/fileadmin/files/>

Publications/Reports/Vertovec%20-%20new_complexities_of_cohesion_in_britain.pdf (accessed: 10.10.2015).

19. Vertovec S. The emergence of super-diversity in Britain [Electronic resource] // Working Paper. 2006. № 25. URL: http://www.compas.ox.ac.uk/media/WP-2006-025-Vertovec_Super-Diversity_Britain.pdf (accessed: 24.10.2015).

Статья поступила в редакцию 08.11.2015 г.

УДК 37.01 + 159.943.6-053.2 + 616.89-084

**Т. Ю. Быстрова
Л. В. Токарская**

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА*

Статья поднимает актуальный вопрос определения параметров проектирования образовательных продуктов для детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Приводятся примеры дизайнерских решений для детей с РАС, анализируются возможности дизайна, в том числе графического, при формировании школьной образовательной среды в условиях инклюзивного образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инклюзивное образование; образовательная среда; образовательный продукт; дизайн образования; функции дизайна; проектирование среды для детей с расстройствами аутистического спектра.

Новое состояние культуры в XXI в., идеи полицентричности и толерантности, реализуемые сегодня, расширяют возможности социализации людей, имеющих различные особенности. Особую группу здесь составляют дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в частности с расстройствами аутистического спектра (РАС). Закон «Об образовании в РФ» (2012 г., с изм. и доп.) закрепил право детей с ОВЗ обучаться совместно с другими детьми в условиях инклюзии. С первого сентября 2016 г. в школах будет реализовываться Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ОВЗ.

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке и в рамках проекта научной группы «Открытый город: от теоретических концепций к инновационному проектированию» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, профессор Екатеринбургской академии современного искусства, профессор Уральского государственного педагогического университета (e-mail: Taby27@yandex.ru).

ТОКАРСКАЯ Людмила Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: liydmil@mail.ru).

© Быстрова Т. Ю., Токарская Л. В., 2016

Очевидно, что это будет не просто для всех участников образовательного процесса — учителей, родителей, одноклассников, родителей одноклассников, самих детей с РАС. Для «устранения социальной разобщенности инвалидов и граждан, не являющихся инвалидами»¹, необходимо множество усилий, включая создание коммуникативной среды, обеспечивающей взаимодействие ребенка с социумом, образовательным учреждением, дающей возможность активного, вовлеченного освоения учебного материала. В роли «посредника», коммуникативного инструмента, своеобразного «мостика» между ребенком с РАС и системой образования может и должен выступать дизайн — в форме пособий, систем навигации, специально созданных и оформленных вещей для учебы и жизни. Все это не только позволит создать условия для успешного обучения детей с РАС, но и поможет сделать процесс обучения других детей более продуктивным, облегчит труд педагога.

Между тем социально ориентированное, некоммерческое дизайн-проектирование в России находится на периферии профессии. Как показывает личный опыт участия одного из авторов в жюри конкурсов социальной рекламы, успешные коммерческие дизайнеры убеждены в универсальности найденных ими рекламных и маркетинговых приемов (таких как шок, китч, визуальная броскость, следование модным трендам). Они достаточно консервативны в следовании единственному дискурсу, имеющему совершенно другие ценностные и профессиональные ориентиры, и не пытаются задуматься над спецификой социального проектирования, особенностями восприятия и состояния различных людей. Дизайн для инвалидов, детей-сирот, людей, страдающих разными формами зависимости, мигрантов, может быть как эффективным инструментом социализации, так и неудобным, непонятным «довеском» к сложным процессам взаимодействия представителя этих и подобных групп. В результате дети с РАС вынуждены самостоятельно адаптироваться к предметному миру, социуму, существующей ценностной шкале и т. п. Целенаправленно создать благоприятное окружение и удовлетворить особые потребности таких людей могут только дизайнеры, опирающиеся на данные, полученные психологами и педагогами. Таких специалистов еще предстоит подготовить. Иначе говоря, мы имеем дело с двухступенчатой задачей — воспитания дизайнеров, владеющих знаниями в области проектирования и знакомых с широким кругом гуманитарных проблем; профессиональной реализации этих специалистов в сфере современного (не только школьного) образования.

Одной из площадок, активно разрабатывающих социально ориентированный промышленный и графический дизайн, сегодня является магистратура кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств УрФУ. Так, в рамках программы с 2014/15 уч. г. здесь ведется курс «Человеко-ориентированный дизайн», предполагающий разработку проектов для целевых аудиторий, имеющих особые потребности. Следующий курс — «Дизайн образовательного пространства» является уникальным для российских вузов. Именно в рамках этой дисциплины сотрудничество ученых-психологов и дизайнеров выглядит

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 г. № 2181-р «Об утверждении государственной программы РФ «Доступная среда» на 2011–2015 гг.». Ст. 6.

наиболее перспективным. Графический дизайнер, преобразуя информацию в различные формы визуальной коммуникации, способен не только влиять на качество образования, но и моделировать определенные социокультурные установки, создавать среду, в которой жизнь детей с ограниченными возможностями здоровья становится более защищенной, комфортной, продуктивной благодаря учету их особенностей.

Междисциплинарный характер поднимаемых вопросов требует привлечения обширного методологического и исследовательского материала, а также выбора ведущей методики подготовки дизайнеров — таковой, как показывает имеющийся опыт авторов, является метод проектов [3, 7, 17].

Проблематика проектирования образовательной среды представляет собой обширную область, наиболее интенсивно разрабатываемую в мировой дизайнерской практике и психологии последнюю четверть века (Д. Левинсон, Дж. Кобрин, Д. Финкелхор, Д. Иваниек, К. Брон, Р. Лэнг, А. Миллер, и др.) [5, 6, 14]. Значительная часть исследований опубликована на английском, немецком, французском, испанском и других языках, и этот опыт еще предстоит изучать. Несколько магистерских диссертаций по теме детского и коммуникативного дизайна выполнено студентами УрФУ в 2013–2015 гг.

Сущность и специфику дизайна как вида проектной деятельности и особой сферы культуры и экономики, его функции, а также задачи, стоящие перед дизайнером, анализируют З. Г. Бегенау, В. Г. Глазычев, В. Гропиус, А. Гутнов, Р. Ингарден, В. Г. Иоффе, Ф. Т. Мартынов, Н. Н. Мосорова, В. Папанек, И. В. Привалова, В. И. Пузанов, И. А. Розенсон, В. Ф. Рунге, В. Рутманис, С. О. Хан-Магомедов, В. Т. Шимко и др. Обобщение опыта осмысления предметной среды, создаваемой дизайнерами, дает возможность характеризовать продукт дизайна как специфический социокультурный феномен, способный целенаправленно реализовать множество функций, в числе которых нами выделены коммуникативная, гуманизирующая, воспитательная [2, 20, 24, 27]. Далеко не все региональные и авторские концепции дизайна имеют коммерческий характер, гораздо чаще родоначальники и метры понимают его именно как деятельность по решению определенных задач, встающих перед человеком [4, 6, 9, 18]. Они же показывают, что воздействие фактуры, цвета, формы, определенные шрифты, цвета, композиционные приемы могут опосредованно донести до потребителя дизайна необходимую информацию, в том числе и когда он нуждается в ограничении контактов с людьми.

Конечно, решение этих задач возможно только при условии всесторонней концептуальной проработки, апробации, постпроектного анализа изделия. Теоретическими вопросами дизайн-проектирования, в том числе методов проектирования, занимались Д. А. Азрикан, А. А. Базилевский, О. И. Генисаретский, А. А. Грашин, Дж. К. Джонс, И. Г. Елинер, М. Ключев, А. С. Козлов, Е. Н. Лазарев, А. Отт, В. Ф. Сидоренко, Ю. Б. Соловьев, Н. Н. Халаджан. Категориальный аппарат проектного процесса освещен в трудах Дж. К. Джонса, Т. Бьюзена, Е. Ляйтерера, К. Фрея, Дж. Й. Бейк, а также представителей системного подхода, работавших в 1960–1980-х гг. во Всероссийском научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ) — В. Л. Глазычева, О. И. Генисаретского, В. Ф. Сидоренко

и их последователей [17]. Их идеи позволяют сформировать алгоритм проектирования с учетом всех сложностей процесса, а также обосновать роль гуманитарной науки как мировоззренческой и методологической основы проектирования [3, 54]. В частности, в 2012–2014 гг. магистранты УрФУ в ходе работы над проектом осуществляли постпроектный анализ в фокус-группах и корректировали свое решение с учетом замечаний представителей целевых аудиторий. Этот этап необходимо сохранить и при проектировании образовательной среды для детей с расстройствами аутистического спектра.

На всем протяжении проектирования дизайнеры обращаются к исследованиям в области психологии. Законы формирования и восприятия предметной среды исследуют представители отечественной психологической школы: Р. Немов, Х. Шиффман, представители феноменологической школы — Ж. Диди-Юбер, М. Мерло-Понти и др., представитель аналитической психологии — К. Г. Юнг, а также американский теоретик дизайна Д. А. Норман [11]. Однако теоретических положений в данной области недостаточно. Важные аспекты в понимании особенностей восприятия окружающей среды инвалидами затронуты в изданиях Е. Г. Леонтьевой «Доступная среда глазами инвалида» и О. Богдашиной «Аутизм. Определение и диагностика». Идеи структурирования гармоничной среды по законам устройства живой материи апробированы применительно к детскому дизайну С. В. Обедниной [13]. Информация, касающаяся особенностей восприятия предметной среды, может быть получена в ходе проведения опросов, включенного наблюдения, возможно — экспериментов.

Метод проектов как педагогический инструмент используется в педагогике с середины XIX в. (Политехническая школа в Париже, Баухаус, Вхутемас, МИТ и др.). Большая роль в его обосновании принадлежит Дж. Дьюи, который стремился организовать практическую деятельность учеников таким образом, чтобы она помогала приобрести различные умения и навыки. Но при этом он отрицал необходимость дифференциации различных дисциплин, что могло привести к снижению уровня образования. Другим родоначальником проектного метода является К. Г. Юнг, обосновавший саморазвитие личности как результат проектного осмысления себя. Этот опыт учитывается нами при методической проработке структуры курса. К примеру, ориентация студента-дизайнера исключительно на коммерческие ценности способна привести к отказу от реальной включенности в образовательный, социальный или музейный проект. Значит, среди компетенций, получаемых в ходе проектирования, должны быть и связанные с профессиональным мировоззрением, с проблемами самоопределения и самореализации специалиста [4, 191].

Метод проектов адекватен уровню возникающих задач. Он частично пересекается с идеями развивающего (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, др.), активного (И. Асса, Р. Г. Грэм, Ю. С. Арутюнов, И. Н. Богомолов, Н. В. Борисова и др.), игрового (А. Н. Леонтьев) и проблемного обучения. Его можно считать первым шагом на пути от традиционалистской к гуманистической парадигме образования, ведь он предполагает единство обучения, развития, становления личности. Возникнув прежде всего как метод обучения архитекторов и дизайнеров,

к рубежу XX–XXI вв. он распространился во всех сферах обучения, поскольку адекватен современной «проектной культуре» (К. Кантор). Как уже показано, разработка образовательного проекта требует освоения различных видов знаний, поэтому метод адекватен сложности стоящих перед дизайнерами задач, а продукты курса могут использоваться не только в образовательной практике. О проектном методе как одной из актуальных и эффективных образовательных технологий речь идет в работах Г. П. Щедровицкого, Г. Л. Ильина, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмова, В. С. Леднева, Г. В. Минервина, Т. Ю. Быстровой, Ж. Брюнетьера и др. Их опыт позволяет выделить учебно-познавательный и воспитательно-развивающий аспекты проектного обучения. Особая роль авторами отводится рациональной, логической стороне проектного мышления. Именно она позволяет не только усвоить знания, нормы и культурные ценности, но осознанно работать с ними при создании новых концептуальных продуктов дизайна образовательной среды.

В ходе предварительной работы собран и систематизирован материал о различных дизайнерских решениях, вызванных стремлением удовлетворить потребности людей с расстройствами аутистического спектра. Определено, что в настоящее время дизайн более или менее успешно решает задачи эстетизации (специальная мебель типа колыбели-кресла и др.), гармонизации (создание интерьеров, в том числе образовательных учреждений), привлечения внимания социума посредством социальной рекламы; помогает социализации (инструмент для аутичных детей «Repeat», приучающий к контролю за движениями; дизайнер Дж. Ресник), воспитанию (игрушка-робот Porchilla, выражающий различные эмоциональные состояния и вступающий во взаимодействие с ребенком; Технологический центр университета Карнеги-Меллона, США), коммуникации (развивающая игрушка Gobug; дизайнеры Gman), психологической гармонизации (шарф-капюшон-девайс Beagle Scarf; дизайнер Л. Чео) и др. Отметим, что в современных социально-экономических условиях первоочередное значение имеют относительно экономичные, легко распространяемые продукты, в первую очередь пособия и игры. Здесь приоритетные позиции как в плане реализации проекта (возможность широкого тиражирования, распространения в сети Интернет), так и в плане информативности имеет графический дизайн.

Ученые-гуманитарии также активно исследуют это направление [5, 8]. Постепенно создается своего рода интердискурс проблемы проектирования образовательной среды, в рамках которого взаимодействуют отечественные и зарубежные ученые, проводятся научные мероприятия (в том числе научно-практические конференции, семинары, вебинары и т. д.), все активнее происходит взаимообмен идеями, публикациями, лекторами.

Несмотря на разработанность проблемы образовательной среды в практике дизайнерской работы, на данный момент отсутствуют исследования, касающиеся изучения этого вопроса в отношении детей с расстройствами аутистического спектра, особенно в условиях инклюзивного образования. В связи с этим требуется систематизация теоретических и эмпирических данных о проблеме создания образовательной среды в инклюзивной образовательной практике. Существующая литература, включающая стимульный материал для детей, оформлена на основе

различных дизайнерских подходов и выполнена в абсолютно разных графических стилях, анализируя которые, зачастую невозможно определить, на какие идеи опирались авторы при разработке дизайн-концепции (например, пособие «Аутизон» [1], материалы к пособиям Л. Г. Нуриевой [12], Т. В. Гордуко [5], Т. И. Морозовой, С. А. Морозова [10]). В одних случаях используются детализованные реалистичные изображения, в других — упрощенные, не показывающие устройства предметов (например, водопроводный кран без малейшего намека на то, какие элементы в нем есть и как они функционируют). При этом у практиков до сих пор нет однозначного ответа на вопрос об использовании символов и пиктограмм в подобных источниках. В одних случаях изображение является плоскостным и более нейтральным, в других авторы решаются на передачу объема человека или животного. Цветовые решения российских пособий также нуждаются в корректировке: краски в них неяркие, обычно используются грязноватые, приглушенные тона. Это может быть связано с несовершенством технологий, но в итоге продукт контрастирует с реальной жизнью, с большинством предметов, которыми пользуются люди. Неясно, насколько осмысленно выбирается эта дистанция. В работах по дизайну этот материал никак не отражен. Профессиональное сообщество, презентующее свои продукты, пусть даже и сделанные для специфических целевых аудиторий, информирует о чертах и устройстве изделий, но не подвергает их серьезной экспертной оценке. Между тем случайный, необоснованный выбор выразительных средств, приемов подачи графического материала может осложнить образовательный процесс, препятствовать социализации, просто обмануть ожидания ребенка.

Большое количество подходов к проектированию образовательной среды в современной науке не исключает необходимости продолжения поиска новых путей, новых возможностей, новых подходов. Все более ощущается необходимость провести целостное системное описание всего разнообразия изысканий в данной области, охарактеризовать ведущие подходы к проектированию образовательной среды для детей с расстройствами аутистического спектра в инклюзивном образовательном пространстве, психологические и социальные механизмы, структурные элементы, эстетику и стилистику продуктов, их форматы и функции. Совершенно непроработанным элементом формирующейся образовательной среды является тема обратной связи детей с расстройствами аутистического спектра с окружающими их людьми, формирования адекватного гуманного отношения социума к этим детям.

В решении задач могут помочь контакты с благотворительным фондом «Я особенный», автономной некоммерческой организацией «Открытый город» (объединяющими родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра). Авторами начата работа по открытию на базе школы, реализующей адаптированные основные образовательные программы, Регионального ресурсного центра по работе с детьми с расстройствами аутистического спектра. В настоящее время создаются первые пособия, использующие в целях помощи данной категории детей инфографику (материал будет размещен на сайте ГБОУ СО «Речевой центр» г. Екатеринбург до конца декабря 2015 г.). Все это делает

разработку дизайна образовательной среды еще более насущной задачей. В работе по обоснованию выбранного стиля наглядных материалов для детей с РАС планируется использовать имеющееся в УрФУ оборудование лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития, в частности Eye Tracker.

Выводы

Процессы трансформации, происходящие в современном образовании, требуют актуализации и синтеза гуманитарного знания и современных проектных дизайнерских технологий. В свою очередь, это приводит к изменению содержания образовательных программ высшей школы, усилению их прикладной ориентированности, с одной стороны, и гуманизации — с другой.

1. Аутизон : учеб.-метод. пособие для детей с РАС. М., 2014.
2. Быстрова Т. Ю. Вещь. Форма. Стиль: Введение в философию дизайна. Екатеринбург, 2001. 223 с.
3. Быстрова Т. Ю. Культурология как основа построения гуманитарных и проектных дисциплин // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2014. № 1 (9). С. 53–59.
4. Быстрова Т. Ю. Этика проектной деятельности дизайнера // Этика в современной философско-культурологической перспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 25 апр. 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 187–193.
5. Горудко Т. В. Руководство к применению персонифицированного словаря картинных символов коммуникации / под ред. Н. Н. Балъ. Минск, 2009. 40 с.
6. Грашин А. А. Дизайн детской развивающей предметной среды : учеб. пособие. М., 2008. 296 с.
7. Джонс Дж. К. Методы проектирования. М., 1986.
8. Доступная образовательная среда как фактор социальной ответственности вуза : монография / Э. В. Патраков, Л. В. Токарская, О. В. Гуцин ; Мин-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т, Центр социальной работы, кафедра социальной безопасности ФТИ, Департамент психологии ИСПН. Екатеринбург, 2015, 184 с.
9. Монтессори М. Помогите мне сделать это самому / сост., вступ. статья М. В. Богуславский, Г. Б. Корнетов. М., 2000. 272 с.
10. Морозова Т. И., Морозов С. А. Я и мой день : книга для аутичных детей. М., 2003.
11. Норман Д. А. Дизайн привычных вещей : пер. с англ. М., 2006. 384 с.
12. Нуриева Л. Г. Развитие речи у аутичных детей : нагляд. материалы. 2-е изд. М., 2006. 48 с.
13. Обедина С. В., Быстрова Т. Ю. Модульный принцип формообразования в дизайне // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. 2013. № 1. С. 85–91.
14. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2007. 276 с.
15. Папанек В. Дизайн для реального мира / пер. с англ. Г. Северской. 3-е изд. М., 2010. 415 с.
16. Создание специальных условий для детей с расстройствами аутистического спектра в общеобразовательных учреждениях : метод. сб. / отв. ред. С. В. Алехина ; под. ред. Е. В. Самсоновой. М., 2012. 56 с.
17. Теоретические и методологические исследования в дизайне : избр. материалы. М., 2004. 372 с.
18. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок / Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgpr.ru/gp/biblio/rus/48> (дата обращения: 01.03.2015).

Статья поступила в редакцию 17.12.2015 г.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

УДК 327.88 + 316.774:32 + 342(470)

Р. Л. Исхаков

«НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ...»

К вопросу о Федеральном списке экстремистских материалов

В статье впервые предпринята попытка анализа Федерального списка экстремистских материалов, составляемого Министерством юстиции РФ во исполнение Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (2002).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Федеральный список экстремистских материалов; свобода слова; свобода совести; экстремизм; Index Librorum Prohibitorum (Индекс запрещенных книг).

Терроризм как явление стал объектом повышенного внимания и со стороны контролирующих органов, и со стороны социальных институтов. Причин, изменивших вектор внимания в российском государстве, несколько. Одна из них — вступивший в действие Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114 от 25.06. 2002 г. А федеральный список экстремистских материалов Минюста призван стать главным оружием в этом противодействии. Список размещается на сайте Информационно-аналитического центра (ИАЦ) «Сова» (Москва).

Российские власти в начале XXI в. решили открыть новый — *идеологический* — фронт. Еще в 1554 г. магистр искусств в Базельском университете, один из первых протестантских идеологов Себастьян Кастеллио (1515–1563) опубликовал под псевдонимом памфлет «*De haereticis, an sint persequendi*» («Следует ли преследовать еретиков») [25]. Кастеллио призывал бороться с ересью при помощи аргументов, а не при помощи преследований и казней.

Наши подходы намеренно продолжают «кастеллианскую» традицию. Для этого в России есть мощные конституционно-правовые основания. Действующая Конституция РФ, гарантируя свободу литературного, художественного,

---

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфулович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru).

научного, технического и других видов творчества, а также преподавания (ст. 44, ч. 1), основывается на принципе идеологического многообразия (ст. 13, ч. 2). Конституция РФ в ст. 28 каждому гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Статья 29 Конституции РФ каждому гарантирует свободу мысли и слова (п. 1) и свободу массовой информации (п. 5). Свобода творчества гарантирована запретом цензуры.

В целях развития свободы творчества приняты ряд законов и подзаконных актов. Развивается законодательство о СМИ, авторском праве, сформировалось как отрасль информационное право.

Однако особенности современного правового регулирования, и прежде всего правоприменения, не исключают определенные риски и угрозы. Одна из них — вступивший в действие Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114 от 25.06.2002 г. Пятнадцать правозащитных организаций страны назвали Закон «О противодействии экстремизму» «бессмысленным и нарушающим права человека» [11].

Приведу примеры. 1 июня 2015 г. прокуратура Кировского района г. Екатеринбург изъяла из школьной библиотеки гимназии «Ор-Авнер» учебники по Танаху (включает разделы: Тора, Пророки, Писания)¹ и традициям еврейского народа. Как сообщала информационная лента РБК, гимназию «Ор-Авнер» заподозрили в распространении экстремистской литературы [12]. Вице-президент Российского еврейского конгресса Герман Захарьев сообщил, что еврейская община обратится за защитой к президенту В. В. Путину. «Признаки экстремизма, колдовства и чернокнижия в Торе долго искали в эпоху Средневековья, и если бы нашли, то ее бы уже давно запретили не только в Екатеринбурге», — заявил он.

В апреле 2015 г. следственное управление Следственного комитета России по Новосибирской области завершило проверку оперы «Тангейзер» в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета. Режиссера спектакля Тимофея Кулябина обвинили в осквернении религиозной символики и предметов почитания. Перед судом также предстал и был оправдан директор театра Борис Мездрич, который все-таки лишился своего поста в связи с постановкой оперы.

Прокуратура Томска считает, что написанная 5 тыс. лет назад Бхагават-гита, ставшая настольной книгой Льва Толстого, содержит высказывания, «унижающие честь и достоинство тех, кто не является последователем Кришны». Представители Общества сознания Кришны, выступая в качестве ответчиков, в свою очередь, не раз говорили, что оценивать древний священный текст с точки зрения современного законодательства глупо.

---

¹ Танах — принятое в иврите название еврейского Священного Писания, акроним названий трех сборников священных текстов в иудаизме. Возник в Средние века, когда под влиянием христианской цензуры эти книги начали издавать в едином томе. В настоящее время это не самый популярный тип издания, однако слово осталось в употреблении. По содержанию Танах почти полностью совпадает с Ветхим Заветом христианской Библии.

26 марта 2012 г. судья Ленинского районного суда г. Оренбурга удовлетворяет ходатайство прокурора по признанию экстремистскими 65(!) наименований литературы богословского и исторического содержания буквально всех исламских издательств России.

2 августа 2015 г. городской суд Южно-Сахалинска (судья Наталья Перченко) признал экстремистской книгу «Мольба (дуа) к богу: ее назначение и место в исламе», которая представляет собой краткие пояснения к аятам Корана. Согласно выводам экспертизы, в коранических текстах, приведенных в книге, и комментариях к ним содержится пропаганда превосходства ислама над другими религиями. Европейский суд по правам человека коммуницировал жалобы на внесение в список ряда мусульманских изданий. И таких примеров множество.

В ноябре 2013 г. в Екатеринбурге правозащитная фирма «ЮРИКС» (Москва) и уполномоченный по правам человека в Свердловской области провели семинар «Правовые пределы свободы выражения мнения: российская практика и зарубежный опыт», на котором, в числе других, впервые был принят к рассмотрению Федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ).

«Апофеозом пополнения списка должен стать, конечно же, запрет на Библию или какую-то из ее книг? — развивает мысль публицист Павел Протасов. — Учитывая то, что цитаты из Писания часто приводятся без указания источника, а компетентность “экспертов” под вопрос ставилась неоднократно, в этой грустной шутке только малая доля шутки...» [5]. Диакон Андрей Кураев считает, что «любую попытку философской дискуссии представителей традиционных религий с сектами спешат назвать экстремизмом» [3].

* * *

Что такое Федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ)? Он содержит наименования материалов, признанных экстремистскими в результате судебных решений, и формируется на основании поступающих в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими. ФСЭМ подлежит периодическому опубликованию в средствах массовой информации [6]. Впервые он был опубликован 14 июля 2007 г. и сначала состоял из 14 пунктов. Изначально предполагалось, что список будет обновляться два раза в год. На практике он обновляется значительно чаще, пополнялся уже 344 раза и заметно вырос. По состоянию на 20 ноября 2015 г. в список включено 3152 материала [13]². Информационно-аналитический центр «Сова» (Москва) публикует хронологию обновления Федерального списка экстремистских материалов: то, как эти обновления осуществляются на официальном сайте Министерства юстиции, и то, как они отражаются в «Российской газете».

Минюстовский список уникален. Что-то похожее есть в Белоруссии, где принят Примерный перечень фильмов, не рекомендованных Республиканской

² См. сайт Информационно-аналитического центра «Сова» (Москва): <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/04/d10526>. В отличие от официального списка, все записи в версии ИАЦ «Сова», по возможности, приведены в соответствие с действующим ГОСТом. Это сделано для того, чтобы было легче идентифицировать запрещенный материал.

экспертной комиссией по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости к распространению на территории Республики Беларусь [14]; список запрещенной литературы и фильмов формирует местное министерство культуры. На апрель 2010 г. в списке насчитывалось 107 фильмов, запрещенных к распространению в Белоруссии. Культуролог и кинокритик Максим Жбанков отмечал, что в современных условиях, когда фильмы распространяются через Интернет, запрет теряет смысл, а иногда дает даже обратный эффект, вызывая интерес к запрещенному [15]. В США существует практика изъятия по судебному решению излишне жестоких книг из школьных библиотек, в ноябре 2011 г. в перечне насчитывалось 966 наименований различных брошюр, фильмов и книг [16].

ФСЭМ формируется на основе Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. [6]. Сегодня Закон действует в редакции пяти (!) Федеральных законов от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ, от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ, от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ, от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ. Статья 13 «Борьба с распространением экстремистских материалов» определила, что на территории Российской Федерации запрещаются издание и распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов, содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных частью первой ст. 1 настоящего Федерального закона. К таким материалам относятся:

- а) официальные материалы запрещенных экстремистских организаций;
- б) материалы, авторами которых являются лица, осужденные в соответствии с международно-правовыми актами за преступления против мира и человечества, а также материалы, содержащие признаки, предусмотренные частью первой ст. 1 настоящего Федерального закона;
- в) любые иные, в том числе анонимные, материалы, содержащие признаки, предусмотренные частью первой ст. 1 Федерального закона.

Сама по себе идея такого списка была, вероятно, продиктована разумными и даже гуманными соображениями. 10 января 2000 г. была утверждена новая редакция Концепции национальной безопасности Российской Федерации, заменившая собой редакцию, утвержденную в декабре 1997 г.³ De facto «экстремистскими» в России признаются любые материалы, которые показались предосудительными какому-нибудь уездному силовику. Уполномоченный по правам человека в России В. Лукин говорил о низком уровне экспертиз по так называемым экстремистским делам. В российском законодательстве отсутствует четкое и внятное определение понятия «экстремизм».

Для вузовских преподавателей закон интересен своими выходами в педагогические практики. Для практической журналистики важно изучать корпус экстремистских материалов, чтобы уметь обнаруживать признаки экстремизма. Не менее важно научить распознавать в текстах признаки экстремизма студентов других творческих факультетов, студентов-юристов. Однако, порекомендовав студентам изучать список и содержание экстремистских материалов, преподаватель

³ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г., № 537 утратила силу.

попадает под действие статьи о распространении экстремистской литературы с вытекающей из Закона ответственностью.

Библиотечные работники уже предприняли первые робкие шаги к анализу правоприменительной практики и выработке стратегии и тактики самосохранения. Написана Инструкция о работе с изданиями, включенными в Федеральный список экстремистских материалов. Подготовлен сборник «Работа библиотек с Федеральным списком экстремистских материалов» (М., 2011). 25 февраля 2009 г. в Государственной публичной исторической библиотеке России прошел «круглый стол», посвященный работе библиотек с изданиями, включенными в Федеральный список экстремистских материалов.

Проведенный нами в 2012 г. контент-анализ списка показал, что 727 материалов, определенных методом сплошной выборки, тематически распределились следующим образом: 43 % (313 текстов) — религиозные материалы, из них 63 % (196) — исламские, 7 % (22) — материалы неоязычников; 27 % (84) — материалы новых религиозных движений; 3 % (11) — материалы, использующие христианскую тематику. К концу 2009 г. около трети (32 %) федерального списка составляли мусульманские материалы; 7 % — материалы кавказских (в основном чеченских) сепаратистов; еще около 15 % — это материалы Национал-большевистской партии, левацких организаций, тексты активистов политической оппозиции, исторические монографии, а также материалы, содержание которых неизвестно и по их названиям невозможно предположить, что противозаконного в них усмотрели суды. Оставшиеся 46 % приходятся на тексты и иные материалы неонацистского, расистского и ксенофобного характера. Из 166 материалов, включенных в список только в 2009 г., 12 % приходится на исламские материалы, преимущественно материалы запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир» (в 2008 г. — 37 %), 19 % — на материалы левацких организаций, тексты политических оппозиционеров, исторические монографии или материалы, идентифицировать которые не представляется возможным даже приблизительно (в 2008 г. — 17 %), 52 % — на материалы ксенофобного и неонацистского характера (в 2008 г. — 45 %) и 17 % — на материалы северокавказских (прежде всего чеченских) сепаратистов (это новая группа материалов, появившаяся в списке лишь в 2009 г.). Большая по сравнению с предыдущим годом доля неонацистских материалов и резкое уменьшение доли исламских материалов вполне соответствует правоприменительной практике: как правило, запрещенные материалы — это то, что изымают на обысках у фигурантов уголовных дел, которых стало больше по фактам расистских нападений и существенно меньше — по членству в «Хизб ут-Тахрир».

Федеральный список экстремистских материалов еще ждет своего аналитика. На наш запрос 22 ноября 2015 г. по маркеру «Федеральный список экстремистских материалов» поисковая система Google нашла 190 тыс. материалов. Но на сегодня есть лишь несколько аналитических работ — доклад А. Верховского и Г. Кожевниковой (ИАЦ «Сова») «О Федеральном списке экстремистских материалов» [1], статья П. Протасова «Без права на обжалование. Как формируется список экстремистских материалов Минюста» [5]. 30 марта 2015 г. появилась книга «Федеральный список экстремистских материалов как объективное

выражение разрушения нравственно-интеллектуального фундамента библейской юрисдикции» [17].

Поиск экстремизма проник уже и в науку. Решением одного из районных судов Республики Адыгея в список экстремистских материалов внесена брошюра А. А. Мантаева «Основы вероучения ханифов» (номер 2638 в списке), подготовленная на основе его же диссертации «Вахаббизм и политическая ситуация в Дагестане» на соискание ученой степени кандидата политических наук. По данным составителей списка, сообщает центр «Сова», указанная книга была обнаружена в моленной комнате ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Адыгея [18]. Согласно лингвистическому заключению Центра специальной техники Института криминалистики ФСБ России, в тексте «Основы вероучения ханифов» имеется высказывание экстремистской направленности, а именно — призыв к насильственным действиям в отношении группы лиц, выделенной по религиозному признаку, т. е. немусульман. Помимо этого, по информации Теучежской межрайонной прокуратуры, в тексте содержатся негативные установки в отношении групп лиц, обозначенных как «неверные», «мушрики», иудеи и христиане.

Диссертация А. А. Мантаева «Вахаббизм и политическая ситуация в Дагестане» (М., 2002) подготовлена на кафедре философии и политологии Дипломатической академии МИД РФ (научный руководитель профессор В. Е. Чертихин). Основные выводы и результаты исследования были представлены в публикациях, обсуждены в ходе научно-практических конференций, семинаров в Министерстве по делам национальностей Республики Дагестан и Российском институте востоковедения. На диссертацию А. А. Мантаева уже ссылаются авторы 41 диссертационной работы [19]. Звучит странно: в исправительной колонии в моленной комнате обнаруживают диссертацию(!), экспертный орган проводит свой анализ и видит то, что никакие «академики» в свое время не узрели — призывы к насилию.

* * *

Факт существования в РФ Федерального списка экстремистских материалов — подтверждение тому, что отечественные законодворцы некомпетентны в вопросах социологии и не знают истории.

В истории библейской культуры первый перечень запрещенных книг был подготовлен церковью имени Христа. В эти годы исполняется полвека 5-му Латеранскому собору католической церкви (проходил с 1512 по 1517 г.), который принял несколько решений по реформе церкви (в папах тогда пребывал Лев X). В частности, собор благословил *Index librorum prohibitorum* (1513), запретив к изданию книги без разрешения епископов. Индекс запрещенных книг (лат. *Index Librorum Prohibitorum*) представлял собой список публикаций, которые были запрещены к чтению Римско-католической церковью под угрозой отлучения⁴. Этот исторический факт, по мнению ученых и публицистов — Джона Мильтона [2], А. М. Скабичевского [8], Ludwig Salomon [7], Н. Новомбергского [21],

⁴ Полный перечень авторов, попавших в список, приводится в книге «J. Martinez de Bujanda, *Index librorum prohibitorum, 1600–1966*» (Женева, 2002).

свидетельствовал о рождении цензуры. Книги, прошедшие цензуру, печатались с грифом *Nihil obstat* («никаких препятствий») и *Imprimatur* («да будет напечатано») на титульном листе.

Последнее, 32-е, издание списка, вышедшее в 1948 г., содержало названия 4 тыс. книг, запрещенных из-за ереси, аморальности, элементов порнографии, политической некорректности и т. д. Можно утверждать, что Индекс запрещенных книг показал свою полную несостоятельность и никак не содействовал сохранению исторически сложившегося (к моменту появления Индекса) политико-идеологического режима католицизма. Создавали свои списки запрещенных книг и государства, но ни одно из них также не достигло целей, которые декларировались при учреждении такого рода списков.

Когда президент РФ В. В. Путин встречался со студентами юридических вузов и факультетов Москвы 3 декабря 2013 г., встал вопрос о юридических запретах на доступ к информации в Интернете, к тем или иным сайтам. В своем ответе В. В. Путин заявил: «...Но просто свернуть это, технологически и юридически все запретить — абсолютно неправильно, это самый простой и вредный путь. *Это все равно что, знаете, запретить статью, книжку. Это невозможно. Если она, по вашему мнению, является плохой, вредной, нужно талантливо, грамотно, своевременно ответить, с тем чтобы потребители одной и другой информации могли сравнить и сказать: да, пожалуй, этот парень-то поумнее будет, а первое мнение совершенно никуда не годится, вредное, нужно выбросить его на свалку истории.*

Это я так, в общих чертах, но подход в целом должен быть такой. Это должны быть фундаментальные подходы, а не сиюминутное желание задушить, схватить и не пустить (выделено нами. — Р. И.). Но опасности там, конечно, есть, и мы, безусловно, должны об этом думать. И в этом я с вами абсолютно согласен» [23].

* * *

Федеральный список экстремистских материалов, насчитывающий 3152 названия, можно считать цензурой, запрещенной ст. 29, ч. 5 Конституции РФ, сам факт его существования унижает достоинство всех граждан, что запрещено *без каких-либо оговорок* ст. 21, ч. 2 Конституции. Создание и расширение Федерального списка экстремистских материалов не способно в принципе решить задачу борьбы с экстремизмом, что подтверждает многовековой исторический опыт применения Индекса запрещенных книг католической церковью и перечней запрещенных книг, издаваемых властями разных государств в разное время. 20 декабря 2013 г. в Общественной палате РФ был представлен проект доклада о состоянии гражданского общества в 2013 г. [22]. Специалисты Информационно-аналитического центра «Сова» отметили, что авторы доклада указывали, в частности, на необходимость реформирования российского антиэкстремистского законодательства [Там же].

Неблагозвучным термином «неправомерный антиэкстремизм» мы хотим обозначить действия государства и общественных групп, направленные против агрессивного национализма или иных форм неприемлемого радикализма,

но фактически способствующие неправомерному ограничению гражданских свобод или даже прямо попирающие гражданские свободы.

Мы отдаем себе отчет в спорности границ правомерного и неправомерного в этой сфере. Но и благие намерения могут вести к чрезмерному и неприемлемому ограничению гражданских прав. Через полтора года исполнится 80 лет февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором Генеральный секретарь ЦК заявил, что по мере укрепления социализма будет усиливаться сопротивление его противников. Лапидарный псевдонаучный тезис привел к тому, что уже в августе 1937 г. началась кампания, повлекшая за собой самые жестокие и массовые убийства в отечественной истории, — Большой террор. В течение двух лет (1937–1938) по политическим обвинениям было арестовано более 1 млн 700 тыс. человек и не менее 725 тыс. из них были расстреляны. К их уголовным делам приобщены в том числе и протоколы обысков, содержащие списки «контрреволюционной» литературы. Какова судьба у авторов текстов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов?

После этого риторического вопроса можно перейти к изложению наблюдений, которые сделаны различными авторами в СМИ:

1. «Черный список» Минюста — слишком удобный инструмент в большом комплексе антиэкстремистского законодательства, позволяющий бороться и с политическими врагами, и государство вряд ли так легко от него откажется, считает эксперт центра «Сова» Мария Розальская: «Пока список Минюста — один из комплекса вещей, позволяющих нарушать права каких-либо неугодных политических активистов, чем пользуются силовики в регионах».

2. Совет муфтиев России заявляет: «Запрещение религиозной литературы воспринимается нами как попытка возрождения тотального идеологического контроля. Мусульмане России убеждены, что определение перечня экстремистской религиозной литературы является внутренним делом каждой конфессии и именно на этом уровне должны приниматься соответствующие решения. Для вынесения решений по внесению религиозной литературы в список материалов экстремистского содержания необходимо наличие экспертизы от самих религиозных организаций России, для чего созданы и действуют экспертные Советы, в том числе и по религиозной литературе».

3. Практика создания Федерального списка экстремистских материалов недопустима в условиях демократического общества и всеобщего стремления к соблюдению свободы слова и вероисповедания и является тревожным знаком для граждан России. Даже самая одиозная книга остается печатным произведением, а слово неподсудно...

4. Осознание проблем в действующем правовом механизме уже есть, но рассуждать об отмене списка в Министерстве юстиции не берутся. Официально представители ведомства этот вопрос не комментируют. Их мнение: «Это вопрос, в первую очередь, политический».

5. Задуманный как инструмент борьбы с экстремизмом, список запрещенных произведений литературы и искусства превратился в бессмысленный бюрократический документ [9]. Благодаря желанию надзорных органов увеличивать

показатели и закону, легко позволяющему запретить любое произведение, в экстремисты зачисляются художники и богословы, но бороться с реальным террором в России это не помогает.

В соответствии с пунктом «г» ст. 84 Конституции России, президент России В. Путин 15 октября 2015 г. внес в Государственную думу проект Федерального закона «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”». Президент предложил поправку, запрещающую поиск экстремизма в священных писаниях христианства, ислама, иудаизма и буддизма. Концепция законопроекта была согласована с представителями соответствующих централизованных религиозных организаций России. Под защиту предлагалось внести Библию, Коран, Тору (Танах) и Ганджур. 23 ноября 2015 г. президент РФ В. В. Путин подписал принятый 11 ноября 2015 г. Государственной думой РФ и одобренный 18 ноября 2015 г. Советом Федерации законопроект [24]. Федеральный закон от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”» вступил в силу со дня его официального опубликования. Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них на основании ст. 1. данного Закона не могут быть признаны экстремистскими материалами.

---

1. *Верховский А., Кожевникова Г.* О Федеральном списке экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Российский бюллетень по правам человека. 2010. № 28. URL: <http://www.hrights.ru/text/b28/Chapter9%201.htm> (дата обращения: 24.10.2012).

2. *Мильтон Дж.* О свободе печати: Речь к английскому парламенту (Ареопагитика) / пер. с англ. под ред. П. Когана и с предисл. А. Рождественского. М., 1907. 55 с.

3. *Новикова Н., Радов А., Сизова Ю. и др.* Топорнография [Электронный ресурс] // Рос. газета. 2007. 17 апр. URL: <http://ww67w.rg.ru/2007/07/14/kstremizm.html> (дата обращения: 25.10.2012).

4. *Новомбергский Н. Я.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России: Лекции, читанные в Русской высшей школе общественных наук в Париже. СПб., 1906. 303 с.

5. *Протасов П.* Без права на обжалование [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2009. 7 апр. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=5134> (дата обращения: 23.10.2012).

6. Российская газета. 2002. 30 июля. № 138–139 (3006–3007).

7. *Саломон Л.* Всеобщая история прессы : пер. с нем. СПб., 1909. 176 с.

8. *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892.

9. Стенограмма заседаний 23 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4357> (дата обращения: 22.11.2015).

10. *Туманов Г.* Антинародное творчество. Как Кришна и Микки Маус становятся экстремистами // Газета.Ру. 2011. 31 авг.

11. [Электронный ресурс]. URL: <http://synews.ru/news/tema/3464-spisok-zapreshennykh-proizvedenij-literatury-i.html> (дата обращения 23.10.2012).

12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/society/03/06/2015/556e40769a79477f8b430f61> (дата обращения 22.11.2015).

13. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/directory/2009/12/d17666> (дата обращения: 21.11.2015).

14. [Электронный ресурс]. URL: <http://kultura.gov.by/page/primernyi-perechen-filmov-ne-rekomendovannykh-respublikanskoi-ekspertnoi-komissiei-po-predotvra> (дата обращения: 17.01.2013).

15. [Электронный ресурс]. URL: <http://charter97.org/ru/news/2010/3/30/27732/> (дата обращения: 30.03.2010).

16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.messia.ru/arhiv/11_08a.htm (дата обращения: 26.11.2011).
17. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vodaspb.ru/index.php?dn=down&to=open&id=414> (дата обращения: 22.11.2015).
18. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/.../n.../counteraction/2015/03/d31546/> (дата обращения: 28.11.2015).
19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/vakhkhabizm-i-politicheskaya-situatsiya-v-dagestane> (дата обращения: 28.11.2015).
20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19778> (дата обращения: 22.11.2015).
21. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/22030> (дата обращения: 17.01.2013).
22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/discussions/2013/12/d28726/> (дата обращения: 17.01.2013).
23. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19778> (дата обращения: 17.01.2013).
24. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71153654> (дата обращения: 06.12.2015).
25. Hillar M. Sebastian Castello and struggle for freedom of conscience // Essays in the Philosophy of Humanism / eds D. R. Finch and M. Hillar. 2002. Vol. 10. P. 31–56.

Статья поступила в редакцию 24.12.2015 г.

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

УДК 821.161.1 Гумилевский-96 + 070.13

**В. А. Дорошенко
В. В. Запарий**

«ВТОРОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЬ» ЛЬВА ГУМИЛЕВСКОГО: ОТ ПРОБЛЕМ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭТИКИ К ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Рассматривается аспект переориентации писателя от художественно-социальной беллетристики к научно-популярной прозе под воздействием как внешних, общественно-политических обстоятельств, так и внутренних, творческих, побуждений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературный жанр; партийно-политическая цензура; научно-художественное творчество.

Среди многочисленных летописцев промышленно-индустриальной трансформации общества в течение XX в. Лев Иванович Гумилевский — личность уникальная, с неповторимой житейской и творческой биографией, описанной им в книге «Судьба и жизнь» [5]. Изучение наследия писателя, его творческого пути приоткрывает глубинные причины смены вектора познавательных интересов беллетриста, мотивы его переориентации — социально-культурной, политической и духовной, что крайне важно для историков науки и техники, исследующих культурно-психологическую атмосферу общества в периоды технико-технологической перестройки всех сфер жизни: экономической, политической, военной и др., через которую прошли многие страны, и в том числе Россия. Тем более что вторая половина творческой биографии этого своеобразного писателя практически не стала еще предметом серьезных исследований.

ДОРОШЕНКО Виктор Александрович — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: viktor.dorosh2013@yandex.ru).

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vvzap@mail.ru).

© Дорошенко В. А., Запарий В. В., 2016

Напомним основные моменты биографии Льва Ивановича. Он родился в 1890 г. в г. Аткарске Саратовской губернии в семье мелкого служащего, был шестым ребенком. Рано остался без отца, матери приходилось зарабатывать на жизнь надомным трудом, но, несмотря на бедность, Лева закончил гимназию с серебряной медалью и поступил в Казанский университет на юридический факультет. Правда, со второго курса его отчислили за неуплату. Он проучился еще два года в Саратовском сельскохозяйственном институте, но законченного высшего образования так и не получил. Первыми литературными опытами его были стихи, появлявшиеся с 1910 г. в местных газетах и журналах. В 1914 г. его рассказом «В литейной (из быта рабочих)» открылся ежемесячный журнал марксистского направления «Просвещение», редактором которого был В. И. Ленин, а художественным отделом заведовал М. Горький. Великий пролетарский писатель вообще сыграл определяющую роль в жизни и в творчестве Гумилевского: ему двадцатилетний саратовский писатель посылал свои первые рассказы (на отзыв и оценку), а в период литературно-политических репрессий, когда на достаточно известного уже литератора обрушилась вся официальная критика, Алексей Максимович «пригрел» опального беллетриста в созданной им редколлегии для серии биографических произведений «Жизнь замечательных людей», т. е. дал средства для проживания и творчества.

Причиной гонений на Гумилевского стал роман «Собачий переулочек», опубликованный в 1926 г., в котором он описал моральное разложение комсомольских вожakov в период НЭПа, их оргии и разгулы, презрение к нормам социалистического общежития, к семейным обязанностям, разрушение всех норм половой этики. Тотальная критика, обрушившаяся на автора, закрыла перед ним двери практически всех журналов и издательств.

В предисловии к книге воспоминаний Гумилевского «Судьба и жизнь» Л. Лебедева утверждает: «Поворот этот (т. е. уход писателя из художественной беллетристики. — *Авт.*), происшедший не только в судьбе Гумилевского, но и во многих и многих писательских судьбах в конце 20-х — 30-х годов, был результатом тех процессов в советской литературе, которые определялись политической ситуацией в стране, и своей целью, четко сформулированной в партийных постановлениях и газетных статьях, имели превращение литературы в служанку государственной политики во всех областях жизни страны. Тем прозаикам и поэтам, кто не “выстраивался” в этом направлении, грозили либо репрессии, вплоть до расстрела, либо полная невозможность печататься, как это было в случае с М. Булгаковым. От физического или полного творческого уничтожения спасал только уход в иную область литературы: художественный перевод либо научно-популярную беллетристику» [8].

Однако сам Гумилевский отвергает такой политизировано-литературоведческий штамп, утверждая, что «не овладев тайной искусства, я возненавидел беллетристику» [5, 134]. А после опубликования его книги о Рудольфе Дизеле признается самому себе: «Я не только написал удачную книгу, я нашел какое-то свое место в литературе (курсив наш. — *Авт.*). Я увидел, кроме того, что Россия, которую мы привыкли считать всегда и во всем отстававшей, на самом деле шла

впереди Европы, по крайней мере в области дизелестроения и транспорта начала не страницу, а новую главу в области судостроения. Несомненно, что настроение гнева и оскорбления народной гордости помогли мне написать хорошую книгу. Главное же, счастливое начало приковало меня на много лет к новому литературному жанру, получившему в дальнейшем развитии название *науочно-дожественного*...» [5, 148].

Чтобы оценить влияние на решение Гумилевского *внешнего*, партийно-политического и литературно-критического, фактора необходимо рассмотреть, как в созданных в 20-е гг. литературных, драматургических и иных художественных произведениях отразились происходившие в России перемены, в первую очередь связанные с формированием «нового быта», созданием иных, нетрадиционных отношений между мужчиной и женщиной, строительством семьи. Произведения, затрагивавшие проблемы «нового полового быта» (по выражению большевички-феминистки А. Коллонтай), невольно заостряли глубинные социальные проблемы, и прежде всего проблему формирования «нового советского человека», создания для него катехизиса так называемой «пролетарской нравственности и морали», противостоящей вековым семейным традициям и ценностям, отвергаемым идеологами пролетарской революции.

На начальном, «разрушительном» этапе роль главной ниспровергательницы старых устоев и взяла на себя сама А. М. Коллонтай. Ее литературные и идейно-политическиеopusы выполняли функцию «тарана», пробивающего стены в традиционном семейном укладе крестьянства, ремесленников и рабочих. В серии рассказов «Любовь пчел трудовых» (1923), в психологических этюдах из подборки «Женщина на переломе» (опубликованных ею ранее под девичьей фамилией А. Довмонтович), а также в повестях «Большая любовь» и «Василиса Малыгина» были четко изложены основные представления коллонтаевской концепции «свободной любви» («крылатый Эрос», «любовь-игра», «любовь-товарищество» и т. п.). Идеи высокопоставленной большевички, воплощенные в ее публицистике и беллетристике, адресовались к четко выделенной социальной группе — молодежи (прежде всего, к молодым женщинам). Тексты ее творений — простые, понятные, сродни плакатным стишкам Маяковского, — внешне заряженные пафосом заботы о судьбе женщины, ее освобождения, равноправия с мужчинами, имели большой успех у молодежной аудитории.

«Половой вопрос» неожиданно приобрел статус общественно значимой проблемы, оказался в центре острых дискуссий. «Комсомольская правда» разместила (вместо передовицы) подборку цитат из К. Маркса и Ф. Энгельса о браке и семье [13]. Комсомольский функционер и постоянный автор популярного «Женского журнала» В. Юж призывал лекторов и политагитаторов включать в свои выступления (в обязательном порядке!) вопросы полового просвещения молодежи [14]. Статьи и брошюры высокопоставленных партийцев после публикации сразу получали статус «установочных» документов, обретали значение «руководства к действию», особенно если они касались действительно животрепещущих проблем. Вслед за творениями А. Коллонтай появился очерк Н. А. Брыкина «Собачья свадьба», в котором традиционный свадебный обряд заменяется обычной

регистрацией в ЗАГСе, называемой «собачьей», а сексуальные отношения сравниваются с «собачьей случкой» [13]. В 1926 г. публикуется трехтомный роман И. Ф. Калининкова «Мощи», где с предельным натурализмом изображались гомо- и гетеросексуальные совокупления церковного клира в обрамлении гастрономических застолий, якобы «типичные для сытой и праздной монастырской жизни», как писал рецензент «Правды» (цит. по [13]). Но уже через несколько лет роман зачислили в разряд порнографической литературы и изъяли из всех библиотек, а сам автор эмигрировал, хотя в 20-е гг. роман приветствовался как попытка изобразить типичное половое поведение в среде отсталых социальных групп.

Однако среди руководства партии Коллонтай оставалась одиозной фигурой; взгляды ее не разделялись, что отражалось в жесткой критике. Так, Ф. Буднев, оценивая литературное творчество А. Коллонтай, отмечал, что оно является «самым чутким общественным барометром в области половых вопросов». В то же время он считал, что «живописание “половой распущенности, прикрываемой разными чувствами любви”, “ослабления и полного атрофирования сдерживающих половых центров” не могло не вести к разврату, к половым недугам и венерическим болезням, к кровосмешению и вырождению». «Достаточно повнимательней присмотреться к некоторым молодым типам “коллонтаевских семей”, — писал рецензент, — чтобы понять всю вздорность и опасность таких “новых путей” и таких новых форм брачных отношений... Мы считаем, что в области половой деятельности человек должен найти какую-то грань, какую-то середину, которая позволила бы организму распределять вырабатываемую энергию, ценить *не это*, а кое-что другое — любовь, основанную на одинаковости интересов борьбы, одинаковости классовых идеалов, средстве душ» [3].

Идеологическая машина партии повела атаку на нездоровое вольнодумство среди молодежи, но первыми под удар попали, как ни странно, не инициатор и вдохновительница А. Коллонтай, а третьестепенные, но популярные среди молодежи авторы: П. С. Романов, С. И. Малашкин и Л. Гумилевский. Подробное исследование этой кампании дано в работах А. Беззубцева-Кондакова [2] и А. М. Пушкарева [13]. Авторы показывают, как к началу 30-х гг. в молодежной литературе произошла замена бывшей когда-то символом эмансипации идеи свободных отношений между полами идеей возвращения к хорошо забытому старому — необходимости строительства «длительной парной семьи как единственной формы семьи, которая нам нужна» [10]. В результате названная выше тройка писателей, несмотря на популярность и покровительство высокопоставленных партийно-государственных персон (В. М. Молотов — у С. Малашкина, М. Горький — у Гумилевского), была выдвинута из профессионального сообщества, новые книги их не печатались (даже вполне идейно выдержанные), прежние — не переиздавались.

Итоговую оценку творчества Гумилевского (с партийно-литературных позиций) дал некто Ан. Тарасенков в выпущенной в 1930 г. «Литературной энциклопедии»: «Общественный вред Г., ориентирующегося на читабельность и коммерческий успех, — несомненен. Художественная ценность творчества Г. ничтожна. Язык — до крайности сер и штампован... Г. — писатель явно приспособленческого типа с установкой на якобы общественную значимость» [9].

И это о писателе, которого М. Горький высоко ценил: «Я думаю, Лев Иванович, что служебное, педагогическое значение вашей книги («Собачьего переулка». — *Авт.*) должно быть очень велико. И, судя по всему, книга вполне своевременна, бьет по больному месту, бьет, как и следует, правдиво, безжалостно. ...Книга ваша — хороший шаг вперед, к искусству» [4].

В своих воспоминаниях Гумилевский пишет, что окончательное решение оставить беллетристику он принял после того, как услышал по радио, что уже занесен в списки «контрреволюционных писателей»:

«...лежу как-то после обеда на диване, дремлю под обычную монотонность радиопередачи о том, что есть пролетарские писатели, есть правые и левые попутчики, наконец, есть контрреволюционные писатели, и вдруг слышу:

— Это Булгаков, Гумилевский...

Я встал и сказал себе с редкой решительностью: хватит! И стало как-то легче и веселее дышать» [5, 134].

Тем не менее, по-нашему мнению, вывод о том, что внешний — партийно-политический, социальный — фактор стал решающим в переориентации писателя, нуждается в переосмыслении и уточнении. Самоощущение писателя и вся его дальнейшая (достаточно продолжительная — до 86 лет) жизнь и работа свидетельствуют о том, что партийно-литературное, административное отлучение его от художественной прозы стали лишь «спусковым крючком» к кардинальному изменению им самим своей профессиональной ориентации. Тем более, что и на «втором литературном пути» у Гумилевского были не меньшие проблемы с цензурой и литературным начальством, чем раньше. Так, хотя контрольные экземпляры его первой научно-художественной биографии «Рудольф Дизель» были уже готовы, книга не вышла в свет, поскольку зав. отделом печати ЦК ВКП(б) Стецкий отдал распоряжение Главлиту «книгу не выпускать, поскольку в ней воспеваются капиталистический строй». Ни М. Горькому, ни А. Тихонову не удалось переубедить чиновника, и весь сорокатысячный тираж был уничтожен.

О примате личного над общественным пишет и сам Лев Гумилевский: «Все же в моем решении было *личного принуждения больше, чем общественного*» [Там же].

Внутренняя убежденность писателя, уверенность в нужности, даже единственности для него вновь избранного пути давали ему силы и упорство в преодолении всех возникающих препятствий. Гумилевский интуитивно чувствовал, что именно в научно-художественном творчестве оптимально сочетаются его опыт и способности беллетриста со специфическим складом ума, воспитания и отношения к жизни, которое у него сформировалось. Он признается: «Я пытался не один раз выскочить из заколдованного круга готовых беллетристических приемов и выражений. Попытки оставались бесплодными потому, что я по-прежнему не знал, как в литературе хорошо и как — плохо. Не то, чтобы я мало думал или разговаривал о литературе или истинной художественности... Но и разговоры, и мышление велись в таких неточных терминах, в таких расплывчатых понятиях и выражениях, каких я понимать не мог *по свойствам своего прямолинейного, семинарского ума* (курсив наш. — *Авт.*)» [Там же].

Показателен в этом контексте разговор писателя с Андреем Платоновым, которого Гумилевский считал гениальным художником слова и оценке которого доверял беспрекословно. «Я думаю, — заметил Платонов, характеризуя прозу товарища по цеху, — главное, что вы чересчур доводите до конца свою мысль, а читателю додумывать ничего не остается».

Реакция Гумилевского на это замечание весьма информативна: «Это было нечто конкретное, но об этом недостатке моей беллетристики я уже знал. Знал я и то, что горе беллетриста обращается в счастье автора научно-художественной литературы (курсив наш. — Авт.)» [5, 159]. Раскрывая технологию своей писательской «кухни» уже в новом качестве — автора научно-популярных текстов, Гумилевский признается: «...я не чувствовал никакой разницы между мной — беллетристом и мной — биографом замечательных людей. Я писал о них, поставив себя на их место так же, как делал это с героями романов и рассказов, нередко прерывая работу, чтобы вытереть с глаз слезы».

Уже в начале своего нового пути он четко определил сходство и различие обоих направлений. Отвечая на вопросы какой-то анкеты, он записал: «Художественная литература учит как жить; научно-популярная литература учит как мыслить». И оставался верен этому определению до конца жизни, являясь тем не менее создателем совершенно нового научно-художественного стиля в русской и мировой литературе. Сущность его весьма точно определил тот же А. Платонов в своей рецензии: «В чем состоит Новость, которую Гумилевский внес в советскую литературу своими книгами? В том, что он начал энергично осваивать еще не обжитые места человеческой души: *инстинкты технического творчества*, профессиональное чувство, *технологическое ощущение природы*. Для этого прежде всего самому автору пришлось серьезно переучиться, стать в некоторой мере инженером, *открыть в своем сознании неизвестные дотоле силы новой привязанности к действительности* (курсив наш. — Авт.)» [12].

Это оценка писателя, пришедшего в «прекрасный и яростный мир» литературы из инженерии, рациональной технической реальности, который профессионально знал технику и технологию, но отражал ее в своем творчестве совершенно иначе, чем гуманитарий Гумилевский, — через психологию «индустриального человека». Например, перманентно присутствующая в его рассказах и романах тема «паровоза» связывается им самим в первую очередь с увлечением революцией и ее лозунгами: «...позже слова о революции-паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции». М. Желнина считает, что «при анализе прозы А. Платонова... важным будет именно линия создания нового, сознательного человека и мифология освещения *антропотехники* в мире писателя... Платонова можно назвать приверженцем таких идей времени, как *машинизация человека*...» [7]. Гумилевский до конца жизни пронес глубокое преклонение перед творческим гением Платонова, но в собственном творчестве он оставался на совершенно других позициях.

Уже в первой книге «Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность» [6] у Гумилевского намечился тот алгоритм построения и изложения материала, который и в дальнейшем определял деятельность его на научно-художественном поприще.

Энтузиазм неопита здесь тесно переплетен с эмоциональностью художника и доказательностью историка и инженера-исследователя. Столь же добротной и качественно была сделана и вторая книга о шведском инженере Густаве Лавале (1936), за которую Л. Гумилевский был удостоен медали Королевской Шведской инженерной академии.

Но затем писатель полностью переключился на жизнеописания отечественных ученых и инженеров. В серии ЖЗЛ им были созданы романы-биографии Н. Е. Жуковского (1943), Чернова (1944), Бутлерова (1951), Вернадского (1961) и других крупнейших деятелей науки и техники. Он все больше становится историком и философом научно-технической реальности, сохраняя при этом живописный стиль популяризатора и рассказчика. Обобщающей работой этого периода, безусловно, является монография «Русские инженеры». Извилистый путь книги к читателю подробно описан Гумилевским в воспоминаниях [5, 215–217]. Но весьма интересной и познавательной является оценка книги двумя крупнейшими учеными, совершенно разными и по характеру деятельности, и по значимости в отечественной и мировой науке.

Отзыв на первое издание книги (1947) давал П. Л. Капица: «Насколько мне известно, книга Гумилевского первый раз дает синтез русской инженерии, и ее можно рассматривать как оригинальный вклад в историю русского инженерного творчества. Я поддерживаю целый ряд развитых в ней мыслей об особенностях творчества русского человека, о широте его подхода к явлениям культуры, о роли самоучек. В книге его объективно оценены и те факторы, которые мешали в старое время развитию русской научно-технической мысли и ее влиянию на международную науку. Конечно, решение большой задачи создания истории русской научно-технической мысли не под силу одной книге, к тому же первой, но тот шаг, который сделал в этом отношении Гумилевский, надо рассматривать как крупный и всемерно его приветствовать». «В послевоенный период нам важно все, что служит основной задаче — поднятию технической культуры страны на еще более высокую ступень», — добавил он устно, передавая текст отзыва автору [5, 216].

Однако вскоре великий физик угодил в сталинскую опалу, был снят с должности директора созданного им самим института и отправлен в отставку, а из книги убрали не только отзыв, но и все упоминания о работах и достижениях будущего нобелевского лауреата.

Ко второму изданию (1953) книгу рекомендовал академик И. П. Бардин — выдающийся металлург и организатор металлургической науки и производства.

И. П. Бардин, уже знавший о мытарствах автора, связанных с первым изданием книги, особо подчеркивает историко-образовательное значение произведения для будущих инженеров и его национально-патриотическую направленность: «Ценность ее (книги. — *Авт.*) в том, что, рассказывая о деятельности выдающихся представителей русской науки и техники, автор подвергает анализу особенности их научно-технического творчества... Сообщая знания в том виде, как они впервые были получены, история науки и техники показывает приемы работы и ход творческой мысли, учит смелости и инициативе, воспитывает чувство нового и побуждает к действию... Но замечательные представители русской техники

были энтузиастами... Это были люди, видевшие в развитии производительных сил своей родины высокое жизненное призвание. Романтикою их борьбы, романтикою инженерного дела и проникнута книга Л. Гумилевского. Читатель видит в ней величие, значение, а часто и тяжесть инженерной работы, узнает горечь поражений и радость побед, которые испытывали деятели техники в старой России... Можно не сомневаться, что книгу... с интересом прочтут и зрелые, искушенные инженеры, и молодые инженеры, начинающие свою деятельность, и широчайшие круги советской молодежи» [1].

По мере освоения новых тем и сюжетов, накопления опыта Гумилевский невольно становился не только аналитиком, историком, но и философом науки и техники. К историко-техническому и философскому осмыслению развития индустриальной цивилизации его подталкивала вся трагическая крутоверть XX в.: социальные революции, тоталитарные режимы, ужасы Второй мировой войны и т. д.

Позднее, в 1946 г., Гумилевский сформулировал собственные выводы в записках, названных «Мемуар “О новом начале в мире”» — о взаимосвязи внутри триады: «Природа — Человек — Техника». Размышления эти напугали Гумилевского: «Неожиданно я стал видеть технику со стороны, незаинтересованно, и она постепенно представала передо мной совсем в новом и неожиданном свете. Двадцать лет, посвященных истории техники и ее создателям, приводили меня день за днем к странным выводам, дивившим меня самого. Выводы мои были столь необычны, столь противоположны общему мнению, что если иногда близким людям я и высказывал их, то не только объявлять о них в печати, даже записывать их для самого себя я долгое время не решался» [5, 234–236].

В первом варианте «Мемуара» он отметил: «...противоречие между колоссальными возможностями науки и техники и всеобщей неудовлетворенностью в самых простейших потребностях человека обычно объясняется тем, что техника работает на вооружение, на истребление человека, на разрушение созданных благо во время войн, которые и составляют истинное бедствие мира. Избавление же от этого бедствия возможно только принятием всем человечеством нового социального строя после разрушения старого, при котором войны неизбежны». Однако вывод из данной констатации выглядит довольно неожиданным: «Колоссальное движение человечества можно видеть только в непрестанном развитии науки и техники. Это, очевидно, и есть основное движение человечества, которому войны, социальные неустройства, голод, бедствия, страдания *не только не мешают, но в самой высокой мере способствуют* (курсив наш. — Авт.)» [Там же].

Возможно, что Гумилевский так и сохранил бы свои выводы в тайне, наученный горьким опытом тотальной слежки за учеными и писателями, страхом перед возможной новой волной политических репрессий. «Сталин научил нас предусмотрительности», — мрачно шутит он в своих воспоминаниях [Там же, 234]. Однако выводы писателя оказались настолько созвучны размышлениям великого ученого В. И. Вернадского, создателя учения о ноосфере, что Гумилевский признается: «Через четырнадцать лет, приступая к работе над жизнеописанием академика В. И. Вернадского и впервые знакомясь с его сочинениями, я увидел, что мысли

мои о новом начале в мире вовсе не были такими странными и страшными, как мне казалось. И Вернадский видел в науке “природное явление”, и Вернадский писал много раз о новом начале в мире, которое видел в том, что с “человеком в мир пришла огромная геологическая сила”... Наука и техника являются лишь результатом, следствием деятельности геологической силы, а не самодовлеющим началом, как думал я. Мое конкретное, образное, художественное мышление вело меня к правильным наблюдениям, но в конечном результате к совершенно иному, нежели у Вернадского, заключению» [5, 236].

Разумеется, две эти фигуры не сопоставимы по масштабу и значимости в истории науки, но в своих умозаключениях Гумилевский также проявил себя как философ технической реальности, прозорливо увидевший скрытые проблемы ее дальнейшего развития и влияния на жизнь общества. Хотя и сам он в 1961 г. понимал наивность и упрощенность своих прошлых (1946 г.) умозаключений, он не стал их переделывать, подгонять под свершившиеся уже реалии, объясняя это тем, что «Вернадский умер в 1945 г., уверенный в том, что “исторически длительные, печальные и тяжелые явления, разлагающие жизнь, приводящие людей к самоистреблению, к обнищанию, неизбежно будут преодолены”. Мой же мемуар заканчивался вопросом: может ли человечество, даже будучи глубоко и непреклонно убеждено в правильности изложенных в мемуаре... положений, предотвратить, остановить движение, принявшее столь ясное и определенное направление?» [Там же, 237].

Приведем в заключение отдельные выводы Л. Гумилевского, касающиеся науки и техники, хотя в контексте современных представлений упрощенность их и некоторый дилетантизм автора очевидны.

«1. В настоящее время техника, опираясь на теоретическую науку, все более и более становится наукой, а наука, опирающаяся на тончайший эксперимент и исследовательскую аппаратуру, все более и более становится техникой, так что различие между ними становится несущественным. <...>

2. Техника как явление природы и новое начало в мире в своем развитии принимает все более и более ясное направление. Сейчас уже нет никакого сомнения в том, что наука и техника подошли вплотную к решению проблемы атомной энергии, т. е. к проникновению в самую сущность мироздания. <...>

8. *Техника как явление природы* должна быть рассматриваема *смертельной болезнью Земли* (курсив наш. — Авт.). <...>

9. Человек как создание природы должен быть уподоблен тем микроорганизмам, деятельность которых ведет к разрушению обитаемого ими организма» [Там же, 236–237].

Далее Гумилевский добавляет: «Если в 1946 году конечный мой вывод казался фантастическим, то в 1961 году человечество с его запасом атомных бомб в любой момент способно уже было уничтожить если и не земной шар, то почти все живое на нем, в том числе и человека» [Там же].

Резюмируя, можно отметить, что переход гуманитария в научно-техническую сферу творчества — явление достаточно редкое; чаще встречается обратное (примеры — творческие пути А. Платонова, А. Солженицына, С. Залыгина, Д. Гранина,

В. Маканина и др.). Особенно если смена писательского интереса происходит по внутреннему побуждению. Исследование таких метаморфоз в контексте влияния социальных проблем на формирование личности художника — задача важная и актуальная как для литературоведов, так и для социологов и историков. Судьба Л. И. Гумилевского — судьба «старого интеллигента, выросшего в социализм». По мнению О. Михайлова [11], он «был одним из основоположников совершенно новой, художественно-научной литературы, вызванной к жизни требованиями технической революции. В его даровании глубокое проникновение в сугубо научную, специальную проблематику счастливо, уникально соединилось с высоким чувством слова и точным пониманием задач, которые должен ставить перед собой и решать художник». Книги его, с одной стороны, — гимн человеческому творческому началу в области науки и техники, с другой — прозорливое «усмотрение» опасности чисто технократического развития общества, предупреждение о возможной катастрофе мировой цивилизации. Модель общества, в котором средство (индустриализация) подавляет цель (гармоничное развитие человека), по убеждению Гумилевского, бесперспективна и смертельно опасна.

1. Бардин И. П. Предисловие к книге Л. Гумилевского «Русские инженеры» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/russkie-inzheneru-read-350862-1.html> (дата обращения: 16.08.2015).

2. Безубицев-Кондаков А. В эпоху «красных свадеб» // Колесо: [лит. интернет-журн.]. 2009. № 19. URL: <http://www.altair-torg.ru/koveco19/svadba.html> (дата обращения: 18.01.2016).

3. Буднев Ф. Половая революция // На посту. 1924. № 1.

4. Горький — Л. И. Гумилевский / публ. Ф. М. Иоффе; ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер; ИМЛИ РАН. М., 1963. Т. 70. С. 147–149. (Лит. наследство). [Электронный ресурс]. URL: old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2070/Том%2070-12_Горький-Гумилевский.pdf

5. Гумилевский Л. И. Судьба и жизнь: Воспоминания. М., 2005.

6. Гумилевский Л. Рудольф Дизель, его жизнь и деятельность. М., 1935. (Сер. : Жизнь замечательных людей).

7. Желнина (Левченко) М. Паровозы в прозе Платонова [Электронный ресурс]. URL: <http://proletcult.narod.ru/> (дата обращения: 14.08.2015).

8. Лебедева Л. И. [Вступительная статья] // Гумилевский Л. И. Судьба и жизнь: Воспоминания. М., 2005.

9. Литературная энциклопедия. 1930. Т. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le3/le3-0861.htm> (дата обращения: 10.08.2015).

10. Луначарский А. В. О быте. М.; Л., 1927.

11. Михайлов О. Гимн науке [Электронный ресурс] // Волга (Саратов). 1978. № 4. С. 167. URL: <http://library.sgu.ru/elcol/0319.htm> (дата обращения: 18.01.2016).

12. Платонов А. Размышления читателя. München, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/platonov_gazмышleniya_chitatelya.pdf (дата обращения: 18.01.2016).

13. Пушкирев А. М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 64–75.

14. Юж В. На очередные темы: проблема пола // Женский журнал. 1926. № 2. С. 4.

Статья поступила в редакцию 04.02.2016 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Д. П. Гавра

ФУНКЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ. ПО ТУ И ЭТУ СТОРОНУ: Размышления о книге профессора Д. Стровского «По ту и эту сторону: эссе и очерки»*

В теории журналистики есть ряд вечных вопросов, по поводу которых идут перманентные дискуссии. Это вопросы о ролях и функциях журналистики, о том, что такое журналистская «призма» как способ отражения реальности для массовой аудитории. Наконец, пресловутый вопрос институционального статуса журналистской профессии и журналистики как таковой.

Теоретико-методологические основания ответов на эти вопросы преподаватели факультетов и отделений журналистики излагают в студенческой аудитории, эта проблематика является предметом их научных изысканий. Много лет занимается этим и автор лежащей передо мной книги «По ту и эту сторону» профессор факультета журналистики УрФУ, доктор политических наук Дмитрий Стровский. Скажу как его коллега, профессор Стровский — известная фигура в мире исследователей российской журналистики, один из широко цитируемых авторов, спикер на международных конференциях. Классический пример академической траектории ученого и вузовского преподавателя.

Но вот перед нами совсем иной интеллектуальный продукт. Книга, составленная из эссе и очерков, опубликованных Д. Стровским в 2009–2015 гг. в «Новой газете на Урале». Почему автор назвал ее «По ту и эту сторону»? Потому что в ней, с одной стороны, содержатся журналистские и публицистические материалы, посвященные актуальным проблемам российской действительности, тому, что происходит в Екатеринбурге и Свердловской области. С другой стороны, почти половина книги — это путевые очерки, рассказ автора о том, что он видел во время своих

---

* *Стровский Д.* По ту и эту сторону : эссе и очерки. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 260 с.

ГАВРА Дмитрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: business.pr@jf.pu.ru).

© Гавра Д. П., 2016

многочисленных зарубежных командировок. Но очерки непростые, выстроенные автором таким образом, чтобы читая, например, о Китае, Индии или Монголии, мы постоянно имели в виду нашу Родину, с ее проблемами и несовершенствами. Эта книга, в которой автор предстает уже в иной социально-профессиональной роли — не преподавателя вуза, не ученого, а журналиста или публициста. С политической позицией, с ценностной аргументацией, с претензией на управление читательской аудиторией. Именно поэтому я называю свою рецензию «По ту и эту сторону», как бы «отзеркаливая» название книги Д. Стровского. Он, по существу, в этой работе переходит на «ту сторону». Из академического исследователя — в реальные действующие журналисты, т. е., говоря нашим — научным — языком, в объект исследования. И наблюдать за этим переходом, анализировать его крайне интересно с профессиональной точки зрения.

Книга Д. Стровского — отличный повод для профессионального разговора о миссии журналистики и о ее функциях. Функции журналистики характеризуют совокупность ее обязанностей и выполняемых ею задач, способ жизнедеятельности в обществе (следуя определению Е. П. Прохорова). Как известно, еще Х. Лассвелл в своей знаменитой работе «Структура и функции коммуникации в обществе» выделил три основные функции массовой коммуникации — информирование о происходящих событиях (информационная — *surveillance*), организация взаимодействия элементов общества в их ответе на вызовы окружающей среды (регулятивная — *correlation*) и обеспечение социализации и социальной наследственности (социализирующая — *socialization*). В 1960-е гг. социологи Райты развили типологию Лассвелла и дополнили ее развлекательной функцией. Известна и советская модель функций журналистики, восходящая к очень популярному высказыванию В. И. Ленина о том, что печать должна быть не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором.

Современная московская научная школа выделяет следующие функции журналистики: *коммуникативную* (устанавливает контакт между журналистом и аудиторией, после чего возможна реализация любых других функций); *идеологическую/культурно-образовательную* (обеспечивает формирование мировоззрения аудитории); *рекламно-справочную* (помогает человеку организовать свой быт); *рекреативную* (обеспечивает функционирование эмоциональной сферы аудитории); *организаторскую*.

Все эти подходы Дмитрию Стровскому, разумеется, известны. Как теоретика. Но как журналист он в своих газетных текстах реализует другую функциональную концепцию. Она называется *Watchdog journalism*. Эта концепция ментально, ценностно, видимо, ему ближе, чем остальные. *Watchdog* в дословном переводе — сторожевой пес. В этой концепции главная функция журналистики, подобно псу, стоять на страже интересов аудитории. Если брать еще шире, то на стороне гражданского общества, прав и свобод граждан. Журналист тем самым контролирует власть и критикует ее¹.

¹ См.: *Coronel S. S. The Media as Watchdog*. Harvard, 2008; Nieman Foundation for Journalism at Harvard [Electronic resource] // *Investigative Journalism: Being a Watchdog, Getting Paid*. Cambridge, 2012. URL: <http://www.nieman.harvard.edu/reports/professor.aspx?id=100016>

Анализ большинства статей из первой части книги («По эту сторону») показывает, как автор критикует чиновников, бичует пороки современного ему Екатеринбурга, открывает читателю глаза на те или иные социальные проблемы города. Об этом идет речь в статьях «Господа соврамши», «Снегопад, снегопад...», «Пожизненное мэрство» и многих других. Разберемся, в какой роли выступает здесь автор. Он информирует или формирует мнение? Он отстраненный наблюдатель, беспристрастный хроникер или обличитель, критик, борец? Какую журналистику он реализует? Журналистику факта, так любимую современными западными учебниками, или журналистику мнения, восходящую к отечественной традиции, связанной, скажем, с именем Владимира Короленко? Ответ понятен. Журналистика Дмитрия Стровского — журналистика мнения. Она не информирует, но формирует ценности и даже призывает к действию. Так, удивительным образом в реальной журналистской практике известного теоретика соединяется, казалось бы, несоединимое — западная идея *Watchdog journalism* и ленинские «агитатор, пропагандист + организатор».

Подкупает то, что журналистика Стровского — искренняя и страстная. Если он что-то или кого-то не любит, он прямо об этом говорит. Не стесняясь в эпитетах. И еще его журналистика — не пугливая. Его отрицательные герои — действующие люди власти. В Екатеринбурге и в Москве. Он прямо называет фамилии, должности и т. п. Не пользуется эвфемизмами. И это важный урок. Профессиональная и человеческая смелость — значимое качество для «журналистики мнения».

Еще одна важная характеристика текстов, представленных в книге «По ту и эту сторону», — тот факт, что из-под рабочего дождевика «журналиста Стровского» все равно виднеются белая рубашка и галстук «профессора Стровского». Уже в первых двух статьях «“Террорист” поневоле», «Партия, дай порулить», да и дальше, мы встречаем пространные теоретические рассуждения о миссии журналистики, о свободе слова, о независимости СМИ, этических стандартах и т. п. Эта лексика, вполне уместная в научном дискурсе, в массовой газете иногда выглядит чужеродной. Но профессорская маска уже приросла, она уже стала второй природой автора, и он, даже если и хотел бы, не может ее снять. Что действительно радует — так это опора на энциклопедическое знание истории отечественной журналистики и в целом отечественной истории. Выдающиеся журналисты Анатолий Аграновский, Аркадий Ваксберг — живые персонажи его статей. Как и Горький, Луначарский, Ахматова, Брюсов, Володарский, Ручьев... и многие другие.

Анализируя книгу Д. Стровского, видишь и то, как на практике реализуется феномен, названный в теории «журналистской призмой». Из оптики известно, что призма преломляет световые лучи под определенным углом. Эта метафора в теории журналистики означает, что журналист, отражая действительность, использует свой угол зрения, особым образом преломляет увиденное. И угол этого преломления определяется многими факторами, объективными и субъективными. К важнейшим из них отнесем позицию собственника СМИ, редакционную политику, ориентацию на определенный сегмент аудитории и, наконец, политическую и этическую позицию журналиста. Заметим, что позицию журналиста мы

поставили в конец. Журналистская призма определяет характер интерпретации тех или иных фактов. Поскольку медиа являются политическим институтом и выполняют свои функции в системе отношений власти, эта самая призма становится естественным ограничителем того, что принято называть «независимостью СМИ». Эта самая независимость является конвенциональной категорией в системе экономических и политических взаимозависимостей современного общества. Именно поэтому я не разделяю ряда позиций автора, связанных с его интерпретацией категории независимости СМИ.

В книге явно видна журналистская призма Д. Стровского. Он настроен резко критически по отношению ко многим проявлениям российской действительности, к чиновникам, к известным политикам и политическим партиям, в том числе олицетворяющим власть в современной России. Сравнивая многие процессы, имеющие место в России и за рубежом, он делает выводы не в пользу нашей страны. Вместе с тем, с моей точки зрения, это нормально для журналиста. Это его ценностная и политическая позиция, которая определяет его журналистскую призму. Более того, эта оппозиционность определяет журналистскую призму как «Новой газеты», так и «Новой газеты на Урале», публикующей статьи Д. Стровского. Если бы он имел противоположную призму, «Новая газета» не печатала бы его статей. Площадку давали бы другие издания.

Что же из этого следует? Что «независимая журналистика» — это некоторый «идеальный тип», как писал об этом Макс Вебер. Ее независимость — несомненно, важная и необходимая черта современной демократической системы сдержек и противовесов — является относительной в рамках современных лабильных политических систем. И книга Д. Стровского блестящим образом доказывает этот тезис.

Не могу не сказать и еще об одном, что нравится в рецензируемой книге. На факультетах журналистики мы много говорим студентам о том, как значим для статьи заголовочный комплекс. Дмитрий Стровский, с моей точки зрения, блестяще владеет этим инструментом журналистского мастерства. В его заголовках присутствуют культурные аллюзии, юмор, иногда провокация или сарказм. «Партия, дай порулить!», «...А Матроскин был прав», «Кто здесь временные? Слазь!», «Каждый выбирает для себя...», «Скованные одной цепью». Список можно продолжать. Эти заголовки заставляют аудиторию активировать когнитивный контур сознания, играют с ней и в итоге пробуждают интерес к материалу. То есть делают то, что в теории и должен делать хороший заголовок.

Теперь о том, что снижает впечатление от книги эссе и очерков «По ту и эту сторону». Иногда автору изменяет чувство языка. И тогда мы попадаем в языковую среду, где «французский смешан с нижегородским». С одной стороны, автор пользуется высокой академической лексикой, что вполне понимаемо в силу его профессорского статуса. С другой, видимо, пытаясь нащупать так называемый «язык для простонародного читателя», он довольно часто употребляет жаргонизмы, явно не соответствующие его статусу и замыслу статьи. Меня как читателя и как коллегу, считающего Д. Стровского человеком с хорошим вкусом, корбит, когда в его текстах встречаются такие обороты, как «не в облом признать» («Что

в имени твоём?»), «мне стремно» («Один митинг. Две России»), «уж точно не фонтан» («Зачем клиенту пирожное»). Представляется, что здесь автору все-таки изменяет чувство стиля.

Однако если говорить в целом, перед нами книга, несомненно, заслуживающая внимательного чтения. Она написана человеком, побывавшим по ту и эту сторону журналистики как особого мира. Исследователем, теоретиком и журналистом, публицистом. И еще человеком с политической позицией. Эрудитом.

Особенно интересна эта книга исследователям журналистики. Поскольку она заставляет задуматься о базовых основаниях науки о массовых коммуникациях, о ее категориальном аппарате, о способах осмысления журналистских практик.

Рецензия поступила в редакцию 05.11.2015 г.

М. А. Мясникова

«НУЖНО САМОУТВЕРЖДЕНИЕ В ДЕЛАХ, В СОЗИДАНИИ...»

Рец. на кн.: Кириллова Н. Б. Ярополк Лапшин. — Екатеринбург : Изд. дом «Сократ», 2015. — 320 с. : ил.

В екатеринбургском издательстве «Сократ» в серии «Жизнь замечательных уральцев» вышла новая книга профессора Уральского федерального университета, доктора культурологии, киноведа и кинокритика Н. Б. Кирилловой. Это документально-художественное исследование жизни и творчества; основанный не только на личных наблюдениях, но и на серьезной научной базе портрет «одного из тех, кто, — как пишет автор, — творил историю культуры на Урале», выдающегося режиссера Свердловской киностудии, просветителя и общественного деятеля, народного артиста РФ, заслуженного деятеля искусств РФ, лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, почетного гражданина Свердловской области Ярополка Леонидовича Лапшина. Выход этой книги знаменателен для очень многих людей — зрителей его легендарных картин, среди которых «Угрюмка», «Приваловские миллионы», «Демидовы»; коллег-кинематографистов; всех тех, кто лично знал этого яркого, талантливого, удивительно работоспособного, глубоко принципиального и твердого в убеждениях человека. Мне также посчастливилось не только видеть его фильмы, но и лично наблюдать за ним, будучи, как и он, членом комиссии по премиям Губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства». Лауреатом этой премии

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, доцент, профессор кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2016

в 2000 г. заслуженно стал и сам Ярополк Леонидович. Помню, насколько весомо и авторитетно звучало во время обсуждений его слово, как строг и бескомпромиссен был он в оценках. Но так же строг и требователен он был всегда и к самому себе. Об этом, как и о многом другом, рассказывает рецензируемая книга.

Личность Я. Л. Лапшина раскрывается не только в тех разделах, где излагается история семьи; описываются события жизни родителей — репрессированного по наговору в 1938 г. отца и воспитавшей без мужа двух сыновей, а в последние годы работавшей хранителем фондов Свердловской картинной галереи матери; приводятся факты его биографии, но и там, где речь идет о его художественном становлении и самостоятельном творчестве: о школе, первых ролях в детском театре во Владивостоке; о ВГИКе, мастерской Л. В. Кулешова, дипломе, подписанном С. М. Эйзенштейном; родной студии, на которой проработал более 60 лет; съемочных площадках с их атмосферой собранности и деловитости, которую он всегда там создавал; о работе с любимыми актерами, операторами, сценаристами; наконец, о творческом и семейном союзе с супругой, главным редактором сценарно-редакционной коллегии художественных фильмов Свердловской киностудии Л. Н. Козловой. Личность героя раскрывается и там, где ведется подробный киноведческий анализ его художественного наследия, состоящего из нескольких десятков картин, последнюю из которых он снял в возрасте 83 лет(!). Такое творческое долголетие — факт поразительный! При этом почти 30 лет классик уральского кино возглавлял Свердловское (Уральское) отделение Союза кинематографистов СССР (РФ), помогая развитию кинематографа, кинообразования и кинопросвещения на Урале; был членом правления Союза кинематографистов страны; стоял у истоков создания в нашем городе Дома кино и театрального института; первым в качестве профессора, набрав курс студентов по специальности «Актер драматического театра и кино», дал дорогу в кинематограф нескольким известным ныне режиссерам. В итоге получилась не просто увлекательная биография знаменитого человека, отмеченного многими наградами, но и подробный научный, киноведческий разбор его творчества. Кроме того, героем книги наряду с реальным человеком и художником стало время, а главной темой — судьба отечественной культуры в целом.

Обращает на себя внимание раздел, где звучит прямая речь Я. Л. Лапшина, приводятся его интервью, размышления, воспоминания, в которых со всей силой проявляются широта души, доброта, щедрость этого человека, и при этом — личная скромность, умение восхищаться успехами других, его равнодушие к происходящему, ощущение невозможности плыть по течению, напористость, активная жизненная позиция, убежденность в своей правоте. Герой книги поднимает в этих фрагментах серьезнейшие проблемы времени, искусства, организации кинодела на Урале, работы Свердловской киностудии, особенность которой всегда состояла в том, что она была единственной в России студией-комбинатом, выпускавшей «картины всех видов: художественные, научно-популярные, хроникально-документальные и учебные» (с. 213).

В этих прямых высказываниях Мастера выпукло отразилось время в промежутке почти в 40 лет — между 1969 и 2006 гг. Но самое главное состоит в том, что

мысли эти по большей части актуальны и сегодня. И автор книги старается донести это до нас. Особенно пронзительно звучат давний текст, появившийся в газете «Уральский рабочий» в 1991 г. под названием «Кончился золотой век кино...», а также материал 2005 г., опубликованный в журнале «Уральский федеральный округ» под заголовком «Выживет ли “периферийное” кино?..». Из второго мы узнаем о следующих мучительных размышлениях Мастера: «Говорить равнодушно о том, что дорого, не могу. <...> Я убежден, что Свердловская киностудия нуждается в самом серьезном внимании не только областных, но и московских властей. <...> Речь о судьбе всего регионального, “периферийного” кино, которое в последние годы последовательно и методично уничтожается. <...> Местные студии кинохроники если формально и существуют, то едва дышат, производство телевизионного кино практически прекращено. <...> Думаю, что все большая концентрация кинопроизводства в Москве и Санкт-Петербурге — досадна, да и недопустима в такой огромной стране, как Россия» (с. 239). Поразительны строки 1991 г., в которых режиссер призывал отказаться от идеи разрушения. «Переделывать надо многое, но не разрушать все, до основания. Это уже было» (с. 235). Ведь «разрушив уважение к каким бы то ни было авторитетам, заодно разрушили и уважение к себе. <...> А где самоутверждение — в собственных делах, в созидании?» (с. 235). Поистине — в искусстве всегда побеждает личность.

В книге звучит много мудрых, полезных сегодня для нас мыслей Мастера и содержится немало уникального материала: фрагментов архивных документов; специально написанных для книги воспоминаний коллег, соратников, друзей и почитателей Я. Л. Лапшина; его собственных высказываний, бережно зафиксированных автором на протяжении многих лет профессионального и человеческого общения с героем.

Текст хорошо структурирован, разделен на главы, связанные с этапами пути режиссера, снабжен перечнем дат жизни и творчества, списком литературы и источников, фильмографией, иллюстрациями и кадрами из фильмов. Книга будет интересна и полезна не только любознательным читателям и поклонникам искусства кино, но и его знатокам, ученым: искусствоведам, культурологам, историкам, краеведам, а также будущим специалистам.

Рецензия поступила в редакцию 14.12.2015 г.

А. В. Антошин

**СТУДЕНТАМ ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОМ И КНИЖНОМ ДЕЛЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Рец. на кн.: *Базанов П. Н.* Книжное дело русской эмиграции : курс лекций. — СПб. : С.-Петербург. гос. ин-т культуры, 2015. — 192 с.

Новые тенденции в развитии российского образования, усиление внимания к контролю за самостоятельной работой студентов требуют разработки методического обеспечения учебного процесса. В частности, студенты, обучающиеся по направлениям «Журналистика» и «Издательское дело», испытывают потребность в новых учебных пособиях, посвященных прессе и издательствам русского зарубежья. Эти сюжеты далеко не всегда обстоятельно рассмотрены в общих учебниках по истории российской журналистики. Одним из признанных лидеров в области издания учебно-методической литературы по данной проблематике является Санкт-Петербургский государственный институт культуры (СПбГИК). Здесь читаются лекционные курсы «Информационные ресурсы русского зарубежья», «Книжное дело русской эмиграции» и др. Еще в 1999 г. коллективом преподавателей этого вуза во главе с И. А. Шомраковой было подготовлено учебное пособие по издательскому и библиографическому делу русского зарубежья [3]. В 2015 г. профессором СПбГИК П. Н. Базановым был издан курс лекций «Книжное дело русской эмиграции», который может быть использован студентами различных вузов Российской Федерации.

На сегодняшний день П. Н. Базанов является, пожалуй, крупнейшим в России и за рубежом специалистом по издательскому делу русского зарубежья. Он автор докторской диссертации, нескольких монографий, многочисленных статей по данной тематике. Кроме того, П. Н. Базанов является опытным преподавателем, многие годы читающим в вузах Санкт-Петербурга курсы по истории русской эмиграции. Поэтому вполне закономерно, что ему удалось написать качественный курс лекций для студентов.

Структура представленного курса лекций соответствует требованиям, предъявляемым к произведениям такого жанра. В нем, в частности, основательно рассмотрены основные аспекты историографии темы. При этом обращает на себя внимание тот факт, что П. Н. Базанов очень резко критикует многих своих предшественников — авторов специальных трудов по истории книжного дела русского зарубежья. Автор курса лекций не стесняется прямо указывать на ошибки и недочеты, которые содержатся в работах некоторых историков. При этом, правда, вызывает некоторое удивление тот факт, что П. Н. Базанов весьма позитивно

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

© Антошин А. В., 2016

отзывается о книге екатеринбургского историка А. А. Пронина «Историография российской эмиграции» как об «интересной» и «единственной, посвященной полностью историографии эмиграции» (с. 30). Между тем произведение А. А. Пронина, на наш взгляд, дает не менее богатый материал для критических замечаний, чем труды А. А. Хисамутдинова, И. Пальмовой и др., о которых П. Н. Базанов отзывается очень резко.

Проанализировав историографию проблемы, П. Н. Базанов выдвинул весьма перспективную идею: создание «координационного всероссийского центра» для издания справочника под условным названием «Издательства и издающие организации русской эмиграции» (с. 31). Рецензент целиком поддерживает данный проект и надеется, что его удастся реализовать в дальнейшем.

Отдельные главы данного учебного пособия посвящены различным сюжетам истории книжного дела русского зарубежья. Очевидно, их выбор связан с особенностями читаемых П. Н. Базановым курсов, личными предпочтениями преподавателя. В частности, в пособии представлены исторические очерки, посвященные левоэсеровскому издательству «Скифы», издательской деятельности Братства Русской Правды, «Посеву» и т. д. В курсе лекций содержится подробный рассказ о выпущенных ими изданиях, выявлены их заказчики, лица, оплачивавшие тираж. Значительное внимание уделено системам распространения изданий русского зарубежья в различных странах мира.

Следует обратить внимание на то, что в курсе лекций П. Н. Базанова охарактеризованы некоторые важные сюжеты истории издательского дела русского зарубежья, которые не нашли достаточного отражения в других учебных пособиях. Так, именно П. Н. Базанов столь обстоятельно характеризует феномен «дипийских» издательств (т. е. тех, которые существовали во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в лагерях для «перемещенных лиц» в Европе). Этот сюжет долгое время являлся белым пятном истории русского зарубежья. По мнению рецензента, именно глава, посвященная «дипийским» издательствам, является самой интересной в данном пособии. П. Н. Базанов рассказывает о том, в каких условиях работали эти издательства, как они добывали русские шрифты в послевоенной Германии, каким образом осуществлялась оплата типографских расходов и т. д. Уделено внимание и вопросам художественного оформления этих изданий, содержащимся в них иллюстрациям. П. Н. Базанов характеризует и малотиражные бюллетени, которые издавались отдельными лагерями для «перемещенных лиц», чаще всего машинописным и ротаторным способом. Следует отметить, что значительная часть этой информации содержится только в данном курсе лекций, в других учебных пособиях студенты ее найти не смогут.

Ряд разделов представленного учебного пособия посвящен наиболее видным издателям русского зарубежья. Такие фигуры, как герцог Г. Н. Лейхтенбергский или С. В. Завалишин, вошли в историю издательского дела русского зарубежья, и обращение к ним вполне обоснованно. Неудивительно, что П. Н. Базанов посвятил отдельную главу Н. И. Ульянову — одному из своих любимых персонажей, о творчестве которого он уже не раз писал [1, 2]. Вместе с тем несомненным достоинством курса лекций является тот факт, что в нем уделено внимание

и издательствам «третьей волны» эмиграции из СССР. Обычно эти сюжеты находятся на периферии интереса историков русского зарубежья, а нередко вообще оказываются за бортом учебных пособий. П. Н. Базанов пошел по другому пути: он пишет об «Эрмитаже», «Эффекте», «Телескопе» и о других издательских центрах 1960–1980-х гг. Особое внимание автор уделил проектам И. М. Ефимова и Э. А. Штейна.

Представленный в курсе лекций П. Н. Базанова материал достаточно широк, некоторые сюжеты могут стать основой для отдельных учебных пособий. Так, самостоятельная глава посвящена основным архивным центрам Санкт-Петербурга, которые хранят документы по истории книжного дела русского зарубежья. Здесь содержится обстоятельный, качественный обзор эмигрантских фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки, рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома) и других учреждений.

Следует отметить, что курс лекций П. Н. Базанова содержит все элементы, которые должны присутствовать в произведениях такого жанра. Лекции снабжены контрольными вопросами тестового характера, а также списками основной и дополнительной литературы.

На взгляд рецензента, лишь одно обстоятельство несколько портит впечатление от этого качественного труда — отсутствие редактора и корректора. Издательство СПбГИК нашло квалифицированного дизайнера обложки, однако жаль, что текст курса лекций был вычитан не слишком внимательно. Это привело к многочисленным стилистическим погрешностям, опечаткам и синтаксическим ошибкам. Тем не менее нет сомнения, что рецензируемый труд будет активно использоваться не только студентами СПбГИК, но и других вузов Санкт-Петербурга и России в целом.

---

1. Базанов П. Н. Зарубежные издания петербуржца-эмигранта Н. И. Ульянова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения–2006 : сб. науч. статей. СПб., 2007. С. 40–46.

2. Базанов П. Н. Петербургский историк в изгнании: судьба, творчество и историография // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 1. С. 178–184 ; № 2. С. 112–121.

3. Издательское и библиографическое дело русского зарубежья / Г. В. Михеева, И. А. Шомракова, П. Н. Базанов, И. Л. Полотовская. СПб., 1999.

Рецензия поступила в редакцию 24.12.2015 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАССТРОЙСТВО АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

**(информация о Международной научно-практической конференции
«Аутизм: междисциплинарный подход», 18–21 сент. 2015 г.)**

Расстройство аутистического спектра (РАС) является одним из наиболее распространенных заболеваний в современной человеческой популяции. Аутизм нередко называют болезнью XXI в., не знающей расовых, национальных и социальных границ. По некоторым данным, в настоящий момент РАС наблюдаются у 1 из 68 новорожденных [1]. Отмечается негативная тенденция к увеличению количества детей с таким расстройством развития. Одной из причин роста распространенности этого заболевания стал пересмотр критериев, по которым выявляют данное расстройство. В настоящее время к РАС относят не только классический аутизм, но и расстройства развития, которые имеют близкие комплексы симптомов. В связи с этим сейчас принято относить все эти расстройства к аутистическому спектру расстройств [2].

В настоящее время причины и механизмы РАС недостаточно изучены. Несмотря на большое количество исследований в этой области, теорий аутизма, до сих пор нет общепринятой точки зрения на механизм формирования и развития данного расстройства [Там же]. Такое положение дел усложняет разработку эффективных методов помощи и лечения РАС. Научное сообщество начинает понимать, что решение проблемы аутизма возможно только в рамках комплексного подхода, на стыке разных теорий, представлений и уровней анализа этого расстройства. В связи с этим актуальным является проведение конференций, встреч и симпозиумов, на которых специалисты из разных областей знания могли бы обсуждать результаты своих исследований, интегрируя их и вырабатывая междисциплинарный комплексный подход к решению проблемы РАС. Одной из таких конференций стала впервые организованная в Уральском регионе Международная научно-практическая конференция «Аутизм: междисциплинарный подход», которая состоялась 18–21 сентября 2015 г. на базе Уральского федерального университета. Конференция была организована лабораторией мозга и нейрокognитивного развития при поддержке департамента психологии Института

социальных и политических наук УрФУ. Одним из центральных направлений исследований лаборатории является изучение ранних маркеров РАС, которые в перспективе позволят уже в младенческом возрасте выявлять риск развития данного расстройства. Исследование проводится в рамках широкомасштабного Европейского проекта изучения детей с риском развития РАС и синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). В проект входят 8 европейских лабораторий и центров. Лидером проекта стал центр мозга и когнитивного развития (Университета Лондона), руководителем которого является профессор Марк Джонсон. В рамках данного проекта используется комплексный подход к исследованию аутизма, включающий поведенческие и аппаратурные методы, в частности использование высокоплотной электроэнцефалографии для выявления ЭЭГ-маркеров и ай-трекинга для исследования особенностей восприятия информации детьми, имеющими риск развития РАС [3].

Большую помощь в организации конференции оказала автономная некоммерческая организация (АНО) «Открытый город» (исполнительный директор М. В. Пономарева, г. Екатеринбург), которая оказывает содействие внедрению модели инклюзии детей и подростков с нарушениями интеллектуального развития, в том числе с расстройствами аутистического спектра.

В конференции приняли участие ведущие отечественные и зарубежные специалисты, изучающие различные аспекты и проблемы расстройств аутистического спектра. На пленарном заседании ими были сделаны доклады по результатам современных исследований природы аутизма у детей. Кроме того, в рамках конференции были проведены семинары, мастер-классы, «круглый стол» на тему «Прикладной анализ поведения. Современная практика».

Конференция вызвала большой интерес у психологов, врачей, педагогов, социальных работников, родителей особых детей, студентов профильных специальностей. В ее работе приняли участие более 800 человек. Событие такого масштаба, посвященное проблематике РАС, было впервые проведено в Уральском регионе.

В научную программу конференции входили доклады ведущих специалистов в области изучения РАС. Анализ современных теорий, объясняющих способ мышления, поведение и ощущения людей с аутизмом, был дан в докладе М. Слепян, соучредителя и руководителя группы «Суламот» (Израиль). Выступление профессора МГУ Ж. М. Глозман было посвящено проблеме гипердиагностики аутизма. Вице-президент некоммерческого партнерства «Ассоциация специалистов сенсорной интеграции» (Москва) И. В. Найдина представила метод DIRFloortime в терапии расстройств аутистического спектра. Один из отечественных лидеров в изучении механизмов и причин возникновения аутизма у детей доцент МГУ М. К. Бардышевская сделала доклад «Нарушения развития аффективно-поведенческих комплексов у детей с аутизмом: диагностика и возможности психотерапии». Выступление главного методиста и соучредителя группы «Суламот» (Израиль) Л. Рубин-Ниязовой было посвящено роли спорта в мультидисциплинарной коррекционной программе для детей с аутизмом. Физический терапевт, директор АНО «Физическая реабилитация» (Санкт-Петербург) Е. В. Клочкова выступила с докладом на тему «Физическая и эрготерапия для

детей с расстройствами аутистического спектра. Российский и зарубежный опыт». Представители Центра анализа поведения при Новосибирском государственном университете Е. Ю. Чульжанова и М. Д. Фризен поделились результатами исследований влияния АВА-терапии на детей с РАС. Вице-президент Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии РФ (Екатеринбург) Я. И. Коряков сделал доклад на тему «Аутизм. Психоаналитический подход». Заведующий кафедрой клинической психологии и психофизиологии УрФУ (Екатеринбург) С. Ю. Киселев представил научный проект «Исследование ранних маркеров развития аутизма у детей», который разрабатывается в лаборатории мозга и нейроркогнитивного развития.

Прикладные аспекты проблемы обсуждались в процессе работы семинаров. В рамках конференции было проведено четыре семинара: «Понимание аутизма» (ведущий Е. Мень, г. Москва), «Построение процесса инклюзии ребенка с аутизмом в общеобразовательных рамках с сопровождающим (тьютором)» (ведущие — группа «Суламот», Израиль), «Принципы построения динамической коррекционно-развивающей программы для ребенка с аутизмом» (ведущие — группа «Суламот», Израиль), «Методы прикладного анализа поведения для специалистов» (ведущие М. Фризен, Е. Чульжанова, г. Новосибирск).

Главным результатом работы конференции стало понимание того, что решение проблемы аутизма возможно только в рамках междисциплинарного подхода, с привлечением специалистов медицинского, психологического, нейропсихологического и педагогического профиля. Только такой интегративный подход позволит приблизиться к пониманию природы аутизма и разработать эффективные методы и пути помощи детям с аутистическим спектром расстройств.

1. *Kim Y. S., Leventhal B. L., Koh Y. J. et al.* Prevalence of autism spectrum disorders in a total population sample // *Am. Journal Psychiatry*. 2011. № 168(9). P. 904–912.
2. *Fakhoury M.* Autistic spectrum disorders: A review of clinical features, theories and diagnosis international // *Journal of Developmental Neuroscience*. 2015. P. 70–77.
3. *Jones E., Gliga T., Bedford R. et al.* (In press). Developmental pathways to autism: A review of prospective studies of infants at risk. *Neuroscience and Biobehavioural Reviews*.

Материал подготовили

А. И. Котюсов, Е. В. Сулейманова, Н. В. Туленина

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Astashova Y. S., Strovsky D. L.* Specificity of the modern broadcasting on the regional TV: following the example of Canal Sur (Andalusia, Spain) and OTV (Yekaterinburg, Russia) 6

This article examines the peculiarities of modern news coverage in the regional television. On the basis of such definitions as information and television information the authors tend to highlight the priorities of information politics of the two regional TV-channels in Russia and Spain and to figure out the content trends of this coverage. For better understanding of the role of information broadcasting in society the authors resort to questionnaire. The study of extensive empirical material including 40 news programs and the results of the questionnaire provide with the conclusions about effectiveness of the information impact of the two channels and the possibilities of their relationship with the audience.

K e y w o r d s: mass media; TV-information; information coverage; news; audience.

- Gorina E. V.* Features of Text Categories in the Internet Discourse 18

The article examines the changes referring to the text categories that occur in the Internet. The Web discourse is analysed as a global complex space comprising numerous sub-discourses of specific fields and disciplines. Deviation of text categories in the Internet discourse leads to changes of content-related characteristics of the text and forms the basis for interaction between discourses of specific fields and disciplines and, to some extent, for multidimensional nature of a global discursive space of the Internet. Technical specifics of the Internet make it impossible to analyse text as a flat phenomenon.

K e y w o r d s: discourse; temporal; locative; problematic; eventfulness; authorship; target orientation.

- Ognev K. K., Akopov A. Z.* Russian Historical TV Series: Between Art and Mass Culture 22

For more than a hundred-year history of the screen culture it has provided a wealth material for all the diversity of the genre palette of the cinema, television and Internet. The authors, one of whom (Konstantin Ognev) is a famous Russian film critic, and the other (Alexander Akopov) — the founder and the Director of AMEDIA— tried to study the historical evolution of Russian TV series in the context of screen arts referring both to the past and present, primarily of Russian TV series in the 10 years of the twenty-first century.

K e y w o r d s: cinema; television; history; screen art; globalization; classics; literature; genres.

- Oleshko V. F., Tarhanova E. V.* Creative work of the journalist in the business press 30

The results of the study referring to the use of creative methods by the business media reporters as well as techniques of creative realization are analysed by the authors . In particular, for the first time in domestic practice of this method analysis the text of the journal “Expert-Ural” have been examined. The publication is addressed primarily to researchers who are studying the aspects that promote the audience’s attention to the business publications as well as practitioners.

K e y w o r d s: information; audience; business media; author; journalist creativity; illustration; info-graphics.

- Belotserkovskaya Ya. S.* Specificity of publications about culture in epoch of the development of Internet technology 40
- The competition between the print media and online media is analysed. Based on the study the author comes to the conclusion that the only media capable of finding their audience are the ones which broadcast the elite culture. Mass media that focus on the mass culture – yellow press, tabloids are in the state of crisis as they have nothing to contrast to the Internet technologies that are actively developing at the moment.
- K e y w o r d s:** cultural and art journalism; arts criticism; cultural criticism; journalism and Culture; mass culture; elite culture; print media; representation; online media.
- Vetoshkina I. A., Golousova E. S.* Foreign media covering extreme situations 48
- The following article studies the coverage of extreme situations by the foreign media. The authors refer to the following tragedies that happened recently— Russian passenger jet crashed in Egypt, and acts of terror in Paris. The authors analysed main features of the foreign coverage of the extreme situations and came to conclusions concerning the journalistic approach and professional methods used by the foreign correspondents.
- K e y w o r d s:** extreme situations; foreign media; fact journalism; opinion journalism.
- Svechkov D. F.* Influence of mass media on behaviour of consumers of banking services in terms of the Russian financial and economic crisis of 2014–2015 53
- In the following article the publications of journalists of “Komsomolskaya Pravda” devoted to the economic crisis are analysed. Prevailing issues are examined and described. The lexemes used while assessing the reasons of crisis are considered. Responses of readers are analysed. The nature of influence of the newspaper on behaviour of consumers of banking services is defined.
- K e y w o r d s:** economic crisis; sanctions; influence of mass media; “black Tuesday”; “Komsomolskaya Pravda”.

The Eastern meridian

- Batjargal D.* Epic as a leading trend of the poetic literature in Mongolia (following the example of creativity for children and youth).....63
- This article envisages the development of the Mongolian literature in the second half of the XX century. During this period many literary works were written about the Great Patriotic War, in the genre of epic being traditional for the Mongolian literature. The author investigates the most known writings.
- K e y w o r d s:** mongolian literature; poem; the Great Patriotic War; the Battle of Khalkhin Gol.
- Gankhuu M.* The perception of China and Russia in the Mongolian press: the case of headlines 69
- On the basis of the theory of discourse analysis the position of the Mongolian political press towards China and Russia is being investigated. The author focuses on the contents of headlines used in 2000 and 2010, by the leading newspapers of Mongolia. The conclusions are drawn regarding both general information priorities of these publications and their relationship with the Mongolia’s neighbouring countries.
- K e y w o r d s:** discourse analysis; political press; headline; China, Russia.

PSYCHOLOGY

- Lebedeva J. V.* Study of strategies of expressions of sympathy concerning the students from China and Russia.....77
- The article is devoted to the study of the influence of cultural factor while expressing sympathy. The author presents the results of cross-cultural research conducted on the bases of Russian and Chinese students’ poll. The universal strategies that are proved to be common for both Russian and Chinese students are described: dealing with emotions, cognitive strategies, assistance and joint activities. It is established that the severity of the strategies depends on the cultural factor.
- K e y w o r d s:** empathy; expression of sympathy; culture; cross-cultural approach; personality; student; China; Russia.

Permiakova M. E., Murtazina M. A. Subjective perception of happiness of mothers and their children of juvenile age 85

The purpose of the research conducted based on the polling of 117 students and 117 mothers is to identify the relationship between the subjective perception of happiness of mothers and subjective perception of happiness, optimism and self-esteem of their children. The following methods are used: updated Oxford happiness inventory, Dembo-Rubinstein method of self-esteem measurement and LOT (Life orientation test). The following results were obtained by the authors: significant connection between the subjective perception of happiness of mothers and the subjective sense of perception of their children and the absence of correlation of the subjective perception of happiness of mothers with optimism and self-esteem of children was found. The research confirmed the data that optimism and self-esteem of a human are powerful predictors of the individual's subjective perception of happiness.

K e y w o r d s: subjective perception of happiness (subjective well-being); mothers; children; juvenile age; optimism; self-esteem.

Zlokazov K. V., Lomtadze O. V., Bulatova E. V. Visual characteristics of the perception of poly-code texts with destructive orientation 92

The authors presents the results of an experimental study of the perception of poly-code texts with destructive orientation. The study of perceptual features was carried out using the 500 RED system for eye movements recording (eye-tracker). The authors used the following indicators of the process of perception of images: the frequency and duration of blinks, the duration of fixation of the gaze on the image, the movement of the view in the image, the change of the pupil diameter. Differences in the perception of destructive texts with different (interpersonal, interpersonal and meta-personal) objects of destruction were described.

K e y w o r d s: poly-code text; perception; eye-tracking; extremism; texts with destructive orientation.

Bardyshevskaya M. K. The disturbances of the development of affective-behavioural complexes in autism: assessment for their restoring 102

In the paper the level-based approach to the assessment and psychotherapy of autistic disorders is elaborated. The empirical data of the author's longitudinal observations of the development of behaviour, non-verbal communication, symbolic activity of 170 children with combined autistic and affective disturbances are summarized. The principles and lines of assessment of autistic symptoms and a new method of analysis of deepness of autism based on the defining of types of links between autistic symptoms and more healthy patterns are described. The focus of assessment is on the possibilities of moving of key symptoms even in the frames of a single therapeutic observation. The detecting of mobility of symptoms on the different levels of behaviour development allows to define the order of the restoring of missed or destroyed patterns of affective-behavioural complexes.

K e y w o r d s: development; therapeutic observation; assessment; affective-behavioural complexes; autism.

Kiselev S. Y., Lvova O. A., Bakushkina N. I. Complex approach to assessment of neural and cognitive functions in children with risk for ASD 113

The article is devoted to the main approaches in assessing the formation and development of neurotic and cognitive functions of the early age children. Special attention is paid to such methods as the Bayley's Scales, EEG and eye-tracking. On the example of two infants with risk for autism spectrum disorders authors showed the necessity of combination of clinical and instrumental methods, as well as the level of diagnostic value of those procedures in the evaluation of neurotic and cognitive functions within the first year of life.

K e y w o r d s: infants; autism spectrum disorders; Bayley's Scales; EEG and eye-tracking.

CULTURE STUDIES

- Kirillova N. B.* Language Procedures in Media-sphere as codifiers of reality.....122
 This article explores the theoretical foundations of media culture as a system of signs in the context of its historical evolution. The language of media as a sum of different sign system (text) has evolved from the “object writing” to written language, from reproducing texts (book printing) to electronic media culture — visual, auidial and audiovisual.
 Key words: media culture; semiotics; language of the media; artefact; sign; code; media text; frame; auidial; visual; audiovisual; screening culture.
- Egorova A. A.* Street Art Communicative Strategies (The Case of Contemporary Yekaterinburg City Street Art) 127
 The paper investigates the street art practices in terms of communication strategies constructed by an artist with one’s potential recipient. The analysis is based on the theoretical consideration of street art as a spontaneous avant-garde. Street art inherits a modernist intention of breaking the boundaries between art and life practice. Particular emphasis is made on contemporary street art of Yekaterinburg. A factual material illustrates the main thesis of the two communication strategies coexisting in the urban artistic field. The first one is named the strategy of resistance. It is based on the opposition to the existing political and socio-cultural injustices. The second one is defined as the humanization strategy. Its essence is to humanize urban landscape and to frame personal relationships between local communities and the city space.
 Key words: street art; Yekaterinburg city street art; public space; urban visual codes; communication; art practices; contemporary art.
- Zhernosenko I. A.* Altai as the borderlands area of the Eurasian cultural genesis 137
 The article is devoted to studying the problems of the frontier areas as a special area of cultural genesis. The main objective was to analyse the logic of a culture of borderland — a holistic community, formed on the basis of the symbiosis of two or more ethnic groups. The object of study: the Altai Territory, where cultural genesis of the frontier zone gets its own specifics, due to its geographical position at the crossroads of the landscapes of the Great Belt of steppes and mountain ranges of Eurasia, as well as at the crossroads of routes of the great migrations and the spread of the world’s religions. In modern transient stage of civilization development, the Altai with its a “biosphere-noosphere” potential, could become a model for development of the regional development strategy, which has heuristic value for the different regions of Eurasia.
 Key words: borderlands; cultural genesis; historical and cultural area; a mountain landscape; Altai; locus; “biosphere-noosphere” potential.
- Astakhov O. Yu.* Cultural and creative ideas for Dionysus myth interpretation in Vyacheslav Ivanov’s philosophy 144
 Cultural and creative ideas in the Dionysus theory of Vyacheslav Ivanov are examined in the article. They are examined in terms of overcoming of the habitual reality hiding the original content of life. The importance of Dionysus universalism in overcoming the separated identity on the developing way for super-personal symbolical art is defined.
 Key words: symbolism; cultural and creative ideas; Dionysus theory; myth.
- Stepanova T. M., Stepanov A. V.* Iconics: Architectural method as complete integrated system 151
 The article studies the system components and design activities, integrated into architectural method from the methodological point of view. The authors propose an analytical combination of the concept “arhitekturi-zatsiya” within iconics as a science, which reflects holistic and historically formed image of the forming visual information. Architectural method is examined as a leading design method, which is focused on the synthesis of science, art, engineering creativity, technology and the humanities.
 Key words: iconic knowledge visual object information; visual substantive factor; holistic thinking is visual; architectural approach; “arhitekturi-zatsiya” perception; analysis; synthesis.

 EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

- Zborovsky G. E., Shuklina E. A.* Migrants' children education in the United Kingdom: educational politics and realities of daily practices 159

The author studies the main stages of the educational politics in the United Kingdom regarding the education of migrants' children and strategies that have defined this process for the past 50 years. Special attention is paid to the development of inclusive education, dominating in the XXI century.

Key words: education of migrants' children; the main stages of educational politics; inclusive education.

- Bystrova T. Yu., Tokarskaja L. V.* Design of the educational environment for children with autism spectrum disorder: to the formulation of the question 168

The article raises the urgent question of determining the parameters of designing educational products for children with autism spectrum disorders (ASD). Examples of design solutions for children with ASD, exploring the possibilities of design, including graphics, the formation of the educational environment of the school in terms of inclusive education.

Key words: inclusive education; educational environment; educational product; design education; design features; the design environment for children with autism spectrum disorders.

POINT OF VIEW

- Iskhakov R. L.* "Don't judge others and God will not judge you". Regarding the issue of federal list of extreme publications 175

This article was first adopted to the analysis of the Federal list of extremist materials, compiled by the Ministry of justice of the Russian Federation pursuant to the Federal law "On countering extremist activity" (2002)

Key words: the Federal list of extremist materials; freedom of speech; freedom of conscience; the extremism; Index Librorum Prohibitorum (the Index of forbidden books).

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

- Doroshenko V. A., Zapariy V. V.* "The second literary path" of Leo Gumylevsky 185

The authors study the aspect of the reorientation of the writer with artistic and social fiction to non-fiction prose under the influence of external social, political as well as domestic creative ones.

Key words: literary genre; party-political censorship; scientific and fiction.

BOOK REVIEWS

- Gavra D. P.* The functions of journalism. From this side and that side: Reflecting upon the book by D. L. Strovsky "From this side and that side: essays and feature stories" (Ural Federal University, Yekaterinburg, 2015, 260 pages) 195

- Myasnikova M. A.* "We need self-affirmation in our activities, in creation..." (Review of: *Kirillova N. B.* Yaropolk Lapshin. Yekaterinburg, 2015) 199

- Antoshin A. V.* For students about publishing of the Russian emigration (Review of: *Bazanov P. N.* Book publishing industry of the Russian emigration. S-Petersburg, 2015) 202

SCIENTIFIC LIFE

- Autism spectrum disorder: problem and possible ways of coping with it: information concerning the International theoretical and practical conference "Autism: interdisciplinary approach", September 18–21, 2015 (*A. I. Kotusov, E. V. Suleimanova, N. V. Tulenina*) 205

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2016
№ 1 (147)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чаноева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 09.03.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,6. Усл. печ. л. 17,7. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 102.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при министерстве образования и науки Российской Федерации, журнала публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. Филологические науки (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. [ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.]

2. [РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.].

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru